

послать. Для стринникопъ былили особые приставнища временные, отъ сюда забредшій немощной оныя передавался своею отчинамъ — къ олтуру своего храма!

Милостиво все это выслушалъ отъ меня покойный князь Дмитрій Владимировичъ, все это оставилъ у себя — дружески и меня оставилъ; но другихъ такихъ минутъ у меня съ ними уже больше не было!

Макаропъ.

Членъ Попечительскаго Комитета.

Записки о Кавказѣ, писанныя Н. Веклемишевымъ въ Оренбургѣ, въ 1849 году.

Мое назначеніе начальникомъ Центра.

Въ то время когда Генераль Хмонинъ умеръ отъ холеры, въ 1847 году, и былъ совершенно счастливъ своею службою, потому что пользовался полною довѣренностью главнокомандующаго. Начальникомъ Центра по смерти Хмонина былъ назначенъ, какъ старшій изъ насъ, приказомъ генерала Звадовскаго, полковникъ Ильинскій. Князь Эривовъ добивался еще при жизни покойника этого мѣста всевозможными уловками, которыми могъ донять и усмотрѣть лишь тотъ, кто находился тогда въ кругу ихъ, и кто смотритъ на азіатъ глазами безпристрастнымъ, подобно мнѣ. Полковникъ Бельгардъ донималъ навѣрное завистью Хмонина, потому что жилъ въ Пальчикѣ и занимался кабардинскимъ языкомъ. Цѣлый мѣсяцъ управлялъ Ильинскій Центромъ, когда получилъ и приказъ о вступленіи въ эту должность. Можете вообразить, что тогда проходило въ сердцѣ у Бельгарда, у Эривова и въ особенности у Ильинскаго, старшаго меня шестью годами въ чинѣ и писавшаго изъ начальника сдѣлавшагося моимъ подчиненнымъ. Но онъ, какъ всѣхъ умѣе, хитрѣе и благовоспитаннѣе, скрылъ свою досаду и оказывалъ мнѣ всегда строжайшую учтивость и подчиненность. Но при удобномъ случаѣ не упустилъ минуты, чтобъ противъ меня закинуть словечко. У него въ станціи, гдѣ онъ самъ живетъ, хищники угнали, безъ выстрѣла, семьдесятъ лошадей. Когда я былъ уже въ немощности, онъ нашелъ случай доложить г-у Коцебу, что это произошло отъ того, что съ тѣхъ поръ, какъ я тутъ начальствую, хищническія партіи будто бы безнаказанно наводняютъ Кабурду. Этому слѣпо повѣрить г. Коцебу. Генералъ Пестеровъ тоже былъ преданъ моимъ назначеніемъ, находилъ меня слишкомъ молодымъ и принималъ участіе въ оскорбленіи, принесенномъ чрезъ

яго Ильинскому. Онъ не преминулъ, когда и явилъ въ немилость, доложить князю, что у Ильинскаго угналъ табунъ однихъ кабардинскійхъ абрекѣ, о которомъ онъ мнѣ писалъ, чтобы его простить. Клянусь вамъ честью, никогда я подобной бумаги не получалъ, и что тогда, и даже долго послѣ того, никому не было извѣстно имя хищника. Несмотря на то, что я не имѣлъ бы никакого права этого абрека возразить, г. Коцебу принялъ рѣши г. Нестерова и мнѣ сдѣлать за это замѣчаніе. Когда Хмонинъ умеръ, Магометъ Мирза Аназаровъ съ 40 человѣками прошель чрезъ Малую Кабарду безъ всякаго опасенія и жилъ 15 дней въ Большой Кабардѣ, перебѣгая изъ аула въ аулъ и привлекая народъ къ присоединенію на общее возстаніе, которое назначалось 15-го сентября: тогда онъ общался самъ съ небольшою партіей появиться въ Кабардѣ. Въ это время кабардинцы воздвигли памятники въ честь абрека, убитаго Хмонинъ въ пятнадцати верстахъ отъ Нальчика. Покойный генералъ не успѣлъ привести въ исполненіе конфирмацію надъ 4 абреками, содержащимися въ Нальчикѣ. Ильинскій не рѣшился этого исполнить, опасаясь волнений. Князь Атажукинъ прибылъ изъ Дагестанскаго отряда и преувеличенными разсказами о неудачѣ Горцевицкаго штурма воспламенилъ умы кабардинцевъ и готовилъ ихъ принять Аназарова. Вотъ положеніе, въ какомъ я принялъ управленіе Кабардой. Очевидно, что Бельгардъ, Эристовъ, Ильинскій и Нестеровъ съ некоторымъ удовольствіемъ видѣли затрудненія, встречаемыя мною при вступленіи въ новую должность. Но будучи одушевленъ поощреніемъ князя, несмотря на угнетавшую меня уже тогда болѣзнь (я только что вышелъ изъ желчной горячки и страдалъ лихорадкой).—я принялся за дѣло съ усердіемъ и самоотверженіемъ, въ первыхъ числахъ сентября. Пятнадцатаго назначилъ казнь, для того чтобы въ этотъ день имѣть въ сборѣ всѣхъ главныхъ кабардинцевъ и сколько можно болѣе войска. Преступниковъ повѣсиль. Въ этотъ самый день Магометъ Аншоровъ, шедшій по своему общиннику въ Кабарду, разбитъ полковникомъ Гроссманномъ на Осетъ. Вскорѣ пришло извѣстіе о взятіи Салты. Я выпросилъ у князя М. С. позволеніе продать забвѣвшу эту новую намяну кабардинцевъ, присагнувшихъ принять Аназарова. Все успокоилось. На мѣсто мое командовать Вольскими казаками былъ назначенъ султанъ Казан-Гирей. Не зная его, я радовался, но вскорѣ увидѣлъ, что онъ есть орудіе Адиль-Гирей и князя Эристова противъ меня. Вотъ положеніе, въ какомъ я началъ управленіе Центромъ. Кабарда ожидала только удобной минуты для костанія, а помощники, которые меня окружали, были к. Гирей, к. Эристовъ, Ильинскій, Нестеровъ и полковникъ Бельгардъ, всѣ возненавидѣвшіе меня съ минуты моего назначенія. Я смѣло надѣялся на поддержку со стороны начальства, но жестоко ошибся. Все противъ меня поднялось, и въ начальническихъ моихъ я не нашелъ никакой опоры. Г. Коцебу ни на что не шикнулъ, а слушалъ

но, что ему говорил Ахиль-Гирей, Г. Завадовскій все видѣлъ и зналъ, но не захотѣлъ спорить съ княземъ Воронцовымъ. Его сѣтельство получать со всѣхъ сторонъ пожмые на меня доносы — всѣмъ имъ повѣрилъ и, не свравши-
вая моего оправданія, приказалъ мнѣ искать другой службы.

Несогласіе съ княземъ Эрстовымъ.

Изъ всѣхъ моихъ враговъ, самый необузданный былъ князь Эрстовъ; онъ скоро началъ дѣйствовать открыто противъ меня; прочіе молчали. Съ первыхъ дней моего вступленія, онъ старался вліяніемъ своимъ ослабить мѣсто мой въ Кабардѣ, обращая народъ къ себѣ. Для этого онъ выдавалъ себя за покровителя всѣхъ угнетенныхъ мною; твердо утверждалъ кабардинцевъ, что скоро князь его назначить на мое мѣсто; сталъ вмѣшиваться во всѣ дѣла Большой Кабарды. Около Пятигорска посланный отъ меня офицеръ поймать яа хищничествѣ партію изъ кабардинцевъ; въ перестрѣлкѣ ранилъ одного и убилъ лошадей; у казаковъ убита лошадь и раненъ казакъ. Предводитель партіи оказался братъ Анзарова. Онъ бѣжалъ прямо къ Эрстову, который его принялъ къ себѣ на квартиру и сталъ за него ходатайствовать, вмѣсто того чтобъ его выдать, какъ слѣдовало бы русскому полковнику. Раненаго, на арбѣ, перевезли чрезъ Терекъ, въ Малуу Кабарду. При тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ я находился, и не хотѣлъ въ чужомъ округѣ дѣйствовать силою, и потому обратился къ князю Эрстову, какъ къ начальнику Малой Кабарды, указывая ему даже на саклю, гдѣ принятъ былъ раненый. Онъ самымъ наглымъ образомъ его отстоялъ и не выдалъ мнѣ. Я въ представленіи своемъ помѣстилъ ходатайство к. Эрстова, и вмѣсто того чтобъ Анзарова повѣсить и отплатъ у него имѣніе, а семейство переселить на Довъ, какъ это слѣвано было за нѣсколько дней предъ тѣмъ съ повѣшенными мною абреками, его, не лишая имѣнія, не трогая семейства, сослалъ просто въ г. Пермь на жительство. Этими князь Эрстовъ не былъ доволенъ, выдавая себя за человѣка, нѣжно любившаго Кабарду. Онъ во всеуслышаніе, въ кругу азанъ, возставалъ противъ моей жестокости и говорилъ, что за первый разъ я долженъ былъ ограничиться арестомъ. Въ сентябрѣ 1847-го года одинъ кабардинецъ, сдѣлавши съ Кабардѣ разбой, ушелъ съ Магомедъ Мирзюю Анзаровымъ, и объявляетъ абрекомъ; к. Эрстовъ, безъ извѣдома моего, выпросилъ ему прощенье и подворилъ въ свой аулъ, на прежнее жительство, въ Большую Кабарду; я объ этомъ узналъ чрезъ три мѣсяца, по жалобѣ ограбленныхъ имъ сосѣдей при побѣгѣ. Вскорѣ послѣ того, другаго абрека, Большой же Кабарды, котораго я преслѣдовалъ по закону, к. Эрстовъ, принявъ подъ покровительство и отдалъ на поруки моему же подчиненному Анзарову, безъ уведовленія даже меня объ этомъ, и возвратилъ попрежнему

на жительство въ оной аулъ, подначальникомъ. Случайно узнавъ объ этомъ, мѣсяца чрезъ четыре позже, я хотѣлъ этого абрека схватить, но онъ бѣжалъ къ к. Эристову, который его водворилъ въ Малую Кабарду. Я жаловался г. Заводовскому, — онъ предписалъ князю Эристову абрека немедленно выдать. Но князь Эристовъ отвѣтилъ, что хотя онъ и получилъ отъ командующаго повелѣніе такое предписаніе, но вѣдѣть объ этомъ съ особымъ представленіемъ прямо отъ себя, къ князю Михаилу Семеновичу. Вообразите торжество Эристова, когда главнокомандующій утверждаетъ его рѣшеніе, за которое по настоящему его слѣдовало бы сто разъ отдать самого подъ судъ. Мнѣ нужно было схватить одного кабардинца; я посылаю по обыкновенному порядку предписаніе начальнику ближайшаго поста о томъ, чтобы онъ съ посланнымъ моимъ офицеромъ немедленно выслалъ команду казаковъ: постъ былъ Горскаго полка, коимъ командовалъ князь Эристовъ, и состоялъ потому подъ прямымъ моимъ начальствомъ. Князю Эристову случилось быть на посту, когда пришло мое предписаніе; онъ моего офицера отослалъ, запретивъ просто начальнику поста выслать по моему приказанію команду, и уѣхать самъ, даже не уведомляя меня о томъ. Получая это давно исполненнымъ, я былъ крайне удивленъ, узнавъ чрезъ нѣсколько дней, что мой офицеръ возвратился, но исполнить моего предписанія, потому что князь Эристовъ, коему слѣдовало, какъ подчиненному, наблюдать за исполненіемъ оного, запретилъ постовому начальнику слушаться меня, единственно для того, чтобы показать кабардинцамъ свое повелѣніе надо мною и свой вѣсъ въ Тифлисѣ. Князь Эристовъ устроилъ школу въ Екатериноградѣ для дѣтей Большой Кабарды, управляемой мною, а не нмѣ; безъ всякаго сношенія со мною и мимо всѣхъ своихъ начальниковъ отправился въ Тифлисъ и отъ главнокомандующаго пріеять предписаніе мнѣ, изъ суммъ Большой Кабарды выдать ему яв это деньги. Одна тяжба между жителемъ Большой Кабарды и жителемъ Малой была рѣшена въ кабардинскомъ судѣ. Князь Эристовъ пишетъ ко мнѣ официально, что какъ жители Малой Кабарды не могутъ вѣрить справедливости рѣшенія, постановленнаго въ Большой Кабардѣ, то онъ требуетъ, чтобы кабардинскій арсидія съ двумя судьями выѣхалъ къ нему и въ присутствіи его перерѣшили бы дѣло. Въ бумагахъ, въ частныхъ сношеніяхъ, вездѣ, гдѣ только онъ могъ, князь Эристовъ не упускалъ случая мнѣ выказать свою недовѣрчивость. Я избѣгалъ проѣзда чрезъ Екатериноградъ, потому что боялся, чтобы пошлости грубости князя Эристова не заставили меня выйти изъ границъ приличія. Возпреставяпо агенты его развѣдывали по моимъ ауламъ и увѣрили царя, что меня обманѣлъ князь Эристовъ. Это заставляло многихъ обращаться къ нему, избѣгая меня. За подобные поступки извѣстный Каргановъ былъ сосланъ въ ссылку на 10 лѣтъ, но его дѣйствія противъ дѣлствій к. Эристова весьма слабы и невинны. Не могъ я оставаться равнодушнымъ къ таковымъ

продѣлками. Не хотѣлъ прямо дѣйствовать рапортами. Писалъ къ Завядовскому, къ г. Коцебу, къ княгинѣ, дабы по крайней мѣрѣ князь Воронцовъ, о моемъ положеніи узналъ. Его сіятельство поручить изволилъ Завядовскому помирить насъ. По Кабардѣ разнесся слухъ, что князь вмѣстѣ съ нами писалъ успокоительное письмо князю Эристову, въ коемъ онъ его убѣждаетъ не печалиться несогласіемъ со мною и увѣрять, что его въ обиду мнѣ не дастъ. Выли мы оба съ Эристовымъ названы въ с. Черкешинскую, гдѣ тогда находился и самъ главнокомандующій. Въ квартирѣ у г. Коцебу при г. Завядовскомъ насъ съ Эристовымъ заставили объясниться; результатъ ятого засѣданія былъ тотъ, что меня нашли вполне правымъ, Эристова кругомъ виноватымъ, и онъ обѣщался никогда не вмѣшиваться въ дѣла Большой Кабарды. До свѣдѣній князя Воронцова подробностей не доведено, а только г. Завядовскій доложилъ его сіятельству, что я съ Эристовымъ помирился. Между тѣмъ князь Эристовъ и султанъ Адиль-Гирей увѣрили главнокомандующаго, что я мнительнаго характера и много всякихъ сплетеній, которыя до меня доходятъ, и что князь Эристовъ всегда ко мнѣ былъ исполненъ большимъ уваженіемъ и привязанностью, и чрезвычайно любезенъ и обходителенъ во всѣхъ сношеніяхъ со мною. Хотя и былъ весьма недоволенъ рѣшеніемъ генераловъ, разбиравшихъ мои дѣла, и хотѣлъ все высказать главнокомандующему, но пожылѣлъ князи при его званіяхъ, и попытка на справедливость и безпристрастную защиту двухъ ближайшихъ моихъ начальниковъ, которые сами вполне оцѣнили чистоту моихъ дѣяній, и сами предо мною удивлялись поступкамъ князя Эристова, я князю Воронцову на вопросъ его: копчены ли ваши несогласія, — отвѣчалъ: копчены. Другой бы на моемъ мѣстѣ потребовалъ суда и остался бы въ выигрышѣ; и увлекся несумѣстнымъ самоотверженіемъ и проигралъ тогда. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ мнѣ сказать, что онъ мною совершенно доволенъ, и далъ мнѣ честное слово, что изъ помыслени у него итъ назначить Эристова на мое мѣсто, что это совершенно невозможно. Въ тотъ же день Эристовъ былъ назначенъ въ оградъ на Аргунь. Не прошло двухъ мѣсяцевъ, онъ тамъ же поучилъ Владимира на шею и тамъ же былъ назначенъ на мѣсто меня начальникомъ Центра.

Исторія казавка, который меня хотѣлъ убить.

Въ 1847-мъ году, когда я командовалъ бригадою казаковъ на Минеральныхъ Иодахъ, меня ранилъ казакъ изъ числа полтавскихъ переселенцевъ. Этотъ человекъ былъ — что называется въ народѣ — порочнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще не поступилъ онъ въ казаки, ему было забили лобъ въ рекрутскомъ присутствіи. Тогда съ нимъ сдѣлался припадокъ этой порчи, и

онъ не принять въ рекруты. Потомъ семейство его поступило въ казаки. Три года прошло имъ льготныхъ по переселенію, и потому Ивану Гриневу приходилось по лѣтамъ его поступить въ строй; я его и зачислилъ къ поступленію на службу съ 1-го января 1847 года. Это было въ іюнѣ 1846 года. Странное это происшествіе случилось слѣдующимъ образомъ, и я считаю случай этотъ однимъ изъ лучшихъ поступковъ моей жизни. Книгина В. была въ Кисловодскѣ. Я возвращался отъ нея поздно вечеромъ; было темно; въ воротахъ у меня стоялъ человекъ: я окликнулся, онъ не отозвался. Приныкъши на Кавказѣ къ осторожности, я крикнулъ казаковъ и еще разъ спросилъ: „кто это?“ — „Мы,“ отвѣчать хохлали. И въ это время выбѣжавшіе казаки со свѣчами освѣтили вооруженнаго человѣка, котораго я видѣлъ въ первый разъ. Неуклюжій видъ его и странный разговоръ побудили смѣхъ во всѣхъ присутствующихъ. Изъ словъ его едва я разобралъ то, что у него съ поля уведи двухъ быковъ, и что онъ подозрѣніе имѣетъ на какого то бабуконскаго казака. И его сильно побранивъ зато, что, вопреки непрерывныхъ подтвержденій, онъ почевалъ въ полѣ бить оружіемъ, и сказали: „ступай въ Ессентуки — завтра поутру я самъ тѣмъ буду и сдѣлаю распоряженіе объ отысканіи твоихъ быковъ.“ Когда онъ ушелъ, мнѣ казаки объяснили, что онъ сумасшедшій, по ихнему выраженію порченый. На другой день поутру поѣхалъ я въ Ессентуки, по обыкновенію моему на телѣгѣ тройкой, безъ конной, съ кучеромъ. На козлахъ сидѣлъ у меня мальчишка цыганъ; у меня на козлинкахъ лежало заряженное двухствольное ружье, за поясомъ былъ пистолетъ и кромѣ того на мнѣ были кинжалъ и шашка. Бѣжалъ я шибко. Вереть семь не доѣзжая до Ессентуковъ, обогналъ я ѣхавшаго въ дрожкахъ пятигорскаго аптекаря и воцѣлъ цѣло кантониста церкомъ. Къ нимъ прилязався Гриневъ и шавель на нихъ безоруженныхъ страхъ несвязными рѣчами и ужасной шаружностью своей. Когда я мимо проскакалъ, онъ отъ нихъ отсталъ, бросился за мною и закричалъ. Не подозрѣвая ни малѣйшей опасности, я остановилъ ямщика и самъ подозвалъ Гринева. Онъ, подѣхавъ ко мнѣ, выхватилъ шашку и поднесъ ее ко мнѣ близко. Нагнувъ на страшную рожу его и вспоминая, что онъ сумасшедшій, я было снятисся за ружье, но мгновенно устыдился этимъ стрихомъ и мыслію, что мой подчиненный можетъ меня ударить. Я оставилъ ружье. — „Вы вчера меня бранили, что нѣтъ у меня хорошаго ружья,“ закричалъ Гриневъ. — „Хорошо, я отнѣтилъ, ступай въ Ессентуки.“ Какъ будто показывая мнѣ шашку, Гриневъ приблизился ко мнѣ говоря: „ночь какова моя шашка,“ и въ то же мгновеніе ударилъ меня по шее. Какое то непостижимое счастье спасло меня. Я успѣлъ ширококнуть тѣло въ сторону, шпатель и мохнатая шапка зацѣпили голову и шею, по концѣ шашки блізъ шеи перерѣзали мнѣ сонетъ три кости на лѣвой рукѣ и разбѣкъ палецъ на правой рукѣ. Пропищѣе и тутъ сонело моя жизнь, бывшую на полоскѣ отъ

смерти, жила уцѣлѣли. Шашка была такъ погнута, что порѣзавши кости не раздробила ихъ, и близость ифеса после уничтожила размахъ. Видя, что дѣло не шуточное, и было схватился за ружье и тутъ только увидѣлъ, что я раненъ. Руки не повиновались. Я крикнулъ: „помощь!“ — мы понеслись. Ударили шашкою въ грудь, Гриневъ въ азартъ хотѣлъ еще рубить и докончить меня, но его лошади не могла довольно близко поддвинуться къ скачущей телѣгѣ, и онъ въ запальчивости забывъ, что у него было заряженное ружье за плечами. — „Дай Боже доскакати и дорубити.“ твердилъ онъ надо мною, сидящимъ обездоруженнымъ въ телѣгѣ. Въ ту минуту, когда мы поскакали, какъ будто изъ земли выскочилъ каванъ Хлѣбникова. Онъ аскакалъ впередъ Гринева, уперъ ему винтовку въ грудь и хотѣлъ стрѣлять. Я увидѣлъ себя чуднымъ образомъ спасеннымъ. „Стой, не стрѣляй!“ крикнулъ я, — онъ сумасшедшій.“ Гриневъ остался живъ. Я приказалъ Хлѣбникову скакать воевъ меня, держа на прицѣлѣ Гринева, который въ запальчивости ничего не видалъ. Мы такимъ образомъ неслись до станицы. Тройка была дикая, Гриневъ отсталъ на нѣсколько сажень. Я влетѣлъ въ станицу, мальчишка цыганъ съ удивительнымъ самоотверженіемъ и присутствіемъ духа соскочилъ съ телѣги и успѣлъ замкнуть ворота передъ Гриневымъ, который съ раскачки упалъ. На него бросились случившіеся тутъ казаки, обезоружили и схватили. Врядъ ли какой нибудь начальникъ къ своимъ подчиненнымъ можетъ привязаться болѣе того, какъ я былъ привязанъ къ своимъ казакомъ. Но съ этой минуты я Хлѣбникова и въ особенности мальчишку цыгана полюбилъ такъ, какъ дай Богъ, чтобы и любилъ родного моего сына. Нашлись мерзавцы, которые ятому святому чувству дали самый гнусный видъ. И нашлось много людей, которые имъ повѣрили.

Скѣло и безъ хвастовства скажу, что немногие на моемъ мѣстѣ поступали бы такъ великодушно съ Гриневымъ. Въ минуту, гдѣ смерть передъ носомъ, когда уже разъ почувствовать себя раненымъ, и второй разъ убійца замахнулся, во всякомъ бы застыло состраданіе, и чувство самосохраненія взяло бы перевѣсъ въ эту минуту, почти никто бы не остановилъ Хлѣбникова, а напротивъ, всякій закричалъ бы: „стрѣляй!“ Поступокъ этотъ даже на умъ сумасшедшаго сдѣлалъ впечатлѣніе. Гриневъ посадили связаннаго на гауптвахту. Перевязавъ рану, я отпрягнулся къ нему и съ любопытствомъ разспрашивалъ о причинѣ его злости на меня, котораго онъ вчера видѣлъ въ первый разъ. Съ видомъ какого то фанатика и твердымъ голосомъ Гриневъ, отдавая справедливость моему великодушію, говорилъ: „насъ Богъ спасъ! Одинъ Богъ сдѣлалъ то, что я самъ не замѣтилъ, какъ поскакалъ въ станицу. Видя, что мы убили вась съ первого маху, мнѣ следовало повернуть въ горы, и поминать какъ знали. Я знаю, что меня теперь ожидаетъ. Но пусть хоть сейчасъ меня привяжутъ къ столбу и стунутъ, разстрѣляютъ, я не боюсь этого. Но и боюсь уме-

реть безъ всякаго прощенья. Я насъ безвинно обидѣлъ." Слыша это, я сталъ его увѣрять, что я вовсе на него не сержусь, и убѣдительно просилъ объяснить, за что онъ меня хотѣлъ убить. Но съ того времени отъ Гринева, кромѣ несмысленныхъ рѣчей, никто ничего не могъ добиться. Узнавъ, что Гриневъ сынъ церковнаго старосты Георгиевской станицы, котораго я зналъ ан весьма умнаго старика, я немедленно за нимъ послалъ и убѣждалъ его успокоиться и не думать, чтобъ я за этотъ случай могъ питать къ нему злобу. До этого времени я никогда не видывалъ его семейства, хотя враги приписывали поступокъ Гринева ревности за жену, за сестру, и впоследствии, какъ увидите, придумали еще гнуснѣе причину. Теперь я хорошо не припомню, но мнѣ кажется, что я ѣздилъ къ семейству и уговаривалъ ихъ не думать, чтобъ я къ нимъ питалъ злобу. Въ такомъ случаѣ кланусь вамъ, что это было единственный разъ, когда я видѣлъ этихъ женщинъ, и поэтому вовсе не могу ихъ себѣ припомнить. Происшествіе это было въ іюль. Зимой я ѣздилъ въ отпускъ. Позиратился въ апрѣлѣ 1847 года. Въ 1-е января того года поступили на службу молодые казакъ, достигшіе 20-ти лѣтъ, въ томъ числѣ младшій сынъ Гринева, братъ преступника, Федоръ, казачекъ прекрасной наружности. Видя, что я его приближилъ къ себѣ, единственно для того, чтобы еще болѣе убѣдить семейство въ томъ, что я весьма далекъ отъ злобы къ нему. Внутреннее сознаніе въ высокомъ поведеніи моемъ въ отношеніи Гринева льстило моему самолюбію; я находилъ какое то безотчетное наслажденіе осыпать молодого Гринева ласками, и о немъ имѣлъ ту же попечительность, какъ объ молодомъ цыганѣ, спасшемъ мнѣ жизнь; я сдѣлался не начальникомъ, а воспитателемъ этихъ двухъ юношей; я находилъ какое то душевное наслажденіе въ родственныхъ попеченіяхъ о Федорѣ Гриневѣ. Никто такъ много не ѣздилъ по своему кордону, какъ я, никто чаще не ночевалъ въ полѣ, въ аулахъ, въ лѣсахъ, какъ я, и въ этихъ постоянныхъ разъѣздахъ я бралъ съ собою всегда Гринева. Подобные разъѣзды на Кавказѣ всегда сопряжены съ опасностью; я находилъ какое то, непонятное для душъ низкихъ, наслажденіе вѣрять ему жизнь мою во время этихъ ночлеговъ. Онъ былъ постоянный мой тѣлохранитель, — онъ, котораго братъ судился за меня и ожидавно ожидалъ казни. Сто разъ онъ могъ меня убить, не подвергая себѣ ни малѣйшему подозрѣнію. До того времени, когда Федоръ Гриневъ поступилъ ко мнѣ въ домъ, онъ занимался въ канцеляріи станицы. Это дало мнѣ случай его видѣть, и очень помню, два раза, но не у себя на квартирѣ. Это обстоятельство я прошу васъ замѣтить; оно впоследствии намъ будетъ нужно для окончанія моихъ разсказовъ.

Слишкомъ годъ продолжалось слѣдствіе и судъ надъ Гриневымъ. Его признали по суду умалашеннымъ и сослали въ Астрахань, въ домъ сумасшедшихъ. Чувствуя себя такъ числымъ софистою въ этомъ дѣлѣ, кинъ только мо-

жно быть чистымъ. я ожидалъ развязки этого суда съ совершеннымъ хладнокровіемъ и спокойнымъ духомъ. Когда я былъ назначенъ начальникомъ Центра, я расстался съ Федоромъ Гриневымъ, но и по сіе время люблю его душою, какъ друга и прекраснаго казака и молодаго человѣка, о которомъ я имѣлъ такое, могу сказать, родственное попеченіе. Онъ чувствовалъ и понималъ всю красоту моего поведения. Не знаю, люди, которымъ послѣ попалъ онъ въ руки, но сумѣли ли испортить все, что было въ немъ хорошаго. Воспоминаніе объ этомъ обстоятельстве всегда для меня будетъ пріятно, потому что въ жизнь мою едва ли случится поступить лучше.

Переселеніе абазинцевъ.

Послѣ вторженія Шамилъ въ Кабарду въ 1846 году, князь Михаилъ Семеновичъ наволѣлъ рѣшить: всѣ аулы Анзаровыхъ съ большой военно-грузинской дороги перевести внутрь Большой Кабарды. Изъ всѣхъ асми, отошедшія подъ Владикавказскій полкъ, государь императоръ изволилъ пожаловать кабардинцамъ значительную сумму денегъ. Дабы опредѣлить, куда именно переселить Анзаровыхъ и кому изъ кабардинцевъ сколько слѣдуетъ денегъ, былъ по высочайшему повелѣнію назначенъ комитетъ подъ предѣлительствомъ начальника Центра. Покойный предѣлитель мой положительно хотѣлъ съ наступленіемъ зимы оставить, и потому умышленно медлялъ рѣшеніемъ обоихъ вопросовъ этихъ, сильно волновавшихъ Кабарду. Это дѣло въ особенности занимало Батыръ-Бека-Тамбиева по слѣдующимъ обстоятельствамъ. Въ смутахъ 1846 года самое дѣятельное участіе принималъ Мугамедъ Мирза и поручикъ Кучукъ Анзаровъ. За двѣ недѣли до вторженія Шамилъ въ Кабарду, Хату Анзаровъ, кнѣзьшій полковникъ, былъ дома, и Мугамедъ Мирза передвѣлъ на имя его все свое имѣніе, такъ что когда его объявили абрекомъ, нечего было конфисковать. Мугамедъ Мирза такимъ образомъ ничего не потерялъ, ибо даже и бывать въ своемъ имѣніи онъ продолжалъ безъ всякаго затрудненія, по содѣйствію князя Эрнстова, который, вопреки всѣхъ убѣжденій Хмелина и генералъ Завадоницкаго, тогда же получилъ управленіе Малою Кабардой. Едва князь Эрнстовъ былъ назначенъ начальникомъ Центра, какъ это управленіе опять присоединено къ управленію Центра. Мугамедъ Мирза свободно и часто бѣжалъ чрезъ Малую Кабарду въ Большую Кабарду. Хмелинъ, Фрейтагъ, Посторовъ, Ильинскій, я — доводили объ этомъ до свѣдѣнія князя Михаила Семеновича, но его сѣятельство вѣрило одному Адиль-Гирею и князю Эрнстову, который былъ осыпанъ наградами. Батыръ-Бекъ-Тамбиевъ по уму своему есть одно изъ самыхъ значительныхъ лицъ въ Кабардѣ; съ малолѣтства находясь въ кругу русскихъ чиновниковъ, онъ привыкъ къ дѣламъ и получилъ большой навыкъ къ интри-

гамъ. Наворотливость и алчность казатскаго характера вполне развились на томъ поприщѣ, которое онъ себѣ составилъ, акраишнее въ довѣренности начальствъ. Онъ себѣ приобрѣлъ значительное состояніе, обирая безъ совѣсти кабардинцевъ, у которыхъ были какія нибудь тяжбы въ оудѣ, или желающихъ что либо получить отъ начальства. Происхождение его не уздонское. Отецъ его большеотпущенникъ, по чинѣ подполковника, накраденное богатство и въ особенности довѣренность начальства даютъ ему большой вѣсъ въ Кабардѣ. Изъ высочайше пожалованныхъ кабардинцамъ за земли денегъ, Батыръ-Бекъ не имѣлъ права ни на одну копейку, надѣялся получить большую часть. Для этого онъ составилъ партію изъ нѣсколькихъ кабардинскихъ князей, которые подъ присягою увѣрили комитетъ, что притязанія Тамбиева справедливы. Хату Анзаровъ, который не имѣлъ овечьихъ земель, не имѣлъ тоже никакого права на вознагражденіе за землю. Батыръ-Бекъ выдалъ за него родную сестру свою, и они стали дѣйствовать вмѣстѣ. Подавали докладныя записки во всѣ стороны. Они рѣшились у Анзаровыхъ, живущихъ по рѣкамъ Шекеру и Нескену, отнять земли. Эти Анзаровы принадлежатъ совершенно другой фамилии и вообще воли себя довольно преданно нашему правительству. Я зналъ давно всѣ козни Батыръ-Бека и Хату Анзарова и въ мѣсяціи моемъ по комитету, въ коемъ я одѣлался председателемъ, совершенно ихъ лишилъ всякаго участія въ раздаваемыхъ деньгахъ, и Хату, какъ человѣку, въ предательскомъ расположеніи коего я былъ твердо убѣжденъ, я предназначилъ землю, отдаленную отъ Терека и лежащую подъ непосредственнымъ наблюдениемъ нашихъ крѣпостей, по принадлежащую князьямъ Атажукинымъ. Вотъ причина ненависти ко мнѣ Батыръ-Бека-Тамбиева и всѣхъ его козней противъ меня. Съ самаго иступленія моего въ должностъ начальника Центра, главнокомандующій лично и нѣсколько разъ чрезъ начальника штаба мнѣ изъявлялъ желаніе, чтобъ съ наступленіемъ весны переселеніе это непременно было совершено. Когда я приступилъ къ ятому дѣлу, по всей Кабардѣ поднялся ропотъ. Анзаровы съ Нескена и Шекера не хотѣли покинуть своихъ родовыхъ земель; другіе кабардинцы не хотѣли ихъ принять на свои земли; Хату не хотѣлъ сходить съ мѣста. Всѣ Анзаровы постоянно прибѣгали къ князю Орнстову за совѣтами, и онъ, какъ будто соблазнуя о нихъ, приписывалъ всѣ эти распоряженія моимъ выдумкамъ и безпрестанно толкающихся у него кабардинцевъ увѣрялъ, что за эти пригласенія князь Воронцовъ меня съѣздитъ и назначить его. Почти навѣрное могу подозревать, что онъ ихъ подбивать къ неповиновенію. Батыръ-Бекъ поддерживалъ Хату, потому что ему хотѣлось завладѣть землями другихъ Анзаровыхъ и получить деньги, которыхъ я его лишалъ. Всѣ Анзаровы присягнули ни подъ какимъ предлогомъ съ мѣста своихъ не сходить и, «желе бы употреблена были противъ нихъ сила, твердо стоять за свои родовыя аулы, драться до послѣдней край-

ности. Это было весной, въ апрѣлѣ; тогда и напечатали отъ лихорадки, и горячекъ, совершенно погубившихъ мое здоровье, но несмотря на это, усердіе мое къ службѣ и мечта, что главнокомандующій знаетъ и цѣнитъ мои труды, поддерживали меня. Несмотря на мою болѣзнь, и недѣли дѣя постоянно ѣздилъ изъ аула въ аулъ, уговаривалъ, увѣщивалъ Аназоровыхъ покоряться волѣ начальства, ѣздилъ въ Ставрополь, по Индикавказъ, все по атому дѣлу. Аназоровы были непреклонны. Генералъ Коцебу писалъ ко мнѣ, что князь разрѣшилъ употребить силу. Генералъ Заваловскій, къ которому я собственно за тѣмъ ѣздилъ въ Ставрополь, явля крайнюю необходимость, разрѣшилъ мнѣ дѣйствовать войсками. Возвратясь въ Кабарду, я въ самый свѣтлый праздникъ прѣѣхалъ, для соображеній по предполагаемому движению войскъ, къ генералу Неостерову, во Владикавказъ, въ совершенномъ изнеможеніи отъ болѣзни, и пролежалъ въ жестокихъ страданіяхъ двое сутокъ. Истощивъ всѣ средства увѣщаній и понужденій письмами начальника штаба, я рѣшился двинуть войска. Едва движение это началось, какъ Аназоровы покорились. Я остановилъ войска. Аназоровы сами начали переселеніе, которое совершили въ трое сутокъ. Тогда я распустилъ войска и, въ совершенномъ восторгѣ отъ благополучнаго окончанія того, уже полтора года тянувшагося дѣла, немедленно увѣдомилъ о томъ начальника штаба. Генералъ Коцебу отъ имени князя Воронцова осыпалъ меня благодарностями и похвалами. Я вѣрилъ словамъ атимъ, и кто же на моемъ мѣстѣ усомнился бы въ нихъ? Я былъ вполне увѣренъ, что щедрая рука князя Воронцова, осыпавшая подчиненныхъ его наградами, раскроется и для меня, уже три года ничего не получавшаго. Я молчалъ, и потому не просилъ награды, что я вполне чувствовалъ себя достойнымъ ихъ. Но Боже мой! какъ я ошибался!

Исторія кабардинки Фати.

Однажды въ Налчикѣ является ко мнѣ одна молодая кабардинка, подъ названіемъ Фати Клишова, и объясняетъ слѣдующую исторію, проси моего пособія, какъ мѣстнаго начальника. Она была отдана замужъ за Кубань. Мужъ съ нею разошелся и отослалъ къ матери. Въ то время при начальникѣ Центра, князѣ Голицынѣ, находился переводчикъ изъ Горскаго казачьяго полка — Калбековъ. Какъ то ему удалось обмануть ее и мать, и выдавъ себя за мусульманина, онъ женился на ней по обряду мюлетаанской церкви. Настали въ Кабардѣ смуты въ 1846 году, и Калбековъ лишился своего мѣста. Тогда онъ объявилъ Клишенинѣ, что онъ христіанинъ, что имѣетъ въ Моздокѣ жену и дѣтей, и бросилъ бѣдную Фати отъ малолѣтнихъ сыновъ. Она сдѣлалась предметомъ общаго смѣха и презрѣнія въ кругу кабардинскихъ князей и узденей. На нее смотрѣли какъ на полурусскую, потому что имѣла сына отъ русскаго.

Никто не хотѣлъ нѣтъ этого ребенка на воспитаніе. Были фанатики, которые грозилась его убить. Братья хотѣли ее продать въ отдаленныя горныя аулы въ холодки. Я принялъ живое участіе въ дѣлѣ Фати. Убѣдиль Калабекова принять сына, и признался въ томъ, что самъ имѣлъ эту женщину. Желая ее совершенно успокоить, я старался ей найти приличную партію. Тогда султанъ Кази-Гирей только что былъ назначенъ командовать бригадою хакаковъ. Я, нисколько не подозрѣвая его въ недоброжелательствѣ ко мнѣ, обратился къ нему, какъ къ доброму товарищу, и пишу къ нему, что я имѣлъ саянъ съ такою то женщиной, и потому и бы желать ее защитить отъ всякаго гонимія, и спрашиваю его, нѣтъ ли у него нѣтъ его узденей или подчиненныхъ какого нибудь бѣднаго молодого человѣка, котораго можно бы предложить въ женихи Фати, что въ такомъ случаѣ и за нею дамъ приданое, и онъ не имѣетъ нужды платить казнами. Кази-Гирей, получивъ это письмо, вмѣсто того чтобы оправдать допѣріе товарища, усмотрѣвъ въ этомъ обстоятельстве только одно орудіе противъ меня. Съ письмомъ этимъ онъ скачетъ къ князю Эрнстову въ Кабардиноградъ, гдѣ тогда проживалъ султанъ Адиль-Гирей, выписываетъ туда Батыръ-Бека-Тамбиева, и въ общемъ сообщеніи положили съ Адиль-Гиреемъ послать объ этомъ извѣстіе къ князю Воронцову въ Тифлизъ, представивъ дѣло въ такомъ видѣ, которое могло бы наиболѣе глумливокомандующаго на меня прогнѣвать. Они писали, что будто бы, пользуясь званіемъ начальника и зная, что покорности кабардинцевъ къ русскому правительству помѣшаетъ имъ поднять руку на меня, я насильно увезъ одну кабардинскую княжпу и насильственно началъ ее; что будто бы цѣлая Кабарда, оскорбленная этимъ поступкомъ, ожидаетъ справедливой защиты отъ князя Воронцова. Кази-Гирей вложилъ эту басню распустилъ съ азіатскими прикрасами по вѣсѣмъ своимъ ауламъ, и за Кубань. Сочинивъ пропеліе отъ имени всѣхъ жителей Кабарды къ князю Воронцову, они отправили Батыръ-Бека-Тамбиева по вѣсѣмъ ауламъ собирать подписи и рукоприкладство. Съ трудомъ убѣдили они нѣсколько незначущихъ людей подписаться, но никто изъ кабардинцевъ, нѣсколько значительнѣе, не рѣшился подписать эту ложь, даже и тѣ, которые были мною подкуплены, напримѣръ, майоръ Шардановъ: —его я задѣлъ за самую слабую для азіата струну, лишивъ его всѣхъ денегъ, которыми онъ ложными своими показаніями надѣлся получить отъ комитета за земли, отошедшія подъ Владикавказскій полкъ. Онъ Батыръ-Беку отвѣтилъ: „неравно на слово князь Воронцовъ не повѣритъ, и Беклемишевъ по слѣдствію обвинитъ насъ во лжи, тогда мы пропадемъ.“ Полковникъ хаджи Атажукинъ рѣшительно отказался гоноря, что: „если бѣ Беклемишевъ дѣйствиительно оскорбилъ нашу шѣру и обычаи, то я, по званію хаджи и старшаго князя въ Кабардѣ, обяжусь бы жаловаться, но такъ, какъ никто изъ русскихъ нашихъ начальниковъ болѣе Беклемишева не оказывалъ

намъ уваженіи и не поддерживать нашихъ обычаевъ, то я не рѣшаюсь подтвердить такую ложь силой печати. Такимъ образомъ, отъ кабардинцевъ прошение къ князю Воронцову не пошло. Но изъ за Кубани въ генералу Завадовскому пріѣхалъ закубанецъ и будто бы оттуда принесъ ему извѣстіе о насильствѣ, угнетеніяхъ, оскорбленіяхъ вѣры и обычаевъ въ Кабардѣ начальникомъ Центра. Эта хитрость увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Изъ всѣхъ кабардинцевъ генералъ Завадовскій болѣе всѣхъ, по несчастію для края, вѣрилъ Батыръ-Беку. Онъ его и выписалъ въ Ставрополь для распросовъ по ятому дѣлу. Этого то добивались всѣ заговорщики мои. Можете себѣ вообразить, какъ радъ былъ Тамбиевъ такому случаю, и что онъ папѣтъ генералу Завадовскому. Между тѣмъ въ Тифлисѣ султанъ Адиль-Гирей принялся горячо дѣйствовать. Но знаю, какъ они подсунули главнокомандующему одного чиновника изъ пограничной комиссіи, котораго только за двѣ недѣли передъ тѣмъ князь приказалъ было совсѣмъ выгнать изъ службы за мерзости и пакости, нѣкоего Кодзакова. Не могу себѣ объяснить, какъ они умудрились черезъ нѣсколько дней послѣ того этого человѣка явственнѣе въ такую довѣренность къ князю Михаилу Семеновичу, что его снательство изволило его послать секретно разузнать въ Кабардѣ подробности извѣстія, дошедшаго до него, о томъ, что я увязъ насильно кабардинскую княжну. Кромѣ ятого князь ятому пролазу поручилъ донести, какъ я управляю Центромъ, и какъ генералъ Ковилевскій управляетъ правымъ флангомъ; поручалъ ему даже пройтись къ немирнымъ абазинцамъ и войти съ ними въ переговоры объ окончаніи непріязненныхъ дѣйствій и о замиреніи съ Россіей. Кодзакъ я знаю съ малолѣтства. Онъ абазинецъ, родился въ Кабардѣ и воспитывался у одной изъ моихъ тетокъ въ Москвѣ. Она ему завѣщала много денегъ. Онъ весьма поглупый паренъ, но крещеный, вовсе не знаетъ кабардинскаго языка, поэтому всѣ родные отъ него отшатнулись. Такъ какъ онъ съ трудомъ могъ себѣ найти мѣсто въ Тифлисѣ, то въ Кабардѣ онъ не только не имѣлъ никакого вѣса, но даже вообще былъ презираемъ и не любимъ. Около князя Михаила Семеновича составилъ кругъ умныхъ и хитрыхъ, но вовсе неблагонамѣренныхъ азіатовъ, дѣйствуя анодно, надѣялись, вкравшись въ довѣренность князя, много сдѣлать вреда Россіи; именно: султана Адиль-Гирей, муса Кулдуковъ, тагаурецъ Лудеровъ, султанъ Казан-Гирей и князь Эристовъ. Послѣдній, всѣхъ хитрѣе, дѣйствовалъ уклончивѣе всѣхъ. Всѣхъ отчаяннѣе, моложе и болѣе ободренный случаемъ и обстоятельствами былъ Адиль-Гирей. Они въ Кодзакѣ усмотрѣли полезное орудіе. Вѣра и обшанное богатство служили ему прикрытіемъ для дѣйствія въ пользу исламизма и для корысти. Онъ увидѣлъ, возможность изъ презрѣннаго нищаго вдругъ сдѣлаться уважаемымъ и богатымъ, и не имѣя ни вѣры, ни отечества, онъ съ восторгомъ принялся служить усиливавшейся противу русской партіи

при князь Воронцовъ. Надо сознаться, что нужно быть такимъ опытнымъ интриганомъ какъ Адиль-Гирей, чтобы, несмотря на гнѣвъ и предубѣжденія князя Михаила Семеновича противъ Кодзакова, довести дѣло до того, что главнокомандующій призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ и самъ лично поручилъ секретное донесеніе, о которомъ я сказалъ выше. Въ то время у главнокомандующаго было на разсмотрѣніи дѣло о томъ, что абазинцы, живущіе въ Кабардѣ, (изъ коихъ родомъ Кодзакъ) просили дозволенія переселиться на рѣку Куму. Этимъ обстоятельствомъ не упустилъ воспользоваться Кодзакъ. Впередъ себя онъ послалъ извѣстіе о своемъ прѣйдѣ, о той довѣренности, какою онъ пользуется у главнокомандующаго, о влияніи, которое слово его можетъ имѣть на переселеніе абазинцевъ и на дѣла въ Кабардѣ. Князь Эривостъ и Тимонскъ съ своей стороны распустили нужные объ немъ слухи. Надо долго жить между азіатцами, чтобы повѣрить рассказамъ глупой надменности азіатца, когда его судьба внезапно нозаявшигъ, что такъ часто случается на востоцкѣ. Этого самаго Кодзакки, на котораго за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ совершенно никто не смотрѣлъ въ Кабардѣ, теперь всадѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ; далеко изъ ауловъ, на холмахъ, выставляють конныхъ часовыхъ, чтобы надали извѣстить объ его приближеніи; выѣзжаютъ ему навстрѣчу, и онъ съ надменностью азіатскаго ныскачки торжественно пѣзжаетъ въ Кабарду и съ многочисленной свитой, сѣзжающей со всѣхъ ауловъ, прибываетъ въ Нальчикъ судить по порученію князя меня за угнетеніе кабардинцевъ и за тайную связь мою съ кабардинкою. Надо знать азіатцевъ, чтобы повѣрить тому натальству, съ которымъ Кодзакъ пришелъ ко мнѣ, предъивилъ мнѣ порученіе князя Воронцова и потребовалъ отъ меня для опросовъ ноль-Кабарды. Съ недѣлю этотъ инквизиторъ жилъ въ Нальчикѣ, и около его квартиры отъ заридо жри толпились народъ. Пославъ донесеніе о дѣлѣ Фати, онъ отправился въ Кисловодскій кордонъ, дабы обревизовать эту часть моего управленія и подробно послать о немъ донесеніе къ князю. Все это дѣлалъ онъ съ такимъ нахальствомъ, которому трудно помѣрить. Нписавъ большое донесеніе, онъ всегда требовалъ, чтобы это донесеніе о надочинныхъ имъ злоупотребленіяхъ (которое онъ имѣлъ всѣ средства отправить иначе) я самъ съ широкимъ отсылалъ къ начальнику штаба г. Коцебу. Въ своемъ мѣстѣ я буду гонорить объ этихъ донесеніяхъ; теперь возвратимся къ дѣлу о кабардинцѣ. Настѣлъ аз Кодзаккинымъ пѣзжаетъ изъ Тифлиса султанъ Адиль-Гирей. Этотъ хитрый татаринъ, снѣдаемый финатической ненавистью ко всему русскому и не имѣвший прежде никакого значенія въ Кавказѣ, сумѣлъ вкрасться въ довѣренность главнокомандующаго до того, что уже нѣсколько разъ былъ посылаемъ имъ къ закубанскимъ племенамъ. Тамъ, обманывая князя, онъ сумѣлъ увѣрить нѣкихъ азіатъ, князя въ значеніи своемъ. Ему приписывали всѣ снисхожденія, всѣ

милости, которыми князь Михаилъ Семеновичъ всегда такъ щедръ съ туземцами. Въ особенности ему приписывали повелѣние, изданное княземъ, о повариваніи якубанскимъ князьемъ всѣхъ бѣжавшихъ отъ нихъ въ теченіи десяти лѣтъ холоповъ, объявленныхъ волными леземъ и подданными Россіи. Это сдѣлало имя его извѣстнымъ по нѣмъ горамъ. Въ то время одво важное обстоятельство давало ему нѣтъ главахъ азіатъ невыразимое значеніе. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ посылать его къ Шамилу съ переговорами. Онъ только что возвращался оттуда. Живя въ самомъ сердцѣ Кавказа и еще болѣе по страсти своей къ разсѣдамъ, нежели по обязанности, постоянно такскансь нѣтъ аула въ аулъ и часто дѣлая поѣздки въ самые горные аулы, и всегда зная, какіе толки преимущественно занимаютъ народъ. Такимъ образомъ и узнать о любовитной поѣздкѣ Адиль-Гирей къ Шамилу. Вся Кабарда обривовалась, когда пропеслись слухи о скоромъ прибытіи его. Въ самыхъ отдаленныхъ аулахъ стекались усердные мусульмане, чтобы издѣять этого ашступника и надежду ихъ упавшей шры. Надо было явдѣть фанатизмъ, съ которымъ народъ встрѣчалъ Адиль-Гирей, называлъ его царемъ своимъ и осипалъ вопросами о Шамилѣ. Судить на эти вопросы обыкновенно отвѣчалъ издохами, ссызани и восклицалъ: „геніі! геніі! не человекъ!“ Онъ объяснилъ, что прислалъ главнокомандующимъ для того, чтобы разсѣдовать связъ мои съ кибардинкой. Остпновился у меня. По требованію его и созвалъ къ нему почти всѣхъ кибардинцевъ, имѣющихъ какое либо значеніе въ народѣ. Этотъ почетъ не былъ такъ разителенъ, какъ почести, отмываемыя Кодзакону, поэтому что Адиль-Гирей есть адъитантъ главнокомандующаго. Нѣмсто того чтобы ограничиться разсѣдованіемъ о моихъ связяхъ съ Фати, онъ разсказами своими о Шамилѣ, о силѣ своей, о шры, привелъ многихъ въ такой восторгъ, что обстоятельство, весьма еще немногимъ извѣстное и совершенно ничтожное, сдѣлалось предметомъ общихъ толковъ и сужденій во всей Кабардѣ. Многие, послѣ его увлеклющихъ разсказовъ, готовились убить несчастную эту женщину, ермили все семейство, братья не находили мѣста отъ упрековъ; ихъ шѣ подхитиримили убить сестру, но они не знали о моей связи съ нею и не рѣшились по однимъ толкамъ на такое преступленіе. Послѣ Адиль-Гирей былъ присланъ майоръ Кундуковъ тоже съ порученіемъ разсѣдовать дѣло Фати. Онъ шбѣ пелъ очень скромно, умно, безъ глупой азіатской надменности, но не упустить случая всѣмъ дать почувствовать, съ какими важными порученіемъ онъ былъ посылаемъ къ Шамилу вмѣстѣ съ Адиль-Гиреемъ. На вопросъ, звѣмъ именно, — онъ отвѣчалъ: „это останется вѣчной тайной между мной, Адиль-Гиреемъ, Шамилемъ и княземъ Воронцовымъ.“ Фати смѣло отговаривалась отъ всего. Она не знала, что и самъ все высказалъ неосторожно; довѣренностью мою къ Казн-Гирею. Идти, что дѣло это, въ сущности пустое, принима-

еть такой образъ. зная, что съ деньгами все можно сдѣлать въ Аши, и твердо упрямый въ томъ шипини, которое и учить себя приобрѣсти у бабуконцевъ. я похвѣлъ къ нимъ въ аулъ. Изъ одну ночь я набралъ нѣсколькихъ женщинъ и на разсвѣтъ увезъ ихъ съ собою изъ Кабарду и послалъ ихъ къ Фати на выборъ. Она выбрала одного—Паштова. И дала много денегъ. Составили по ихъ обрядамъ свадьбу весьма пышную; праздникъ продолжался дней десять у нихъ въ аулѣ. Потомъ два брата поѣхали провожать сестру въ Бибукевскій аулъ, и тамъ на весь аулъ былъ праздникъ и пиръ цѣлыхъ двѣ недѣли. Такой неожиданный переворотъ былъ жестокий ударъ для всѣхъ моихъ враговъ, — они были въ отчаяннѣ. Между тѣмъ семейство Клишневыхъ видѣло во мнѣ своего благодѣтеля. Посрамленная сестра вышла замужъ за уважимаго узденя и за молодца. Братья вышли изъ стыда, давно ихъ угнетавшаго. Конечно, ни одинъ русскій въ черкесскомъ семействѣ не можетъ быть такъ любимъ и такъ обласканъ, какъ и былъ обласканъ въ семействѣ Клишневыхъ. Когда я уѣзжалъ изъ Кавказа, когда былъ въ немилости, и когда всѣ русскіе отъ меня отшатнулись какъ отъ чумнаго, тогда еще меня старуха-мать, сестра и братъ Фати провожали съ такимъ участіемъ, которое мнѣ у ашизъ не случилось видѣть и къ шазату. Кажется, во всемъ этомъ ничего нѣтъ такого, которое бы стоило гнѣва на меня князя Воронцова; — однакоже увидите далѣе, какъ сумѣли злость и коварство изъ этого обстоятельства извлечь оружіе, чтобы очернить меня въ мнѣннн князя, и какъ легко его свѣтлостъ повѣрилъ гнусной сказкѣ, упримо отвергая хорошую истину.

Потрудитесь прочесть прилагаемую здѣсь переписку мою съ начальникомъ штаба объ этомъ обстоятельстве. Изъ письма его превосходительства можно заключить, что главнокомандующій изволилъ исполнѣ остаться довольнымъ моимъ объясненіемъ, и что дѣло это тѣмъ и кончилось. Такъ думать я, кто же бы на моемъ мѣстѣ усомнился? И тѣмъ болѣе успокоился, что имѣлъ счастье долго послѣ того въ Черкесской отъ князя Михаила Семеновича слышать похвалы и одобренія моей службѣ. Но очень скоро послѣ этихъ лестныхъ словъ, по волѣ его свѣтлости, и долженъ былъ уступить мое мѣсто князю Эристову. Ножи мои! какъ я жестоко ошибался, когда, слыша лестныя похвалы князя Михаила Семеновича, я душевно торжествуя, былъ убѣжденъ въ томъ, что князь обо мнѣ отличнаго мнѣнія. Впрочемъ, при томъ сильномъ расстройствѣ, въ какомъ было тогда мое здоровье, при той сильной борьбѣ, которую я долженъ былъ выдерживать съ многочисленными моими врагами, одно это заблужденіе мое, воспламеняя во мнѣ отчаянное и какое то восторженное усердіе къ службѣ, въ состояннн было поддерживать мои физическія силы, но крайній мѣръ до прѣзда его свѣтлоства изъ Кисловодскъ.

Послѣдствія свадьбы Фати.

Пусть въ сущности своей связь моя съ Фати сдѣлалась авѣдой, руководящей враговъ моихъ. Ною надеждою свою на мою гибель они основывали на этомъ обстоятельстве; увѣренные въ успѣхъ, они не могли выдержать характера и въ избыткѣ восторга своего уже провозгласили свое торжество. Казн-Гирей, Хуніевъ, Суслонъ въ Пятигорскѣ, к. Эрнстовъ въ Екатериноградѣ, на свадьбѣ у маіора Шилинга, всему обществу раскладывавъ подробности составленной ими исторія и въ порывахъ неумѣстной радости своя восклицалъ: „ужо теперь то онъ, я надѣюсь, не останется на своемъ мѣстѣ!“ Можете себѣ вообразить, какой ударъ для нихъ была вѣсть о свадьбѣ Фати и хорошей для меня развѣнкѣ этого дѣла. Видя жертву, уходящую пѣзъ рукъ ихъ, они въ бѣшенствѣ метались во все стороны. Князь Эрнстовъ, человекъ гордости и надменности, неприступный для всякаго подчиненнаго, не зная какимъ образомъ, заманилъ къ себѣ на квартиру брата Паштова, Каирбека, и въ избыткѣ злости оталъ его упрскать всеми убѣжденіями, доступными для мусульманскаго сердца, въ намѣрени брата осквернить себя бракомъ съ полу-христіанкой; истощивъ всевозможныя убѣжденія, чтобы Каирбекъ, пока еще не поздно, помѣшалъ браку, наконецъ сказалъ: „она не мусульманка, но русская б...!“ Кровь закипѣла въ пылкомъ Каирбекѣ. Этотъ инюша, давно извѣстный мнѣ своимъ восторженнымъ характеромъ, остановилъ его, сказавъ: „князь! она не вѣста моего брата!“—и вышелъ. Казн-Гирей придумалъ слѣдующее. По обычаю края, Фати поѣхали провожать въ Бабуковский аулъ два ся брата со многими товарищами, взявъ для этого отъ меня на выѣздъ изъ Кабарды билеты. Ширъ свадебные въ аулѣ продолжались десять дней. Въ это время, такъ какъ обыкновенно черкесы пьютъ много бузы, всегда бывають ссоры и драки. Клан-Гирей окружилъ моихъ кабардинцевъ своими агентами, но я, предвидя это, предупредилъ ихъ и хозяевъ. Все обошлось благополучно, стали разѣбжаться. Станичный начальникъ, офицеръ, выгнанный Ильинскимъ изъ полка, отравленный мною отъ должности за гадости и потому собственно назначенный въ эту должность Клан-Гиреемъ, — по порученію его слѣдилъ за ними какъ порокъ. Билетъ былъ написанъ на семь человекъ. Кабардинцы послѣ долгихъ упеселеній отправились домой. Братъ Фати остался на нѣсколько минутъ съ нею, прося товарищей, у коихъ былъ общій билетъ, ѣхать шагомъ, а самъ намѣренался ихъ догнать на нѣсколькихъ верстахъ. Слѣдя за всякимъ шагомъ ихъ, станичный начальникъ долъ товарищамъ Клишева отѣбжать отъ аула и тогда бросился на брата Фати и, саяавъ его какъ безпаспортнаго человека, посадилъ въ арстантскую. Напрасно этотъ бѣдный кабардинецъ ссылался на двухъ Паштовыхъ, на сестру, на цѣлое общество

аула, которое онъ же угощалъ цѣлыхъ двѣ недѣли, въ извѣстность самого станичнаго начальника, — его продержали подъ сильнымъ карауломъ цѣлую недѣлю и потомъ выпустили. Разумѣется, этотъ несчастный молодой человекъ явился ко мнѣ съ жалобой и требовать удовлетворенія. Кази-Гирей очень понималъ, что связанъ мной съ Фати помѣшаютъ мнѣ вступить за Клишева. Паштовъ послѣ свадьбы просилъ у Кази-Гирей позволенія отправиться въ Кабарду купить себѣ холоповъ: султанъ придумывалъ всевозможныя причины, чтобы не дозволить ему эту поѣздку; строжайше запретилъ кому бы то ни было изъ бабуковцевъ ѣздить въ Кабарду. Паштовъ обратился ко мнѣ съ просьбой о ходатайствѣ у Кази-Гирей. Нѣсколько разъ я просилъ султана дозволить Паштову пріѣхать ко мнѣ въ Нальчикъ; — онъ, не имѣя причинъ отказать въ этой просьбѣ, приказалъ Паштову пріѣхать къ себѣ въ Ессентуки за билетами, а станичному начальнику запретилъ бабуковцевъ изъ аула выпускать безъ билета отъ себя и не приказалъ такого выдавать Паштову. Получивъ отъ Паштова о томъ свидѣнія, я наконецъ писалъ къ султану письмо, въ которомъ описывалъ выходку станичнаго начальника, и просилъ отпустить ко мнѣ Паштова. Султанъ, пожиряемый злобой и досадой, искалъ придирки, чтобы имѣть возможность на меня жаловаться, подстрекаемый Хушевымъ, который скоро понялъ его за человека глупаго. Рассказавъ всѣмъ своимъ знакомымъ, что онъ вынужденъ ѣхать ко мнѣ объясниться за сдѣланную ему обиду, пріѣхалъ въ Нальчикъ совершенно до товарищески, остановился у меня, жить трое сутокъ не говоря о дѣлѣ, и наконецъ передъ отъѣздомъ сталъ говорить о томъ, что я напрасно обвинялъ станичнаго начальника, что у Клишева билета не было, что онъ, принимая живое участіе въ подчиненныхъ своихъ, лично оскорбляется невиннымъ обвиненіемъ своего офицера. Чувствуя, что я связавъ вмѣшательствомъ въ это дѣло женщины, по несчастію, мнѣ не чуждой, онъ горячо настаивалъ на обидѣ, причиненной ему моимъ письмомъ. Исполнѣ понимая его цѣль, я его просилъ прекратить разговоръ о предметѣ, для меня слишкомъ неприятномъ, и сказалъ ему: „вы находите для себя обиднымъ письмо мое, хотя вы не можете доказать, чтобы оно было написанно неучтиво, несмотря на то, что вы мнѣ отвѣчали неоправдательно дерзко; но коль скоро дѣло идетъ, какъ вы говорите, о письмѣ моемъ то я прошу васъ извинить меня въ томъ, что вы въ этомъ письмѣ нашли для себя обиднымъ, а дабы еще болѣе васъ удовлетворить, то я сейчасъ при свидѣтеляхъ повторяю мое извиненіе;“ — и позвавъ изъ сосѣдней комнаты находившихся тамъ офицеровъ, говорю имъ: „господа! султанъ отъ меня получилъ письмо, которымъ онъ недоволенъ; имѣю я нужию знать, что въ немъ написано, но при васъ я прошу у него извиненія въ томъ, что могло быть въ этомъ письмѣ для него непріятнаго.“ Затѣмъ и прошу султана оставить объ этомъ дѣлѣ разговоръ, слишкомъ для меня

неприятный. Казн - Гирей проснется ко мнѣ въ объятія и, размыывая питетическую пищу, пресыщенную, утѣряетъ меня въ своей любви и преданности ко мнѣ. Черезъ нѣсколько дней, въ Георгиевскѣ мы встречаемся на ярмаркѣ. Туда прѣхалъ братъ Фати. Казн - Гирей мнѣ докладываетъ, что Клишевъ сейчасъ славащень на воровствѣ двухъ лошадей. Я отвѣчалъ, что ежели такъ, то приложите его арестовать." Что же оказывается?— Клишевъ почевалъ у сестры, а лошадей свою пустилъ на ночь въ станичный табунъ; на другой день утромъ отправился за ней; подходя къ табуну, увидалъ двухъ лошадей, отшатнувшихся отъ табуна; онъ ихъ заворотилъ и загналъ въ табунъ; въ это время его взяли и представили султану. Продержавъ обѣднего Клишева цѣлую недѣлю на гауптвахтѣ, его выпустили потому, что невозможно даже было найти, къ чему придраться, чтобы изъ такого чистаго дѣла вывести что либо въ его обвинение. Привыкнуши къ этимъ гадостямъ и вполне понимая Казн - Гирея, я былъ такъ остороженъ, что не говорилъ объ этомъ дѣлѣ ни слова, рѣшившись все это на словахъ доложить князю Михайлу Семеновичу, въ полной довѣренности коего я не сомнѣвался послѣ лестныхъ похвалъ, коими онъ меня постоянно такъ ободрялъ.

Къ сожалѣнію моему, я не всѣ сохранялъ письма султана Казн-Гирея, но тѣ, которые остались, стоить прочесть, чтобы постигнуть, до какой степени дерзокъ и неукротимъ этотъ татаринъ, багровень счастья, надменный и глупый. И прилагаю съ нихъ здѣсь копии.

Переселеніе абазинцевъ.

Не стану вамъ излагать, въ чемъ состоитъ вопросъ переселенія абазинцевъ, живущихъ въ Кабардѣ, но попрошу васъ прочесть письма мои объ этомъ къ г. Яковдовскому. Тогда Николай Степановичъ былъ въ отрядѣ въ Чечнѣ съ княземъ Норонцовымъ. Этими письмами я имѣлъ въ виду вынудить его заговорить о томъ, что дѣлается въ Центрѣ. Ему все было извѣстно, но онъ, видя сильную поддержку Гиреевъ въ главнокомандующемъ, ни во что не входилъ, и я, покинутый въ Нальчикѣ совершенно на създаніе цѣлой стаи интригановъ и враговъ своихъ, не могъ добиться, чтобы кто нибудь изъ людей значительныхъ въ край заговорилъ въ пользу мою. Никто изъ начальниковъ не прѣжажалъ ко мнѣ. Разъ только былъ присланъ генералъ Полтинкинъ инспектировать Кубанскій егерскій полкъ. Его привезли рваномертвецки пьянаго и увезли еще пьянѣе. Это не помѣшало ему написать на меня много гадостей. Между тѣмъ козни, происки и клеветы коварнымъ образомъ воздыгали непроницаемую завѣсу надо мною передъ главнокомандующимъ. Партия, противъ меня составленная, сдѣлалась столь сильна и многочисленна, что весть противъ меня

дѣйтельно дѣйствовали. Руль этой интриги взялъ въ руки Адиль-Гирей. Счастье и успѣхъ на поприщѣ замѣны Россіи и обмана князя Воронцова давали ему непостижимую дерзость, и легкій, наворотливый умъ его удивлялъ самыхъ опытныхъ азіатовъ разнообразіемъ, изобрѣтательн., имъ уловокъ и происковъ. Его давно ожидали въ Пятигорскѣ. Заговорщики противъ меня боялись пріѣзда княгини Воронцовой: они страшились, чтобы ея свѣтлый умъ не проникъ ихъ пошлыя и грубыя продѣлки, и чтобы она не успѣла частными письмами къ князю раскрыть всю эту мерзость. Они вытребовали Адиль-Гирея въ Пятигорскѣ. Пріѣздъ его былъ торжественный. Къ нему въ Пятигорскѣ стекались толпами съ разныхъ сторонъ азіаты. Онъ самъвалъ подъ свое покровительство всѣхъ, которые себя считали сколько нибудь обиженными мною. Я имѣлъ много бурнаго на замѣчаніи объ одномъ к. Атажуку Атажукину. Онъ его совершенно успокоилъ и принялъ подъ свое покровительство. Повелѣ коопи противъ дяди Атажуки, полковника хаджи Атажукина. Отъ Кябарды до квартиры Адиль-Гирея дорога день и ночь оживлялась веренищемъ его лазутчиковъ и агентовъ, цѣлыми толпами съ охотою предавшихся столь любимому занятію своему, интригамъ и кознямъ. Въ одинъ день на к. Атажукина было написано четырнадцать просьбъ, одна глупѣе другой, той же рукой. Въ свое время я опишу подробно дѣйствіе султана Адиль-Гирея. Теперь я долженъ еще сказать нѣсколько словъ объ женщинахъ, которымъ заставили играть довольно значительную роль въ интригѣ противъ меня.

Сомнительная преданность Гиреевъ.

Я долженъ здѣсь описать какъ случай, который послужилъ во мнѣ недо- вѣрчивость къ султанамъ Гиреевъ. Въ 1847 году, когда я командовалъ 6-ю бригадою клякошъ, узналъ, что въ аулѣ у султана Амант-Гирея на Кушѣ, близъ Желѣзноводска, появился какой то проповѣдникъ, къ которому всаку пятницу стекается множество слушателей со всѣхъ краевъ Кавказа. Народу стекается въ теченіи сутокъ до 4000 человекъ, и слухъ объ этомъ проповѣдникѣ скоро разнесился по самымъ отдаленнымъ горнымъ племенамъ. Шихъ тотъ, какъ его называли азіаты, проповѣдывавшій какую то новую секту. Вскорѣ появилась въ аулѣ на берегу рѣки обширная мечеть, несравненно болѣе свѣтъ и строеннѣе въ томъ краю. Въ обрывистомъ берегу выкопаны были могилы, въ которыя съ трудомъ могъ влѣзаетъ человекъ. Тамъ постились 40 дней ученики Шиха, выходявъ только разъ въ сутки ночью прямо изъ мечеть. Тотъ, кто могъ выдержать такую пытку, признавался праведнымъ и посвящался въ тайны учения Шиха. Этотъ Шихъ за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ появился въ Гибуковскомъ аулѣ, въ нидѣ ницану, съ товарищами и совершалъ обряды

по закону мусульманскому. Вскорѣ итотъ пидій отъ множества приношеній сдѣлался богатымъ человѣкомъ. Ему купили жену, за которую заплатили ка-лымъ неизвѣстные будто бы люди 8000 руб. ассигнаціями.

На огромныхъ сборищахъ, стекающихся всякую пятницу въ аулы Гирей, появлялись часто легионы и дагестанцы. И нѣсколько разъ сообщалъ объ этомъ покойному генералу Хонину, который наконецъ, получивши отъ своихъ ла-зутчиковъ свѣдѣніе, что къ этому Шиху пересылаются письма отъ Шамиля разрѣшили мнѣ обыскать его. Несмотря на то, что онъ успѣлъ, безъ сомнѣ-нія, схватить въ каминѣ самыя нужныя бумаги, я захватилъ всѣ рукописи, въ числѣ коихъ попался присяжный листъ, къ которому Шихъ приводилъ къ присягѣ мучениковъ, выдерживавшихъ 40-ка дневное испытаніе въ могилѣ. Проповѣдника рѣшено было схватить и выслать за границу. Оказалось, что онъ выходецъ изъ Арсоруца, въ прямыхъ сношеніяхъ съ Шамилемъ, и что проповѣдывалъ чистый мюридизмъ въ нагайскомъ народѣ. Султаны вышли изъ этого дѣла не только чисты, чуть не святы, но съ тѣхъ поръ, признаюсь вамъ, и болѣе нежели когда либо стали сомнѣваться въ ихъ искренней пре-данности Россіи. Другой случай, заставившій меня усомниться даже въ лич-ной преданности Адиль-Гирей къ князю Михаилу Семеновичу, былъ слѣдую-щій. Въ полной довѣренности къ этому молодому человѣку, князь Воронцовъ неоднократно посылалъ его за Кубань съ порученіями къ закубанскимъ пле-менамъ. Вы вѣроятно помните, что однажды, возвращаясь отъ абазековъ, онъ явился оттуда къ главнокомандующему депутацію, которая имѣла цѣлью будто бы окончательное примиреніе абазековъ съ Россіей. Депутаты абазекскіе были привезены въ Тифлисъ. Ихъ князь Воронцовъ осыпалъ подарками. Впослѣд-ствіе оказалось, что повсе абазеки не намѣревались замириться, и что они ш-когда изъ среды себя не выслали депутатовъ, что старикъ, котораго Адиль-Гирей привезъ въ Тифлисъ, былъ ш-кто иной какъ его итаникъ, которому онъ хотѣлъ доставить подарки; очевидно, что султанъ очень могъ сообразить ись непріятности, которымъ опъ этой выходкой подвергнулъ главнокомандую-щаго. Третій случай былъ слѣдующій. Гирей, въ особенности Казн-Гирей, по-ставляли, чтобы именно ему, Казн-Гирею, было поручено выдвинуться за Лабу дуломъ, дабы тѣмъ имѣть полезное вліяніе на закубанскія немирныя племена. Проклятъ итотъ Гирей расписали самыми завлекательными красками. Впрелѣ до окончательнаго утасржденія онаго, Казн-Гирей выхлопоталъ себѣ какое то таин-ственное порученіе на Лабѣ, по которому ему отпущено было примѣрно много денегъ и много подарковъ, — часовъ и тому подобныхъ. Результатъ оказался такой, что ничего онъ не достигъ изъ всего предположеннаго въ пользу пра-вительства, а отчеты въ деньгахъ никто впослѣдствіе не могъ добиться. Часы кикъ то окончательно сдѣлались его собственностью.

Я долженъ адѣсь сказать нѣсколько словъ о цыгннкѣ, которую злость враговъ моихъ ухитрилась включить въ число безчисленныхъ обвиненій, разомъ разразившихся надо мною. Кто на Кавказскихъ Минеральныхъ Водахъ не знаетъ цыганки Маріулки? Это молодая женщина, пріятная наружности, оригинальностью своею, а въ особенности тѣмъ, что она цыганка, обыкновенно привлекаетъ къ себѣ взоры всѣхъ посѣтителей Минеральныхъ Водъ. Всѣмъ извѣстно впрочемъ, что она довольно легкаго поведенія, равно какъ и другія ея подруги. Это не пропагандуеетъ ей ежедневно бывать у многихъ посѣтителей, потому что мы, люди русскіе, привыкли къ себѣ принимать цыганъ. Маріулка часто появляется въ холостыхъ обществахъ въ видѣ артистки. Я, признаюсь вамъ, люблю цыганъ и очень покровительствовалъ имъ вообще на Кавказѣ. Частью, хорошее съ ними обращеніе, частью, жадность къ деньгамъ и подаркамъ, заставляла ихъ всегда около меня толпиться. Когда меня назначили въ Нальчикъ, они и туда ко мнѣ прѣзжали. Такимъ образомъ, Маріулка нѣсколько разъ посѣщала меня въ Нальчикѣ, куда прѣзжалъ съ мужемъ. Она нѣсколько разъ оставляла ее гостить у меня довольно долго. Въ Нальчикѣ я велъ жизнь очень уединенную; никогда у меня не собирались гости, кромѣ двухъ разъ въ цѣлый годъ, по особому приглашенію. Въ комнатахъ всегда толпились азіаты, для которыхъ я имѣлъ открытй домъ; они у меня часто по множеству гостили, ѣли, ночевали, и всѣмъ это очень нравилось. Обыкновенно и обѣдалъ одинъ, и когда гостила Маріулка, она со мною раздѣляла мою холостую трапезу. Случалось, что два офицера, самые близкіе ко мнѣ, воинскій начальникъ крѣпости и квартирующій со мною адъютантъ моего управленія, — обѣдали со мною, когда была у меня Маріулка, и она садилась съ нами. Случалось этой цыганкѣ ѣздить верхомъ на моихъ лошадяхъ по Кабардѣ; случалось мнѣ, въ непрерывныхъ поѣздкахъ моихъ, встрѣчаться съ нею, и тогда она подсаживалась къ общему поѣзду, безъ малѣйшаго удивленія съ чьей либо стороны, потому что этихъ цыганокъ, въ особенности Маріулку, всѣ привыкли видѣть на этой степени фамилльярства въ офицерскихъ обществахъ; но несмотря на это, встрѣтившись съ нею въ лѣсу или далеко въ полѣ, я ни разу себѣ не позволялъ съ нею подѣлаться къ крѣпости и появляться съ нею на улицѣ Нальчика. Она была всѣхъ цыганокъ красивѣе, всѣхъ шеголеватѣе, конечно оттого, что больше получала подарковъ за свои любезности, въ томъ числѣ и отъ меня. Всюду могъ почти смѣлѣе думать, что я эту женщину имѣю, собственно потому, — что кто же ее не имѣлъ?

Дѣйствіе Кодзаконя.

Пославъ чрезъ меня къ г. Коцебу донесеніе о дѣлѣ кабардинки Клишевой, Кодзакъ отправился въ Ессентуки къ с. Казн-Гирею. Тамъ вмѣстѣ они составляли донесеніе о положеніи края, объ угнетеніи народа, о страшныхъ злоупотребленіяхъ, допущенныхъ мною, о неумѣстномъ отбѣненіи моихъ абазинцевъ, въ переселеніи ихъ, о неистовомъ гоненіи, которое терпятъ отъ меня азизы; приводили нѣсколько прихвотъ тому оскорбленію, которому ежедневно подвергаются азизы отъ казачьихъ офицеровъ. Въ донесеніи этомъ они доказывали, что нѣстное начальство дѣлаетъ все, что возможно, для того чтобы ожесточить народъ противъ правительства, и что ежели народъ терпитъ, то это надо приписать одной непоколебимой преданности его государю. Мнѣ удалось прочесть нѣсколько листовъ этого удивительнаго донесенія, и чѣмъ рѣче было оно написано, тѣмъ болѣе и вполнѣ увѣрился въ томъ, что князь Михаилъ Семеновичъ, зная меня лично, зная хорошо настоящее положеніе этого обрусѣвшаго уголка Кавказа, будетъ смѣяться и прикажетъ Кодзаку сказать, что онъ дуракъ. Нелзя, читавши это доведеніе, не удивляться избѣдительности ума азиза, поставленнаго внезапно наъ совершенной тѣмѣ въ такое положеніе, какъ былъ поставленъ Кодзакъ, и не изумляться тому, что князь Михаилъ Семеновичъ, читая подобныя ужасы, не прикажетъ проверить истину словъ этого сочиненія, а все принять за истину.

Казн-Гирей.

Когда Казн-Гирей былъ назначенъ командовать 8-ю бригадою, я его почти не зналъ, но ридовался его назначенію, полагая найти въ немъ усерднаго помощника и вѣрнаго товарища. Вполнѣ увѣренный въ эти добродѣтели его и желая сколь можно съ нимъ сблизиться, и первый къ нему написалъ письмо самое дружеское; не знаю, сохранилъ ли онъ его, но, къ сожалѣнію моему, я писалъ экспромптомъ, безъ чернововъ. Помню, что и высказывалъ ему радость имѣть его товарищемъ, просилъ безъ меня подробно осмотрѣть бригаду, которую отъ меня принималъ, увѣрялъ его, что ежели онъ въ ней найдетъ что нибудь дурное, то это потому, что я этого дурнаго не знаю, а не потому, чтобъ умышленно его терпѣлъ, и вызывался въ такомъ случаѣ все по указанію его исправить; наконецъ, просялъ его быть со мною на ты, такъ какъ я былъ далекъ отъ всякой злобы къ нему, отъ некой глухой сѣси. Съ перваго вступленія своего, Казн-Гирей явилъ обнаруживать свой характеръ и свое коварное подороженательство. Въ то самое время, когда онъ отаѣчалъ мнѣ самымъ сладкимъ письмомъ на мое дружеское воззваніе къ нему, онъ дѣйстви-

вать во вредъ мнѣ, и увлекался личнымъ недоброжелательствомъ ко мнѣ, не-
исповедовавъ надъ несчастною бригадою, попавшему ему въ жертву. На вся-
комъ шагѣ онъ изыскивалъ случай оскорбить меня какими нибудь мелочами,
изыскивалъ самыя утонченныя стѣсненія для казаковъ, болѣе другихъ мною
отличенныхъ, старался уничтожить многа учрежденія мои по бригадѣ въ об-
ращеніи со мною въ спомогеніяхъ по службѣ рѣдко оказывалъ обдуманное не-
уваженіе и даже дерзость. Непомовѣрно дерзко обвиняли свои враждебныя
къ Россіи чувства, онъ страшно тѣснилъ и ожесточалъ бабуконцевъ, распускалъ
по дальнимъ горнымъ племенамъ самыя пелѣвые слухи, съ цѣлью уничтожить
ихъ дѣятели ко мнѣ и къ правительству. Съ перваго дня иступленія своего,
онъ напалъ на Бабуковскую станицу. Эта станица, составляющая отдѣльный
нарядъ, какъ имѣть навѣстно, выставляется въ 6-ю бригаду одну сотню, имѣю-
щую особыя права. Въ мое командованіе бригадою, я считалъ полезнымъ для
правительства, сколько возможно, этотъ народъ ласкать и, въ поощреніе пре-
данности его Россіи, оказывать всевозможное вниманіе и покровительство. Сотня
же Бабуковская была дѣйствительно превосходна лошадьми, вооруженіемъ и
молодечествомъ людей. Казимирей, какъ вы видите изъ письма моего къ
г. Завадовскому, сталъ тѣснить бабуконцевъ, дабы тѣмъ наказать ихъ за пре-
данность ихъ и тѣмъ себя оправдать въ мнѣніи прочихъ азіатовъ. Съ первыхъ
дней прибытія своего, онъ, находя будто бы эту сотню испушенною мною сла-
бымъ командованіемъ и желая будто бы ядовити потерянный порядокъ службы,
разогналъ всю сотню по дальнимъ постамъ, раздробилъ ее такимъ образомъ,
чтобы изъ числа цѣлой русской команды находился одинъ или два бабуконца.
Очевидно, что такимъ образомъ эти несчастные, безъ своей артиллеріи, въ сопер-
женную противность вѣры ихъ и обычаевъ, должны были жить и ѣсть съ хри-
стіанами. И много хлопоталъ и съ трудомъ достигъ того, чтобы прикоманди-
рованныхъ бабуконцевъ наряжать ихъ такъ, чтобы хотя мылыми артиллери-
ями имъ возможность соблюдать и въ принятии ихъ вѣры и обычаевъ. Притомъ
я оттого избѣгалъ одного бабуконца надолго являть на дальній постъ, заня-
тый русскими казаками, что онъ въ такомъ случаѣ начнетъ тосковать о сло-
вѣхъ аула и своихъ товарищахъ, и ему опротивить службу. Все что постигши
болѣе нежели нескіи другой, Казимирей съ намѣромъ очень нинымъ, распе-
дѣлялъ ихъ на такіе посты, которые находились перстъ за сто отъ ихъ ста-
ницы, и въ другомъ полку. Обыкновенно казаки смѣняются чрезъ двѣ недѣли.
Онъ ихъ продержалъ почти полгода въ удаленіи отъ домоги, доводя до со-
вершеннаго отчаянія, преимущественнаго дерзкими насмѣшками туземцевъ, кото-
рые за это хвалили султана. Не знаю, кто, добросовѣстно вникнуть въ эту мѣру,
могъ въ ней усмотрѣть средства ввести въ этой сотнѣ потерянную строгость
службы и надлежащій духъ дисциплины и, какъ выражился султанъ, подтя-

нуть ихъ. Если бы дѣйствительно его цѣль была такою, то слѣдовало бы ему эту сотню держать въ сборѣ и у себя надъ глазами.

По правиламъ службы никто изъ начальниковъ, безъ разрѣшенія государя или его намѣстника на Кавказѣ, не имѣетъ права налагать подати или сборы съ общества. Казн-Гирей приказалъ со всѣхъ бабуконцевъ, служащихъ и неслужащихъ, ямскать по 1 руб. серебромъ на постройку кикихъ то зданій; кромѣ того, уговорилъ ихъ пожертвовать строевой дѣсь на воздвиженіе мечети, обратилъ этотъ лѣсъ, къ общему негодопанію всѣхъ бабуконцевъ, на зданіе для служебныхъ надобностей. Подъ видомъ прекращенія грабежей, онъ запретилъ изъ станицы выпускать безъ билета жителей. Билеты этотъ станичный начальникъ всѣми мѣрами задерживалъ. Въ Лоовомъ аулѣ былъ приставомъ нѣкто Павловскій; онъ его призналъ слишкомъ грубымъ въ обращеніи съ азіатами (тамъ пѣсъ абазинцы) и поэтому назначилъ начальникомъ Бабуковской станицы. Если бы бабуконцу представилась надобность пѣхать изъ расположенія полка въ сосѣдніе аулы или въ Кабарду, онъ долженъ былъ явиться въ бригадный штабъ въ Ессентуки за билетомъ отъ султана, и дабы въ Ессентуки ѣхать, пѣльно было чрезъ станичнаго начальника предварительно испрашивать на то разрѣшеніе, и получивши оное, не иначе изъ станицы выѣзжать, какъ по билету станичнаго начальника. Такая недоуѣрчивость, такое явное оскорбленіе самолюбія всего народа погружали его въ горе и отчаяніе. Кругомъ враги ихъ, а въ особенности кабардинцы, торжествовали. Когда Казн-Гирей бывалъ въ Георгіевскѣ, онъ всегда избѣгалъ станицы Бабуковской и никогда въ нее не въѣзжалъ, говоря, что онъ на бабуконцевъ сердится за дурную ихъ службу. Сосѣдніе же аулы говорили, что ему, какъ правовѣрному, нельзя не показать своего презрѣнія къ такимъ мусульманамъ, которые сдѣлались полурусскими.

Между станицами Бабуковской и Георгіевской земля не размежевана. Казн-Гирей приказалъ пропестнъ черту черезъ выгонъ совершенно подъ станицею бабуконцевъ; одна протинули эту межу, какъ бабуконскій теленокъ перешелъ чрезъ нее. Несмотря на то, что узденіи бабуконские не накладываются тѣсно, и что узденъ за теленка готовъ былъ, во избѣжаніе срама, заплатить выкупъ, Казн-Гирей приказалъ станичному пачальнику, георгіевскому русскому уряднику, узденя бабуконскаго ислѣчь. Этому мѣроу поношеніи бабуконскаго узденства воспротивилась вся Кабарда, и съ постороннѣмъ разсказывали это обстоятельство изъ дальнихъ горъ, благодаренія Казн-Гирей за то, что караетъ отступниковъ отъ вѣры мусульманской. Истѣ эти дѣяствія Казн-Гирей хорошо понималъ покойный атаманъ, но будучи тогда не въ милости у князя Михаила Семёновича, онъ заговаривалъ въ султанѣхъ. Генераль Завидовскій не хотѣлъ вмѣшиваться, дабы не прогнѣвался на него княгиникъ. Истѣ эти дѣяствія Казн-Гирей сообщалъ Адиль-Гирю, который находилъ средства въ разсказахъ своихъ, данати

имъ видъ безпристрастія къ нахичевцамъ, и всѣ эти выходки съ наглостью поимовѣрною, облекая въ самый прекрасный цвѣтъ, Казимъ-Гирей въ письмахъ своихъ передавалъ къ Петербургу, Муравьеву, который не замѣчалъ, что надѣялись смѣются. Наконецъ Казимъ-Гирей довершилъ свои гонимія на бибукоевцевъ выходкой, которая вполне обнаруживала всю утонченную изморотливость его ума, полного довѣрія въ свою дерзость, и самое злобное для правительствомъ намѣреніе. Въ 6-ю бригаду или значительная партія малороссійскихъ переселенцевъ, Казимъ-Гирей со всѣхъ постовъ спустилъ бибукоевцевъ, собравъ легионъ въ дома, и прѣвѣжая въ с. Георгиевскую, поставъ къ бабукоевцамъ своихъ довѣренныхъ предложить имъ, чтобы они пожертвовали для переселенцевъ весь свой паекъ за цѣлую треть. Легко себя вообразить, какіе тогда произошло волненіе въ сотнѣ, и безъ того уже обожженной и изнуренной дальними и долговременными откомандировками и погодянными сборомъ, о которыхъ я нынѣ говорилъ. Они проклинали этихъ переселенцевъ и ни за что на свѣтѣ не хотѣли согласиться на такое пожертвованіе, вовсе несправедливое для малороссіянъ, которые шли на щодрыхъ папкахъ казенныхъ, и обременительное для нихъ. Вся ночь у нихъ прошла въ несогласіяхъ и спорахъ съ клеветами султана. Они положили ему поутру единогласно сказать, что они на это несогласны. Поутру Казимъ-Гирей приказалъ въ полѣ выстроить сотню; самъ сѣлъ на лошадь, чего не случалось во все время его командованія, и зная намѣреніе бибукоевцевъ, подѣхавъ къ нимъ, поблагодарилъ за пожертвованіе провіанта и, не давъ возможности отвѣтить, быстро ускіялъ въ Георгиевскъ. Бѣдные бибукоевцы не получили за эту треть своего провіанта. Вы можете себя вообразить, какъ эти вѣзны проклинали этихъ новыхъ русскихъ, занимавшихъ земли ихъ отцовъ и предковъ, и какой получила ударъ ихъ преданность къ правительству и дружба съ русскими. Немедленно написавъ султану объ этомъ къ Адиль-Гирею для доклада главнокомандующему, князю и генералу Коцебу. На Казимъ-Гирея посыпались благодаренія и похвалы за то, что онъ сумѣлъ до такой степени сблизить азіатъ съ русскими. Въ письмѣ къ Муравьеву онъ, описывая это происшествіе совершенно по своему, представляетъ себя человѣкомъ, который, движимый одною преданностью правительству и желаніемъ принять христіанскую вѣру, терпитъ много оттого, что его не понимаютъ. „Многіе теперь, пишетъ онъ, многи недовольны, но я надѣюсь, что скоро меня оценятъ.“ Муравьевъ, въ восхищеніи отъ высокаго характера Казимъ-Гирея, сообщалъ письма эти старухѣ Потемкиной, и идясь они прославляли русскій патриотизмъ Казимъ-Гирея, котораго они вовсе не знали, и который въ душѣ своей надѣялся ими смѣяться.

Письма мои къ генералу Завидовскому вамъ объяснятъ, въ чемъ состоитъ вопросъ переселенія абазинцевъ изъ Кабарды на Куму. Здѣсь я только расскажу

вамя, какъ Кази-Гирей въ этомъ дѣлѣ тѣлствовалъ. Мѣсто, назначенное абазинцамъ на Кумѣ, было такъ вѣдѣно и такъ ясно опредѣлено въ предписаніяхъ, что невозможно было найти къ этому отношенію никакой неясности. Изъ прилагаемой карты вы усмотрите, что абазинцамъ изъ Кабарды путь лежалъ по маршруту кордонными землями ялѣво отъ Кисловодска. Каково было мое удивленіе, когда, спустя почти два мѣсяца послѣ выхода ихъ изъ Кабарды, я узнаю, что они стоятъ на Бугунтѣ; я пишу къ Кази-Гирею, предписывая ему строжайше ихъ оттуда немедленно прогнать. Онъ отправился въ свой аулъ на Кубань (сдѣлательно, черезъ ихъ новое поселеніе) и далъ предписаніе подполковнику Иловайскому абазинцевъ согнать. Иловайскій мнѣ доноситъ, что они не слушаются. Я посылаю на Кубань Кази-Гирею повторительное предписаніе. Онъ возвращается изъ Ессентуки опять чрезъ Абазиискій аулъ и посылаетъ въ Бугунтанъ предписаніе майору Мистулову, чтобы онъ ихъ съ Бугунты перевелъ на Куму. Мистулову они объявляютъ, что не сойдутъ добровольно. Объ этомъ мнѣ доноситъ Кази-Гирей. Я не имѣя возможности лично пріѣхать на Бугунту, въ третій разъ предписываю Кази-Гирею отправиться самому, и такъ какъ онъ самъ позволилъ абазинцамъ поселиться на Бугунтѣ, то возлагаю всю отвѣтственность на него. Онъ мнѣ доноситъ, что ему абазинцы объявили, что рѣшительно съ этого мѣста добровольно не сойдутъ и готовы до послѣдней крайности зашнаться. Какъ можно эти дѣйствія иначе считать какъ не намяною или тѣмъ, что султанъ Кази-Гирей съ абазинцевъ ваялъ большую выатку? Въ то время, какъ я получилъ послѣднее донесеніе, я былъ задержанъ на военно-грузинской дорогѣ важными дѣлами въ Джигоріи и еще неоконченными переселеніемъ Анзаровыхъ. Третье донесеніе Кази-Гирею было писано уже при Адиль-Гирей, только что пріѣхавшемъ на Воды изъ Чечни. Адиль-Гирей писалъ, что присутствіе его, ободрилъ абазинцевъ, подстрекаемыхъ не только имъ и Кази-Гиреемъ, но и многими другими, помѣшавъ мнѣ явиться лично на Бугунту;—одного меня не послушавъ; давить роту во время курса на Бугунту почти невозможно — навугнешъ всѣхъ посѣлителей, и притомъ Адиль-Гирей нѣмѣлъ въ виду, ежели бы я рѣшился давить войско противъ абазинцевъ, уговорить ихъ немедленно повиноваться. Тогда онъ намѣревался доложить князю, что я для того давилъ войско и утверждалъ, что абазинцы не хотятъ повиноваться, чтобы сами выказаться. Такъ это было съ переселеніями Анзаровыхъ. Поэтому я вызвалъ убѣжденіями моими генерала Завидовскаго въ Кабарду и уже съ нимъ отправился въ Кисловодскъ, куда съ Бугунты были вызваны абазинцы. Они при первомъ словѣ генерала Завидовскаго согласились сняться съ казанскихъ земель и отправиться на указанное имъ мѣсто. Очевидно, что Кази-Гирей въ плазавъ ихъ былъ совершенно правъ: онъ имъ дозволилъ занять эти мѣста, отстоявшіе изъ сколько мѣстъ, и теперь, когда Завидовскій самъ

говорить, что непременно надо съ Бугунты снаться. Казн-Гирей ничего не могъ сдѣлать. Какой бы другой бригадный командиръ дерзнулъ на станичныя земли пустить цуль, дать имъ казачій дѣсь, на пастбище пустить десятки тысячъ овецъ, скота и лошадей?—Все это не только безъ вѣдома начальства, но даже вопреки всѣхъ распоряженій и предписаній начальства! Его нашли совершенно въ этомъ дѣлѣ правымъ, и виноватымъ меня. Нельзя не согласиться, что если бы Казн-Гирей дѣйствительно дѣйствительно строже съ единоверцами, ножеми съ христианами, для того чтобы доказать свое безпристрастие къ русскимъ, и то, что онъ не потворствуетъ азіатцамъ, такъ, какъ дѣйствовалъ онъ съ бабуконцами,—то конечно никогда бы абазинскіе аулы не очутились на Бугунтѣ. Нельзя не замѣтить, что изъ всѣхъ азіатъ онъ тѣснилъ всѣми возможными мѣрами однихъ бабуконцевъ, болѣе, безспорно, всѣхъ прочихъ преданныхъ нашему правительству, въ то самое время, когда дѣлалъ несообразныя послабленія абазинцамъ, и когда допускалъ кабардинцевъ запыхать и засѣять землю за Майкою. Съ русскими онъ обращался, по моему мнѣнію, очень дурно, а казаки по довѣренности ко мнѣ издѣля меня истрѣчали жалобами на его дѣйствія. Такимъ образомъ я узналъ многое; напримѣръ: въ станицу Бургустанскую были назначены сто семей переселенцевъ. Надо было увеличить объемъ станицы; она стоитъ въ открытомъ полѣ крутомъ; въ стороны свободны. Онъ ее увеличилъ къ сторонѣ кладбища и на сѣвѣхъ могилахъ указалъ новыя мѣста для пришельцевъ. Какими это было видѣть живыми, казаками бургустанскими! Но въ Кабардѣ и въ горахъ торжествовали этимъ поруганіемъ надъ кладбищемъ. Въ станицѣ Ессентуцкой тоже плясали казачьи семейства. Въ Горячеводской я устроилъ школу, которая было пошла очень хорошо. Князь Михаилъ Семеновичъ изволилъ быть въ этой школѣ и даже очень ею заняться и поощрить это заведеніе подарками. Майоръ Хушенъ хотѣлъ квартировать въ томъ домѣ, въ которомъ я школу эту устроилъ. Ему это не удалось. Однимъ изъ первыхъ распоряженій Казн-Гирея было училище это перенести въ Ессентуки и занять для этого построить нѣсколько тѣсныхъ казачьихъ домовъ. Скоро школа эта почти вовсе уничтожилась. Въ домѣ же, который я занялъ школою, онъ задумалъ помѣстить госпиталь для прокаженныхъ. Въ станицѣ Георгіевской онъ позарился на одну молодую цыганку, и не успѣвая въ предложеніяхъ своихъ, посадилъ мужа въ тюрьму и держалъ въ кандалахъ, страдамъ Сибирью до тѣхъ поръ, пока жена не согласилась удовлетворить его страсть; тогда онъ тотчасъ приказалъ освободить мужа. Всѣхъ казаковъ, которыхъ я отличалъ, онъ явно трясалъ, придираясь къ бездѣлницамъ, для того чтобъ ихъ недолго сѣчь; напримѣръ: одинъ урядникъ, Куляковъ, дѣйствительно отличный, былъ мною представленъ въ офицеры. Онъ его похвалялъ. Урядникъ, говоря съ нимъ, согнать муку съ миса рукою. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, бросился

его бить и потомъ приказавъ немедленно ему дать триста розогъ, повторяя „я у васъ выбую эту боклемниповщину!“ Прошу васъ прочесть письмо мое къ генералу Гогелю; изъ оного вы увидите, что онъ сдѣлалъ съ урядникомъ Андреевымъ, котораго вы знаете, и изъ этого письма видно то положеніе, въ какомъ и былъ въ то время. (Приложение № 8.)

Ко всѣмъ этимъ дѣйствіямъ по управленію бригадою, гдѣ Казн-Гирей по занимался поспе дѣлами службы, а все время свое, цѣлыя дни и цѣлыя ночи напролетъ сидѣлъ за картами съ Сусловымъ и Хуцисвымъ и отрывался отъ нихъ только лишь для того, чтобы напасть на какогонибудь несчастнаго казика, котораго онъ полагалъ особенно преданнымъ мнѣ, чтобъ, изыскивая какуюнибудь къ нему придируку, изобрѣсти мелочное и злобное азиатское преслѣдованіе; иногда же онъ охотно отъ картъ или отъ бутылки отрывался только лишь для того, чтобъ побить или выесть какогонибудь несчастнаго. Недѣли по три не выдавъ ни одной бумаги, онъ обыкновенно убажвалъ на цѣсколько дней къ своей нужѣ, поручая въ свое отсутствіе командованіе бригадою майору Полозову, который въ это время, работая какъ каторжный, спускалъ накопившіяся горы бумагъ и давалъ Казн-Гирею возможность, возвративъ въ бригаду, опять недѣли на три поиграть въ карты, попить съ товарищами и нѣжиться въ объятіяхъ дѣвки, вывезенной имъ изъ Хоперскаго полка, для которой Бесенчукскіе офицеры должны были составлять ассамблеи, чтобы не попасть въ опалу. Что же касается до Кисловодскаго кордона, то, съ самаго назначенія его начальникомъ, оного до чинкуты моего отъѣзда съ Кавказа, онъ ни разу не объѣхалъ своихъ постовъ, и о передовой линіи подъ сѣгнами Эльбруса зналъ только по наслышкѣ. Въ годъ командованія его кордономъ, угнано хищниками изъ бригады множество лошадей, увезены мальчишки, дѣвки, убиты казаки, все это безъ малѣйшаго физическаго беззаконства со стороны кордоннаго начальника, который ни разу и не сѣлся на лошадь. При мнѣ, Богъ милостивъ, ни разу этого не случилось, потому что я рѣдко сѣзавалъ съ лошади, постоянно разъѣзжалъ по своему кордону. И находилъ эту дѣнь непростительнымъ нерадѣемъ къ службѣ. Меня находили за это несправедливымъ, пристрастнымъ, капризнымъ и притѣснительнымъ. Всѣ эти проишествія, за которыя вѣроятно всякій русскій пошелъ бы подъ судъ, для него не имѣли ни малѣйшей тѣни неприятности и даже нѣкоторымъ образомъ послужили къ его возвышенію.

Краткій обзоръ моей службы въ Центрѣ.

Въ 1845 году, по милости князя Михаила Семеновича, былъ я назначенъ командиромъ 6-й бригады казаконъ. Никакое назначеніе въ свѣтъ не могло бытъ согласоваться съ моимъ желаніемъ и моимъ характеромъ. Скоро я душою

пристрастился къ моимъ казакамъ, и зная, что я былъ ими любимъ. Бабуконцы ни одного русскаго начальника такъ не уважали и не любили, какъ меня. Скоро сдѣлалось очень тепло взаимное довѣріе и привязанность, укоренившаяся между мною и моими казаками. Скоро удалось мнѣ приобрести добрыя сосѣднихъ азѣтъ, такъ что когда я былъ назначенъ управлять Центромъ, то уже въ горахъ и степныхъ аулахъ Кумскихъ я былъ знакомъ. Это для меня было очень важно. Не знаю, можно ли быть болѣе восторженному отъ своей службы, какъ и былъ въ то время. И вѣдь жизнь совершенно сходную съ моими желаніями и мыслями. Часть моя шла успѣшно. Князь Воронцовъ довѣренностью своею поощрялъ во мнѣ усердіе къ службѣ до фанатизма. Съ назначеніемъ въ Нальчикъ я сталъ получать большое содержаніе; все оно шло на службу. Не заводилъ я себѣ ничего прихотливаго, но вездѣ изыскивалъ возможность сдѣлать что либо въ пользу жителей Центра и жаждалъ случая чѣмъ нибудь заслужить одобреніе князя Воронцова. Вотъ какія чувства заставляли меня употребить всѣ мои деньги на школы, на сады, на водопроуды, на дороги по такимъ отдаленнымъ ущельямъ, которымъ кромѣ меня никто изъ начальниковъ не посвѣщалъ, — несчастныя походы въ самыя отдаленныя горныя племена. Я обратилъ особенное вниманіе на имаматовъ изъ горскихъ племенъ, содержащихся въ Нальчикѣ до меня какъ арестанты; устроить я для этихъ мальчиковъ хорошее помѣщеніе, бѣлье, одежду, всевозможныя забавы; всегда для нихъ быть открытъ мой домъ, и я радовался, видя, что эти бѣдные дѣти стали ко мнѣ ходить во всякое время дня, какъ къ своему родному. Часто я ихъ по вечерамъ собиралъ къ себѣ, угощалъ лакомствами; они играли, плясали и веселились. Вѣсть объ этомъ скоро распространилась въ горахъ, и родители съ любопытствомъ прѣзжали любоваться на житье дѣтей, о конѣхъ они привыкли сожалѣвать, какъ объ жертвахъ политическихъ. Этотъ счастливый результатъ кололъ глаза моимъ врагамъ, и вы увидите впоследствии, какъ это доброе дѣло они сумѣли облечь въ ядскія и гнуснѣйшія краски, способныя съ собственными ихъ понятиями. Я находилъ удовольствіе и пользу появляться въ аулахъ съ копною отборныхъ нарядниковъ изъ казаконъ; чтобы доставить имъ возможность прѣдъ азѣтами блеснуть, я имъ дарилъ одежду, оружіе, лошадей, съ удовольствіемъ видѣлъ желанные плоды отъ этихъ этихъ старинъ и съ полною самоудовлетвореніемъ ожидать прибытія штабкокомандующаго, будучи вполне увѣренъ, что онъ меня осыплетъ похвалами. Все могло меня привлечь въ такую лестную упокительную мечту. Въ годъ я привелъ въ исполненіе нѣсколько весьма важныхъ дѣлъ по управленію Центромъ, безъ насилья. Никогда русскаго такъ не любили, какъ меня любили кабардинцы. Въ горныхъ племенахъ я приобрѣлъ еще болѣе привязанности и довѣрія. Русскіе казаки были мнѣ совершенно преданы. Общество офицеровъ и чиновниковъ, живущихъ въ к. Нальчикѣ, ежедневно изъ-

являло мнѣ величайшее вниманіе и расположеніе и было вообще довольно много. И знать, что противъ меня составляютъ козни, но я съ совершенно спокойнымъ духомъ, съ чистою совѣстью и съ тою нравственною силою, которую даетъ чувство хорошаго дѣла, ожидалъ прибытія князя Норонцова, въ слѣпой увѣренности, что всѣ эти козни разсыятся немедленно.

Давно уже, какъ по милостивому расположенію ко мнѣ князя Михаила Семеновича и княгини Норонцовой, такъ и по вліянію, которое я приобрѣтать въ народѣ по всей окрестности, я сдѣлался ненавистенъ многимъ предводителямъ національной партіи — князю Эристову и султану Адиль-Гирею. Имъ давно нужно было въ Налычкѣ имѣть не русскаго душою: они утерли мнѣ въ помощники вѣрнаго своего сподвижника Кази-Гирея, человека, ненавидящаго Россію, алаго, надменнаго и глупаго, которымъ бы руководили, какъ хотѣли. Оба умные, предприимчивые и опытные интриганы, они хитро обдумывали планы дѣйствія, осторожно слѣдовали своимъ предначертаніямъ; и годъ, который они провозвѣвали со мною, могъъ служить образцомъ самымъ глубоко-обдуманнымъ кознямъ. Зная характеръ Норонцова и хорошо зная положеніе крѣм, они составили связь между Тифлисомъ, гдѣ предводителемъ ихъ былъ Адиль-Гирей, Пятигорскомъ — всегдашнимъ средоточіемъ силъ, толковъ и перекудова, Екатериноградомъ, гдѣ князь Эристовъ дѣйствовалъ неутомимо. Съ самаго начала вступленія моего въ должность начальника Центра, я встрѣтилъ неповиновеніе и признаки такого неуваженія ко мнѣ, какъ къ начальнику, которые никакимъ образомъ я не могъ оставить безъ вниманія со стороны командира линейнаго батальона въ Георгіевскѣ. Князь Эристовъ изысканно показывалъ неприличное невниманіе къ начальнику несоблюденіемъ всѣхъ тѣхъ наружныхъ признаковъ, которые приняты въ службѣ; Кази-Гирей, по примѣру его, изощрялся въ подобныхъ мелочахъ. Видя это намѣреніе, пришедшее къ системѣ дѣйствій со стороны этихъ господъ, и къ тому же по собственному моему характеру будучи вовсе не тщеславенъ, я не высказывать, что замѣчаю ноѣ эти штуки. Цѣль этихъ товарищей была заставить меня жаловаться, чтобъ Адиль-Гирею можно было доложить князю Норонцову, что я тщеславенъ, горжусь и требую непостижимыхъ почестей и угонженій: они знали, что такой шорокъ былъ бы совершенно противенъ образу мыслей князя Норонцова. Дѣлабы не давать ему поводъ изощрить свои способности въ этомъ родѣ обхожденія со мною, я всевозможнo старался избѣгать всякихъ встрѣчъ, рапортовъ, представленій и тому подобное, не могъ однокрѣ не высказывать въ письмахъ къ генералу Коцебу слишкомъ недовольствительныхъ выходокъ командира линейнаго Георгіевскаго батальона; вы увидите, можно ли было терпѣть, что либо подобное, прочитавъ нижеслѣдующее письмо мое къ начальнику главнаго штаба. Хотя я по осторожности мой не

являлся въ сѣти Адиль-Гиря и его сообщниковъ, никогда имъ не указывалъ на неумѣстность ихъ поведенія, зная, что они именно на подобное замѣчаніе запрашивались, но, несмотря на это, они въ Тифлисѣ кричали, что „Беклемишевъ требуетъ съ насъ петербургскія службы со всѣми утонченностями, сопряженными съ службою гвардейскою. Это они повторили въ Тифлисѣ и въ отрядѣ при к. Воздвигенской, въ Кисловодскѣ, такъ что даже эти самыя выраженія я слышалъ отъ генерала Коцебу и княгини Воронцовой. Дабы вполне оцѣнить духъ неповиновенія и непостижимой дерзости батальона Суликовского, я долженъ вамъ разсказать происшествіе, случившееся со мною, которое едва ли имѣетъ подобное себѣ въ лѣтописяхъ военной службы регулярныхъ войскъ. Я командовалъ въ то время 6-ю бригадою казаковъ и Кисловодскими кордономъ. Г. Георгиевскъ окруженъ казачьими станицами и казачьими лѣсами. Жители города терпятъ большой недостатокъ въ топливѣ, казачьи лѣса охраняются казачьими лѣсничими. Часто до меня доходили жалобы, что цѣлыя комманды, вторгавшись силою въ эти дачи, отнимають у казачьихъ лѣсъ вооруженною рукою, и часто дѣло доходило до драки. Нсѣ мои отамы объ этомъ къ начальникамъ командъ, квартирующихъ въ Георгиевскѣ, оставались безъ отвѣтовъ. Однажды, прїѣхавъ въ Георгиевскъ, я освѣдомился, что сильная команда рубитъ лѣсъ въ казачьихъ дачахъ. Я надѣлъ мундиръ съ эполетами, и съ двумя казаками поѣхалъ къ выѣзду изъ лѣса. Въ верстѣ отъ города я встрѣчаю толпѣ около 40 съ сильными конными пѣхоты. Я сталъ ихъ останавливать. Была зима. Люди были въ полушубкахъ и бараньихъ шапкахъ. Желая узнать, какими командами они принадлежать, я сталъ вызывать унтеръ-офицера; но вмѣсто повиновенія, солдаты закричали на остановившіяся подводы: „что задумались! врозь!“ Подводы съ лѣсомъ бросились во всѣ стороны. меня окружили солдаты съ дубинами, въ шапкахъ, съ трубками въ зубахъ! Напрасно я имъ указывалъ на полковничьи эполеты, называлъ себя „Когда бѣ ты былъ полковникъ и кордонный начальникъ, говорили они, подступая съ дубинами, ты бѣ не разбоиничалъ по большимъ дорогамъ!“ Видя, что они выходятъ вовсе изъ границъ, я послалъ одного казака дать знать о происшедшемъ воинскому начальнику и приказалъ ему немедленно выслать роту ко мнѣ въ помощь; между тѣмъ, выхвативъ изъ толпы самаго дерзкаго изъ солдатъ и приказавъ казаку схватить за воротъ другаго, имъ ихъ оттащили въ сторону, и такимъ образомъ, не выпуская изъ рукъ двухъ буйныхъ, которые продолжали ругаться, не вы усякая трубки изо рта. мнѣ удалось задержать 4 подводы. Рота стояла у входа въ городъ. Офицеръ обвинялъ мнѣ, что оба солдата принадлежать его ротѣ; я ему отдалъ ихъ подъ караулъ, равно какъ и 8 подводъ съ лѣсомъ. Въ тотъ день проѣзжали изъ Тифлиса командующій войсками и назначенный итаманъ; и имъ разсказать о случившемся. Дровъ негнѣно отдалъ ка-

лакамъ, мнѣ вѣлно подать рапортъ. Началось слѣдствіе, продолжалось годъ. Люди во всемъ сознались: въ томъ, что, по приказанію своихъ начальниковъ, вооруженная команда ходила въ казачій лѣсъ, гдѣ побили лѣсовщиковъ, что ругали меня, подходили съ дубинами и съ трубками ко мнѣ подъ носъ. Чѣмъ же кончилось все это дѣло!—(двухъ буйновъ, отданныхъ мною старшимъ начальникамъ мѣстными подъ строгій караулъ, воинскій начальникъ черезъ два дня выпустилъ подъ тѣмъ предлогомъ, что мало людей для содержанія караула. Одинъ изъ нихъ въ теченіи года бѣжалъ, а другого, сознававшегося въ буйствѣ, въ непоминаніи, въ дерзости противъ начальника, вѣлно было наказать передъ ротою 25 розгами. Я подводъ съ дрюгами, отданныя подъ караулъ, неавѣстно куда дѣлались, и воинскій начальникъ одривался тѣмъ, что ежели бъ я ихъ къ нему тогда привезъ на дворъ, то онъ бы за нихъ отвѣчалъ. Казки, раненные въ лѣсу, выливались, и я же остался въ дуракахъ. Теперь труднѣе пробывать приложенное здѣсь письмо (прилож. № 7.), и вы конечно сознаетесь, что я не могъ молчать о подобномъ, безначалія вовсе не потому, чтобъ я хотѣлъ съ падающимъ вводить на Кавказъ утонченнымъ мелочи гвардейской службы.

Я скрывалъ выше, что за нѣсколько времени до пріѣзда главнокомандующаго на Кавказъ, въ 1848 году изъ Чеченскаго отряда прибылъ подъ предлогомъ болѣзни Казан. Гирей и ободрилъ покаяніемъ своимъ удавающій духъ партія, запутавшейся въ козняхъ и гадостяхъ. Его выписали въ Пятигорскъ, для того чтобы совершенно противъ меня возстановить княгиню Воронцову безчисленными лживыми разсказами. Я истрѣтилъ княгиню во Владикавказѣ. Она была такъ же внимательна ко мнѣ, такъ же обходительна, какъ прежде. Въ Екатериноградѣ я получилъ извѣстіе, что генералъ Завадовскій, наконецъ убѣжденный моими письмами, ѣдетъ ко мнѣ въ Налчинъ по порученію главнокомандующаго. Книгиня поѣхала одна изъ Пятигорскъ, я остался сопровождать Николая Степановича въ Кабарду. Кромѣ трехъ писемъ, кои мы уже читали выше, и еще сообщалъ командиру войскъ подробно о дѣйствіяхъ Казан-Гирея въ дѣлѣ о переселеніи абхазцевъ и окончательно ему переслать всю возгорѣвшуюся по этому предмету между нами переписку. Главнокомандующій уполномочивалъ его немедленно удалить Казан-Гирея отъ должности, ежели онъ его найдетъ виноватымъ, и меня представить къ утверженію въ должности, ежели одобрить мои дѣйствія по управленію Центромъ.

Генералъ Завадовскій въ абардѣ.

Командующій войсками пробылъ трое сутокъ въ Кабардѣ. Въ это время онъ почевалъ въ аулахъ и былъ окруженъ народомъ. Онъ самъ удивился

той привязанности ко мнѣ, которую замѣтилъ во всѣхъ согласіяхъ. Неудѣ онъ слышать благодаренія и похвалы мнѣ. Дѣйствіями моими по разнымъ отраслямъ управленія онъ остался совершенно довольнымъ. Тутъ онъ мнѣ случай говорить съ матерью Фати Клепцовой. Съ намѣреніемъ онъ ее распрашивалъ, не обижаю ли я ихъ. Она ему отвѣтила, что меня считаетъ благодѣтелемъ, посланнымъ ей отъ Бога для того, чтобы спасти ея несчастную дочь. Прибывъ въ Кисловодскъ, онъ вызвалъ туда старшинъ абазинскихъ и объявлялъ имъ, что они должны немедленно, оставя Вугунту, перейти на указанное имъ мѣсто на Кумѣ. Абазины, разумѣется по слову султана Кази-Гирея, объявили, что они немедленно исполнять это приказаніе, и на слѣдующій же день снялись. Султанъ въ глазахъ ихъ остался правъ невозможностью ихъ болѣе поддерживать. Окончивъ это дѣло, генералъ Заводовскій призвалъ насъ обоихъ въ явнигетъ и сталъ Кази-Гирею выговаривать за поведеніе его. Султанъ съ дерзостью и нахальствомъ, возможнымъ лишь азіату, сталъ его утѣрять, что во всемъ этомъ дѣлѣ онъ ничѣмъ не виноватъ, что ежели я его хотѣлъ погубить, то это собственно по личной злобѣ на него за то, что онъ не хотѣлъ мнѣ потворствовать въ дѣлахъ, слишкомъ противныхъ службѣ и слишкомъ черныхъ. Я попросилъ генерала приказать ему объясниться. Кази-Гирея объяснилъ, что онъ имѣетъ доказательства, которыя предъявить лишь при слѣдствии. (И, представляя переписку съ Гиреемъ объ абазинцахъ, просилъ строжайшаго слѣдствія.) Тутъ сталъ Кази-Гирея высокопарными словами доказывать свои благородныя чувства и перешелъ наконецъ къ моимъ несправедливымъ нападкамъ на него. Генералъ его не останавливалъ, онъ сталъ говорить просто дерзости мнѣ въ глаза. Видя это, я удалился. Генералъ Заводовскій, насмѣвомъ проникая Адила и Кази-Гирея, и давно уже принявшій къ азіатамъ, былъ удивленъ однакоже непостижимою дерзостью всѣхъ этихъ неистовствъ. (Онъ изъ Пятигорска къ князю Воронцову послать донесеніе, въ коемъ, откровенно выхваляя меня, излагалъ необходимость Кази-Гирея отрѣшиться отъ командованія бригадою. Въ разговорахъ съ княгиней онъ выхвалялъ все видѣнное имъ въ Кабардѣ и объявлялъ о необходимости, въ какой онъ находится, удалить Кази-Гирея. Пробывъ трое сутокъ въ Кисловодскѣ, генералъ Заводовскій уѣхалъ въ Ставрополь, съ намѣреніемъ черезъ нѣсколько дней выѣхать навстрѣчу къ главнокомандующему, о скоромъ прибытіи коего тогда получено было извѣстіе. Я ожидалъ прибытія князя Воронцова съ полною увѣренностью на чистоту моихъ дѣйствій и моей совѣсти. Гирей чувствовалъ, что ежели они въ эту рѣшительную для нихъ минуту не вооружаются надо мною, то всѣ ихъ продолженія обнаружатся, и не только всѣ предположенія и коварныя козни ихъ могутъ рушиться, но и сами они могутъ погибнуть. Они рѣшились, не останавливаясь ни предъ какимъ средствомъ, дѣйствовать съ безотчетностью отчаянія.

Козни кипить. Книгиня Воронцова на Юдахъ.

Когда княгиня Воронцова изъ Екатеринограда поѣхала въ Пятигорскъ, я, потаявшея съ генераломъ Заматовскимъ, предвидѣла, что се Гирей закидуютъ жалобами на меня. Дѣйствительно, они прибѣгли подъ ея защиту, какъ обиженныя и угнетенныя неистовыми моими притѣсненіями. Адиль-Гирей съ жаромъ описывать княгинѣ страданія Кази-Гирей, все приписывалъ капризному и мнительному моему характеру, увѣрилъ княгиню, что и противъ Кази-Гирей стараюсь поддѣлать казаковъ, и наконецъ, какъ будто вынужденный огорченіемъ, рѣшился высказать княгинѣ истъ неистовства, которымъ я предаюсь. Всѣ обстоятельства, о коихъ я выше упоминала, онъ облекъ въ самыя гнусныя краски, увѣрилъ княгиню, что всѣ азіаты отъ меня въ отчаяніи, потому что я оскорбляю ихъ нравы и обычаи, что генераль Заматовскій солгалъ ея сіятельству, когда увѣрилъ, что въ Кабардѣ онъ ничего не видалъ кромѣ хорошаго и ничего не слышалъ кромѣ совершеннаго удовольствія отъ кабардинцевъ. Адиль-Гирей увѣрилъ княгиню, что я, пользуясь уваженіемъ начальника, силою вторгнулся въ домъ одного кабардинскаго князя и насильно увезъ княжну, что ажили меня тогда не убили, то что надо приписать только одной скромности народа и преданности его къ правительству; что и русскіе всѣ, живущіе въ Нальчикѣ, оскорблены мною тѣмъ, что они люди семейные и не могутъ ни ходить по улицамъ, ни ѣздить по окрестностямъ съ ихъ женами безъ увѣренности встрѣтить меня съ цыганкою, которая живетъ у меня на содержаніи и играетъ роль барыни. Съ непостижимою дерзостью увѣрялъ Адиль-Гирей, что все сопротивление Анзоровыхъ есть одинъ вымыселъ мой, что никогда не бывало ничего подобнаго, что это все я выдумалъ для того только, чтобы похвастаться своею дѣятельностью и распорядительностью передъ княземъ; что сопротивленіе абазинцевъ есть такой же вымыселъ мой, что никогда они не оказывали ни малѣйшаго неповиновенія, что недоразумѣніе, по которому они стали не на назначенномъ для нихъ мѣстѣ, произошло собственно отъ меня, потому что я ихъ мѣста не указывалъ, что я всю эту исторію выдумалъ собственно для того, чтобы подвести подъ иго въ главнокомандующаго невиннаго Кази-Гирей, на котораго я питаю злобу за невниманіе, оказанное моею любовницѣ. Онъ увѣрялъ, что я по врожденной мнѣ тщливости требую отъ Кази-Гирей непостижимой точности въ мелочахъ службы, съ совершенно неисполнимымъ на Кавказѣ педантизмомъ петербургской службы что всѣ мои неудовольствія на сослуживцевъ происходятъ лишь оттого, что они при всемъ желаніи не могутъ удовлетворять всѣмъ ятымъ прихотямъ пеумѣстной моей гордости. Дабы подтвердить эти слова, онъ, изощрившись во всевозможныхъ мелкихъ неучтивостяхъ, которыя бы дѣйствительно меня оскорбили отъ всякаго другаго, и если бы я не видѣлъ

изъ нихъ обдуманной системы,—напримѣръ, не кланялся мнѣ, дерзко отвѣчать, просалъ глупо-презрительныя взгляды, съ умысломъ наводилъ при мнѣ разговоръ о предметахъ, обсужденныхъ мною, и съ нахальствомъ и самой пошлой дерзостью опровергая мое мнѣніе, дабы, вынедя меня изъ систематическаго моего терпѣнія, заставить что нибудь рѣзко сказать. Урядникъ Андреевъ, котораго вы знаете, будучи съ женою своею всегда облакнанъ ея сіятельствомъ, вынужденный терзаніями султана, рѣшился прибѣгнуть подъ покровительство княгини и просилъ ея ходатайства объ отпривленіи его на какую бы ни было дальнюю службу, лишь бы вырваться изъ рукъ тирана. Султаны до такой степени предубѣдили княгиню, что она легко изволила повѣрить тому, что это и настроилъ Андреева жаловаться на Казн-Гирея. Дабы изыскать себѣ подпору внѣ службы и вовсе отклонить всякое подозрѣніе въ дѣйствіяхъ измѣнническіхъ, Адиль-Гирей и покровитель его Казн-Гирей давно уже прикинулись проникнутыми истинной христіанскою ученіемъ. Адиль-Гирей съ хитростью и притворствомъ, которое ему никогда не измѣняло, давно уже сталъ передъ княгиней притворяться и съ терпѣніемъ, свойственнымъ лишь азіату, наводилъ разговоръ на вѣру и постоянно его поддерживалъ, какъ будто находя душевное удовольствіе выникать въ тайны ученія христіанскаго, читать притворно книги духовныя, сочиненія Муравьева, и тому подобное. Княгини, при всей рѣзкой проницательности своей, увлеклась притворствомъ Адиль-Гирея. Такую же комедію разыгрывалъ Казн-Гирей. Дѣйствуя тайно самымъ враждебнымъ образомъ для Россіи, онъ вошесть съ Муравьевымъ въ тайнописную и замысловатую переписку о предметахъ, касавшихся вѣры, сталъ дѣлательно хлопотать объ воздвиженіи церкви въ Павловской станицѣ, во имя Андрея Первозваннаго, и поручилъ Муравьеву въ споруженіе этого храма собирать деньги. Муравьевъ, слѣпо адамаясь въ этотъ обманъ, былъ въ восторгѣ, по всему Петербургу провозглашалъ новую побѣду своихъ увлекательныхъ проповѣдей и по просьбѣ Казн-Гирея горячо ходатайствовалъ объ немъ у канцелярскаго начальства. Титиринъ, съ первыхъ дней назначенія своего, сталъ просить о прибавкѣ содержанія и со свойственнымъ ему нхательствомъ требовалъ содержанія бригаднаго командира вдобавокъ къ получаемому имъ окладу по гвардейскому полужкадрону. Азіатскія алчность и выдержали и приличія, но Муравьевъ, въ восхищеніи отъ своего ученика, моллился и хлопоталъ за него. Старуха Татьяна Борисовна Потемкина, душевно радуясь ятому успѣху ученія Христова, превозносила до небесъ высокія чувства и поетическіе характеры Гиреевъ. Они въ душѣ сѣялись и, радуясь густотѣ тумана, которымъ имъ удалось задержать настоящіи ихъ дѣйства, точили ножъ на Россію со злобостью фанатича и предавали своего благодѣтеля князя Воронцова. Казн-Гирей, слѣдуя руководству Адиль, се мною принялъ ту же систему мелкихъ, постоянно притворяемыхъ и обдуманныхъ неучтивостей, на

которыя притворно и упрямю я не обращалъ вниманія. Но такъ какъ азъ въ нѣмъ въ вѣсѣхъ порицаніяхъ извѣста соединилъ еще большую глупость, то они, въ исторіи отъ своихъ успѣховъ, ушли до смѣшнаго. Напримѣръ, я, будучи еще тогда его начальникомъ, очень часто посылалъ во все стороны нарочныхъ; онъ не приказывалъ имъ давать лошадей; на мое имя шель конвѣртъ чрезъ его штабъ-квартиру, онъ его принималъ принести къ себѣ и вскрылъ. (Это видно изъ письма къ Г. Гоголю.) Тогда съѣздъ на Минеральныхъ Водахъ былъ очень многочисленъ. Гирей трубили свою славу на всѣхъ собраніяхъ, на всѣхъ гуляньяхъ и рассказывали всѣхъ пріѣзжающимъ ужасны, прямой развратъ, мои притѣсненія, мои несправедливости. Безъ всякаго заваренія совѣсти они не уходили довольно часовъ во дню, чтобы рассказывать и индугивать про меня самыя похвалы, самыя несправедливыя истинности. Наконецъ, интрига эта по милости Гиреевъ сдѣлалась предметомъ общихъ толковъ, общихъ разговоровъ на Водахъ. Такимъ образомъ, дѣйствуя около княгини, Гирей наискивалъ всевозможныя мелочи, изъ которыхъ можно бы мнѣ было что нибудь извлечь для обвиненія меня передъ княземъ. Но къ огорченію ихъ, казаки, и русскіе и бабуконцы, были чрезвычайно довольны мною и ненавидѣли Казю Гирея. Изъ кабардинцевъ все усили изъ, чтобы заставить кого нибудь на меня жаловаться, оставались тщетными: въ горѣхъ мною были чрезвычайно довольны. Оставалось одно средство — лгать. За этимъ дѣло не стало. Князь Воронцовъ, будучи тогда въ чеченскомъ отрядѣ, получалъ на меня доносы за доносами. Агентомъ изъ отряда былъ человекъ, болѣе всѣхъ заинтересованный моею немилостью, потому что я въ что бы ни стало хотѣлъ занять мое мѣсто, — именно, князь Эрнстовъ. Всюду доносы, доходящіе до главнокомандующаго, были ему извѣстны, и онъ, съ хитростью азіата наводя ловко объ этомъ предметѣ разговоръ, дѣйствительно и ало наполнилъ незаметно клевету своими замѣчаниями. Впоследствии самыя его слова были мнѣ высказываемы самимъ княземъ и начальникомъ штаба. Напримѣръ, изъ письма моего къ генералу Завидонскому мы видѣли, что я посадилъ двухъ князей кабардинскихъ на гаубицѣхъ за то, что они, будучи мною посланы, какъ акаркуторы, засекрестовать волею у одного кабардинца, вмѣсто того чтобы ихъ принести ко мнѣ, угнали къ себѣ въ отдаленныя хутора; до тѣхъ поръ я не могъ ихъ добиться, покуда не арестовалъ самихъ князей. Князь Эрнстовъ изложилъ случай въ разговорахъ представить обстоятельство это въ видѣ лихаго набѣга, который эти князья изъ удалства себя позволили, и говорилъ, что я не знаю духъ черкесовъ и потому совѣтъ не отъ настоящей точки смотрю на это. Начальникъ штаба мнѣ именно эти самыя слова высказалъ при свиданіи со мною въ Екатеринбургѣ. Цѣлыхъ три мѣсяца князь Эрнстовъ изъ отряда напѣвалъ главнокомандующему, что я невинно подозрительнаго характера, самъ ничего не видавъ, всему свѣду

вѣрю, по первому слову доносчика: онъ увѣрялъ, что никогда Анзаровы не оказывали ни малѣйшаго непониманія, что мнѣ нагнали, и что я всему слѣпо сѣпчись же повѣрилъ и принялъ за истину, не давая себѣ даже труда хорошо всмотрѣться въ дѣло. Такимъ образомъ, увѣрялъ онъ, вѣроятно ничего нѣтъ подобнаго тому, что полагаетъ Неклемишевъ въ дѣлѣ абазинцевъ, ему изложили, онъ и повѣрилъ." Тутъ подошли одно за другимъ нелѣпыя дознанія Кодакова, которые прямо до такой степени лживы и нахальны, что ихъ смѣшно читать. Кромѣ этого, Гирей съ майоромъ Хушевымъ, давно уже кипящимъ злобою на меня, послали князю слѣдующій инсинуирующій доносъ. Припоминая его снательству исторію казака Гринева, который хотѣлъ меня два года передъ тѣмъ убить, они увѣряли князя, что причина злобы на меня Гринева заключалась въ томъ, что я, будучи пристрастенъ къ мужеложству, хотѣлъ однажды изнасилловать брата этого Гринева, казачка весьма красивой наружности. (Вы знаете истину этого пропущенія изъ описанія моего выше.) Другимъ доносомъ князя извѣщали, что я, будучи преданъ мужеложству, для того прискажу аманатовъ въ Пальчикѣ, что я ихъ употребляю въ свою пользу, какъ турецкій сапожникъ. Третьимъ доносомъ извѣщали князя о томъ, что я изнасилываю какого то кабардинца и какого то молодого князя. Такимъ образомъ, дружно и единогласно дѣйствуя на Водахъ и въ Чоченскомъ отрядѣ, враги мои успѣли поколебать ту довѣренность, которую князь Норонцовъ ко мнѣ имѣлъ, и очернили меня во мнѣніи его и княгини. Я не удивлялся, что подобная гнусность могла блеснуть злобному уму Адиль-Гирея, когда припоминалъ, что онъ до такой степени преданъ атому пороку, что служа въ Петергофѣ по красивой наружности своимъ развращеннымъ людямъ, онъ былъ за это еще весьма недавно, по личному повелѣнію государя, передъ цѣлымъ лагеремъ измѣненъ и сосланъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Прибывъ въ Пятигорскъ съ генераломъ Западольскимъ, я увидѣлъ рѣзкую перемену въ обращеніи со мною княгини. Она, которая постоянно со мною обращалась вовсе не какъ супруга моего начальника, а, могу сказать, какъ мать или близкая родственница, — вдругъ приняла со мною тонъ холодной учтиности, и съ первыхъ минутъ эта женщина, идеаль свѣтской ловкости и прищипки, рѣзко дала мнѣ почувствовать, что отнынѣ впередъ она во мнѣ видитъ челоуѣка, недостойнаго такого обращенія, и челоуѣка, съ которымъ она вынуждена себя держать осторожно, чтобы я не запылалъ разстояніе, нать раздѣляющее. Я предвидѣлъ, что Гирей употребитъ всевозможное стараніе, чтобы повредить мнѣ во мнѣніи княгини. Съ первыхъ минутъ я полагалъ, что азіатская злоба не остановилась ни предъ какою ложью, ни предъ какою чертѣйшей клеветой, чтобы только лишить меня хорошаго мнѣнія и покровительства княгини и даже одолбить ее противъ меня. Бывшій до сего времени облакванъ княземъ и княгиней, какъ никѣмъ на свѣтѣ не былъ облакванъ,

сдѣлавшійся, я смѣю сказать, почти домашнимъ человѣкомъ у этого вельможи, я былъ внезапно исключенъ изъ круга приближенныхъ. Меня приглашали только къ большимъ обѣдамъ, а потомъ и вовсе перестали приглашать къ столу. Все это замѣчали съ жадностью враги мои, и съ каждымъ днемъ прибавлялись ихъ дерзости. Сначала я было хотѣлъ навести княгиню на разговоръ, который бы мнѣ могъ дать случай объясниться. Однажды мнѣ было представился этотъ случай. Княгиня стала мнѣ говорить о томъ, какъ ее огорчаютъ несогласія, воародившіяся между мною и Казимъ-Гиресмъ. Я видѣлъ, что она истинно этимъ огорчена. Она со слезами на глазахъ говорила:

„Mon Dieu! mon pauvre mari! Est-il donc dit qu'il sera toujours seul, au milieu de tant de peine. Jamais je n'aurais cru que vous, sur qui mon mari a tant compté, vous puissiez ainsi vous jouer de sa confiance!" — Каково мнѣ было слышать этотъ упрекъ. Я отвѣчалъ: „De grace, madame la princesse, veuillez croire que vous êtes mal informée. Il n'est rien de tout ce qu'on vous a dit sur moi. Mon Dieu, il est bien dur à moi de vous entendre parler ainsi!" — „Quoi! N'avez vous pas fait mousser l'affaire des Amprofs, qui à tant tracassé mon mari. N'avez vous pas présenté la désobéissance des Abazintz sous un jour épouvantable? Eh bien! Il n'en est rien cependant, et tant cela pour vous venger sur ce pauvre Kazi-Guirey. Jamais je ne vous aurais cru capable d'une pareille conduite, comment est-il possible de se laisser emporter par sa haine au point de ne pas voir et de ne pas apprécier tout ce qu'il y a de beau, de grand, de superbe dans ce noble caractère."

Я хотѣлъ было доказать княгинѣ, до какой степени она ошибается. Она не дала мнѣ говорить сказать:

„Ne vous justifiez pas. Je sais tout ce que Kazi-Guirey vous a dit devant le general Zavadovsky. Il a eu raison. Je vous le répète, je ne vous aurais jamais cru capable d'une pareille conduite, et surtout d'une vengeance aussi peu digne. Ce noble Kazi-Guirey, encore là, poussé à bout par les chagrins que vous lui causez, ne s'est-il pas conduit comme un chevalier. Voyant que vous lui en voulez injustement, n'est-il pas venu lui-même chez vous à Naltchik pour s'expliquer. Alors vous lui avez promis d'abandonner cette persécution déplacée. Mon Dieu! Et pour quelle cause! Toutes vos prétentions se sont-elles pas basées sur un amour-propre, une vanité inconcevable! Vous exigez de tout une adulation, et un concours, à vos caprices les plus impardonnables, qui leur répugne! Ne mettez vous pas maintenant, toute la brigade contre ce pauvre Kazi-Guirey? Les plaintes d'Andréef, n'est ce pas votre dictée? Avez vous pu trouver dans tout ce que fait Kazi-Guirey autre chose qu'une infatigable activité, un zèle exemplaire, y a-t-il un homme plus honnête, plus probe, plus loyal que lui? Mon Dieu, mon pauvre mari! Point de tranquillité nulle part!"

Видя, что султаны уже слишкомъ много наговорили княгинѣ, и что нѣтъ

никакой возможности ее разуверить, я удалился со скорбью въ душѣ, но съ полною надеждою на скорое прибытіе князя. Совѣсть моя была чиста, я слѣпо надѣялся на справедливость главнокомандующаго и не сомнѣвался въ томъ, что онъ, скоро увидѣвъ всю гнусность партіи, составившейся противъ меня, призоветъ меня и, немедленно обнаруживъ всю гадость этихъ нечестныхъ враговъ, уничтожитъ моихъ враговъ, выказавши на свѣтъ всю чистоту моей службы.

Тогда я предпринялъ трудную и любопытную поѣздку около Эльбруса, съ тройкою цѣлью. Во-первыхъ, хотѣлъ на время удалиться отъ общаго сборища на Имперальныхъ Водахъ. Во-вторыхъ, Гирей, изыскивая всевозможныя средства, чтобы повредить мнѣ, и огорчался тому хорошему влиянію и той довѣренности, которую я приобрѣлъ въ горахъ, распуская дѣлательно слухи о томъ, что я, будучи по мѣсту своему удаленъ отъ частыхъ дѣлъ съ непріятелемъ и слѣдственно лишень случая часто отличиться и получать награждения, распускаю слухи, что они, то есть дальнія горныя племена, намѣреши будто бы отложиться, и подъ этихъ предлогами я будто бы собираю отрядъ, чтобы сдѣлать на нихъ набѣгъ. И хотѣлъ лично удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, какъ я дѣлывалъ всегда, и потому рѣшился лично появиться въ этихъ отдаленныхъ и почти неизвѣстныхъ аулахъ. Кто повѣритъ, что дѣйствительно коварство и злость Гиреевъ не остановились и передъ этимъ алымъ вымысломъ. Появление мое въ этихъ аулахъ мирнымъ путешественникомъ, вовсе безъ конвоя, произвело самое счастливое впечатлѣніе. Народъ радовался и окружалъ меня, изъявляя чистосердечное удовольствіе, видя, что всѣ страшныя толки, между ними распространенныя, были ложь. Вездѣ съ удивленіемъ мнѣ разсказывали о тѣхъ же напугавшихъ ихъ слухахъ, вслѣдъ съ восхищеніемъ убѣждались въ несправедливости ихъ. То же самое я нашелъ и въ Дигорин, куда тоже я самъ отправился, для того чтобы провѣрить слова моихъ лазутчиковъ. Третья причина, по которой я предпринялъ такую поѣздку, была та, что здоровье мое совершенно разстроилось отъ постоянныхъ лихорадокъ и разлитій желчи. Огорченіе, въ которое меня повергли слова и обращеніе княгини Воронцовой, требовавшей непремѣннаго усиленнаго развлечения и сильной физической дѣятельности. Безъ этого грусть и постоянныя новыя досады, огорченія и неудовольствія нонинуюмо породили бы во мнѣ женскую горячку, и я бы можетъ быть не пережилъ этихъ тяжелыхъ дней моей жизни.

Письмо княгини Воронцовой.

Едва я воротился въ Кисловодскъ, какъ получено было извѣстіе о скоромъ прибытіи главнокомандующаго. И побѣлѣ его встрѣчать въ Екатерино-

градъ. Подходила минута, рѣшительная для Кази-Гирей. Съ уничтоженіемъ его открывался весь чистъ договоръ, и следовательно попадали подъ чужія князя самыя усердныя слуги противу-русской партіи въ краю. Хитрый Адиль-Гирей являлъ пониманіе свое положеніе, онъ рѣшился дѣйствовать отчаянно (il jouait gros jeu). Гирей приблизилъ опять къ князю: описали ей жалкое положеніе Кази-Гирей, утѣрили, что генералъ Завидовскій, являлъ видъ меня пинюватымъ, оттого только меня поддержиють и хваляють князю, что по простотѣ своей онъ полагаетъ, что князь и княгиня во мнѣ принимаютъ особенное участіе, что онъ, будучи связаннымъ желаніемъ угодить имъ, рѣшился погубить Кази-Гирей, который непременно погибнетъ, ежели княгиня не напишетъ слово въ его оправданіе. Княгиня рѣшилась написать письмо, съ которымъ поскакалъ Кази-Гирей въ Екатериноградъ, и оттуда оно отправлено къ князю, который получилъ его, не добывая Моздока за Терекомъ. Въ этомъ письмѣ княгиня изъясняетъ сожалѣніе о томъ, что и, въ которомъ они оба принимали такое участіе, такъ дурно оправдать допущенность ихъ: никому нѣтъ отъ меня житья, ни русскимъ, ни азіатамъ. Тутъ она описываетъ, какъ я насильно увезъ кабардинскую княжну, какъ заставляю цыганку играть роль барыни, какъ утѣшаю Кази-Гирей за то, что онъ не повторствуетъ моимъ порочнымъ страстямъ, какъ сочинилъ исторію непониманія Алавердиныхъ, до какой степени и солгалъ, нагло говоря о непониманіи абазинцевъ и объ участіи въ этомъ Кази-Гирей, и такъ далѣе, подробно называя князю все неистовство, въ которыхъ ее утѣрили Гирей. Письмо это рѣшило судьбу мою. И съ покойнымъ духомъ и чистою совѣстью ожидать князя въ Екатериноградѣ, въ полной надеждѣ на справедливый и безпристрастный судъ его.

Пріѣздъ главнокомандующаго въ Екатериноградъ.

Въ Екатериноградѣ все мѣстные начальники съѣхались у дома полковаго командира и ожидали прібытія главнокомандующаго. Князь Воронцовъ, которому въ сѣнѣ нѣтъ подобнаго человѣка для обходительности и пріятности въ общеніи съ младшими, котораго все на Кавказѣ привыкли видѣть пріятливо принимающаго всякаго простолюдина, подошелъ ко всемъ съ обыкновенною внимательностію, со всею поминудею нѣсколькими словами, податъ почти каждому руку. Принимъ отъ меня репортъ, онъ холодно поздоровался и послѣ того не говорилъ со мною. Больно было мнѣ видѣть и въ князѣ такую перемѣну ко мнѣ! И надѣлся еще, что меня князь и начальники главнаго штаба призвуютъ, станутъ разспрашивать, и тогда же твердо быть утѣренъ, что я бы убѣдилъ ихъ въ заблужденіи ихъ. Но начальники штаба, такъ какъ уже было рѣшено главнокомандующимъ меня съѣхать княземъ Эристовымъ, не

входилъ со мною въ лишніе разговоры, а въ краткихъ словахъ высказали главные пункты моего обвинения. „Вы слишкомъ подозрительнаго и легковѣрнаго характера. (говорилъ генералъ Коцебу) вы вѣрите всему, что вамъ рассказываютъ окружающіе васъ. Все представите главнокомандующему въ черномъ видѣ. Съ тѣхъ поръ какъ вы въ Пальчикѣ, имѣть проѣзда по большой дорогѣ отъ непріятельскихъ партій. (Слова Ильинскаго, сказанныя въ оправданіе свое въ томъ, что у него безъ выстрѣла изъ станнны убили 70 лошадей.) Если бы послушались совѣта генерала Нестерова, когда онъ вамъ предлагалъ простить бѣднаго обречя, онъ бы не угналъ у Ильинскаго лошадей.“ И теперь еще готовъ присягнуть, что никогда мнѣ подобнаго ничего Нестеровъ не предлагалъ, и что совершенно не было извѣстно, кто именно угналъ этихъ лошадей. Въ той же станціи живетъ кордонный начальникъ, у него кордонный штабъ, двѣ сотни въ сборѣ, онъ остался совершенно правъ. Я жилъ за 100 верстъ. — и былъ виноватъ. Его произвели въ генералы, а меня заставили оставить Кавказъ. Напрасно я было пытался сказать что нибудь въ мое оправданіе, было уже поздно. Эрнсту приказано было уже вѣшать принять отъ меня должностъ. Я умолялъ генерала Коцебу, по крайней мѣрѣ, осчастливить меня строжайшимъ слѣдствіемъ о томъ, почему абазинскіе аулы стоятъ на Бугунтѣ. По случаю немедленнаго спосѣга отъѣзда въ Тифлисъ, Павелъ Евстафьевичъ обещалъ доложить это настояніе мое главнокомандующему чрезъ генерала Вольфа. Скоро послѣ того Николай Павловичъ, выходи отъ князя Воронцова, говорить мнѣ: „князь поручилъ мнѣ передать вамъ, что если вы непремѣнно этого желаете, то онъ сейчасъ назначитъ слѣдствіе, но будетъ ли вамъ это пріятно, официально вывести исторію этой женщины.“ Исно мнѣ было видно изъ этихъ словъ отголосокъ письма княгини. Конечно, подумалъ я, очень непріятно для меня въ слѣдствіе вывѣшать исторію Фати, и вѣроятно цыганки, хотя это слѣдствіе выказало бы всѣ гадости Казн-Гирея, но дѣйствительно для меня было бы пріятнѣе если эти гадости раскрыты князю безъ официальной огласки. Я сообразилъ, что въ Питигорскъ долженъ пріѣхать г. Завадовскій, который все знаетъ, и тогда, подумалъ я, результатъ его словъ будетъ тотъ же, что слѣдствіе. И г-ду Вольфу не далъ никакого отвѣта и не настоялъ о производствѣ слѣдствія. Это была величайшая ошибка въ моей жизни! Въ Питигорскъ пріѣхалъ я накомунѣ князя Воронцова. Выходи изъ экипажа, его свѣтельство пошелъ къ караулу и къ собравшимся приѣзжнимъ и къ народу, съ обыкновенною его увлекательною пріѣтливостью; со мною же не здоровался, даже не кивнулъ мнѣ головою. Генералъ Завадовскій, воплилъ оцѣнивая всю важность своего присутствія въ Питигорскѣ, принялъ къ руководству слѣдующее разсужденіе. За нѣсколько дней до того главнокомандующій послалъ его изъ Чоченскаго отряда, какъ старшаго по себѣ генерала, осмотрѣть положеніе дѣлъ въ Центръ, имѣнны въ

обязанность строжайшимъ образомъ явиться во все мои распоряженія и въ особенности въ причины неудовольствій, возникшихъ между мною и Казн-Гиреемъ. Князь Михаилъ Семеновичъ его уполномочилъ, ежели бы онъ не явился, нужнымъ, убѣдись въ недобросовѣстныхъ поступкахъ Казн-Гирея, немедленно его отрѣшить отъ должности, а меня представить къ утвержденію въ занимаемой мною должности. Видя ясно всю истину, генералъ Заваловскій, какъ придворный человѣкъ, соображая, что на него противъ него княгиня Воронцова, ежели онъ погубитъ Казн-Гирея, и можетъ быть опасался противъ самого себя нѣтъ при дворѣ главнокомандующаго сильную партію Гиреевъ, озлобленныхъ противъ него. Между тѣмъ не могъ же онъ дѣйствовать противъ чести, совѣсти и даже службы. Онъ сдѣлалъ главнокомандующему совѣстливое донесеніе, изъ которомъ описывалъ меня самыми лестными для меня красками и указывалъ на совершенную вину Казн-Гирея; княгиня на словахъ доложила, до какой степени онъ меня признавалъ справедливымъ, во всемъ правымъ и полезнымъ на моемъ мѣстѣ, и осторожно пыскавалъ, что онъ предвидѣлъ необходимость Казн-Гирею дать другое назначеніе. Послѣ этого онъ себя считалъ совершенно правымъ и чистымъ, какъ передъ своею совѣстью и свѣтомъ, такъ и по строгимъ правиламъ службы, и представилъ все рѣшить самому князю. Онъ изъ Ставрополя выѣхалъ для того, чтобы представиться его сіятельству въ Пятигорскѣ, но на полдорогѣ занемогъ, воротился въ Ставрополь и послалъ къ князю Воронцову адъютанта съ изъявленіемъ своего сожалѣнія о томъ, что внезапная болѣзнь его вынудила воротиться. Тогда я повѣлъ, что моя участь рѣшена. Гирей, ожидавшіе этой развязки съ нетерпѣніемъ еще живѣвшимъ, нежели я, потому что они могли погибнуть стрѣнно, (ils jurent d'être jés) — плѣ себя отъ восхищенія при поминаніи адъютанта г. Заваловскаго, минуть обняли все положеніе этого дѣла, и въ упоеніи отъ восторга своего торжества забывали всякое приличіе, всякую осторожность, какъ болѣо имъ ненужную, не знали предѣловъ изъявленію своей радости. Эту счастливую вѣсть Казн-Гирей получилъ на дорогѣ изъ Екатеринограда къ с. Марьевской. Видъ себя отъ восторга онъ кричалъ: «Веклемишовъ убитъ! Кто теперь за него!» спрашивалъ: «чи вы? мои или Бокленишевскіе?» провозгласилъ тосты, и тутъ же явилось шампанское, рожденное въ честь торжества партіи моихъ враговъ. Кто не знаетъ нѣзавѣтъ, тотъ не можетъ себя вообразить и никогда не повѣритъ описанію смѣшно надменныхъ и низкихъ ужасовъ и кривлиной Гиреевъ въ Пятигорскѣ въ этотъ день. Никакой актеръ-буффъ въ самой утрированной роли не можетъ придумать тѣхъ проѣлокъ, тѣхъ взглядовъ, тѣхъ замашекъ, которымъ тогда предавались Адиль-Гирей и сотрудники его Казн-Гирей. Непривычны къ тому пріѣзжіе посетители на эту комедію смотрѣли и не вѣрили глазамъ своимъ. За обѣдомъ въ день своего пріѣзда главнокомандующій поручилъ генералу

Вольфу посоветовать мнѣ искать себѣ другаго назначенія. И съ побѣдки на Эльбрусъ возвратился я недѣлю до пріѣзда его сіятельства. Хотя я и надѣялся на судъ князя Воронцова, но огорченія и непріятности возвратили мнѣ болѣзнь. Лихорадка и разлитіе желчи въ нѣсколько дней совершенно меня разстроили. Пользуяиіе меня медики, истощивъ въ теченіи полутора года самыя сильныя средства лѣченія, совѣтовали мнѣ, для того чтобы остаться живымъ, скорѣе уѣхать хоть на время съ Кавказа, въ отпускъ, дабы въ другомъ климатѣ успокоиться душевно, потому что уже средства медицины были для меня неэффективны. Чѣмъ пламеннѣе и беззабѣннѣе было мое усердіе къ службѣ, чѣмъ безпрѣлѣнно была моя личная преданность князю Михаилу Семеновичу, тѣмъ болѣе было для меня тяжело и невыносимо то, что со мною случилось. Неожиданная перемена ко мнѣ, которую я внезапно увидѣлъ въ главнокомандующемъ, и крутой оборотъ, который принимало мое дѣло, такъ меня поразили, что я долженъ сознаться въ томъ, что я упалъ духомъ, увидавъ адъютанта генерала Заводоваго. Я покинулъ всякую мысль объ оправданіи, о слѣдствіи; мнѣ стало тяжело, душно въ кругу того, что мнѣ напоминало мою службу въ этихъ мѣстахъ. Но мнѣ загорѣлось одно желаніе: ѣхать съ Кавказа во что бы то ни стало. И видѣть въ одночасъ эту мою жизнь и единственное спасеніе отъ вѣрной смерти. Когда генераль Вольфъ передалъ мнѣ слова князя Воронцова, отвѣтъ уже у меня былъ готовъ.

(Облкая самое жестокое для подчиненнаго рѣшеніе въ формы, сколь возможно, пріятныя, князь Воронцовъ поручилъ генералу Вольфу объявить мнѣ, что онъ впрочемъ согласенъ мнѣ дать другое назначеніе въ его корпусѣ, которое бы я пожелалъ. И рѣшительно просилъ Николая Павловича исходатайствовать у князя увольненіе въ отпускъ въ Варшаву и Петербургъ, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи оного я поступилъ въ образцовый полкъ и потомъ подучилъ кавалерійскій полкъ въ дѣйствующей арміи. Генераль Вольфъ совѣтовалъ мнѣ просить назначеніе въ Кавказскомъ корпусѣ, но я ему отвѣтилъ, что я боюсь и впредь тѣхъ же крамолъ и той же клеветы, которая теперь меня губила. Въ то время почти навѣрное можно было предвидѣть возму въ Европѣ. И надѣялся въ головѣ полка доказать, что у меня бьется сердце и кровь кипитъ отъ чувствъ далеко не столь гнусныхъ, какъ тѣ, которыя мнѣ приписывали Гирси. Я просилъ сохраненія содержанія, князь въ этомъ отвѣчалъ мнѣ, давъ одновременное пособіе, и уволивъ меня на четыре мѣсяца въ отпускъ, приказавъ сдать должность князю Эрнстову. Дня три пребылъ князь въ Кисловодскѣ. И старался, сколько могъ, укрываться отъ любовитныхъ посѣтителей Минеральныхъ Водъ, коихъ всѣхъ шумная эта исторія, разглашаемая султанами и примѣрщиками ить, очень занимала, какъ *la nouvelle du jour*. И никогда не былъ атченъ къ наградамъ, и пока служилъ на Кавказѣ, считая высшею наградою для себя

доятріе, которыми меня приводить въ совершенный внтузіазм князь Михаилъ Семесовичъ. Я и не обрадывалъ вниманія на то, что, занимая значительныя посты, и въ сравненіи съ товарищами, я никакихъ наградъ не получалъ въ теченіи трехъ лѣтъ. Мнѣ г. Завадовскій обѣщалъ Анну на лею. Тогда я почувствовалъ, что этотъ крестъ для меня совершенно необходимъ для сохраненія того признака, что я безъ неспрїятностей по службѣ оставилъ Каякзъ. Князь Норонцовъ далъ мнѣ письмо къ фельдмаршалу Паскевичу и военному министру, въ концѣ свѣдѣтельствующая о хорошей моей службѣ и ходатайствующая о назначеніи меня командиромъ полка въ дѣйствующую армію. Ежедневно были у князя, по обыкновенію, большіе обѣды, на которые я не получалъ приглашенія, хотя по вечерамъ, встрѣчая меня, князь обыкновенно спрашивалъ, отчего я не приходилъ къ столу. Никогда для меня честь быть приглашеннымъ къ его обѣду не была болѣе цѣстна, потому что всѣ съ жадностью замѣчали эти признаки немилости, и враги мои торжествовали. Меня одолевала скорбь, и я считалъ минуты, которая оставалось пробыть въ этомъ крѣпѣ, для меня до того времени столь прїятликомъ и вдругъ такъ замѣнявшемся ко мнѣ. Здоровье мое меня начинало пугать. Хотя я былъ главный мѣстный начальникъ, меня ни о чемъ не спрашивали, князь со мною не говорилъ, княгиня тоже. Очень немногіе изъ прїтелей моихъ рѣшались посѣщать меня. Наконецъ, въ день отъѣзда князя Норонцова, рано поутру мнѣ велѣно было явиться къ его сіятельству. Князь и тутъ меня обласкалъ: утѣрялъ, что онъ противъ меня ничего не имѣетъ, и предлагалъ мнѣ полкъ. Я благодарилъ его сіятельство за лестныя его слова, за всѣ милости, оказанныя мнѣ въ теченіи моей службы на Каякзъ, и доложилъ, что я, не приготоившись командовать пѣхотнымъ полкомъ, считая безчестнымъ принять часть, въ которой не имѣю твердыхъ познаній. Это бы значило, сказалъ я, желать пользоваться доходами и преимуществами полковаго командира, предостанявая управленіе частью своимъ подчиненнымъ. Тутъ князь пошелъ я проститься съ княгиней. Благодарилъ я отъ чистаго сердца эту независимую для меня женщину за все добро, которое она мнѣ сдѣлала. И ей много обаянъ было до послѣднихъ дней. Зло же, которое она мнѣ сдѣлала, она его не постигала, и меня она хорошо не зная, ошиблась. И помнилъ тогда сдѣланное мнѣ добро и никогда его не забуду. Въ Ессентукахъ у Каан-Гирея былъ приготовленъ завтракъ. Тутъ и въ послѣдній разъ простился съ княземъ, который еще разъ обласкалъ меня и еще разъ предложилъ полкъ. И едва былъ въ состояніи говорить отъ волненія. Богъ одинъ знаетъ то, что у меня тогда происходило въ сердцѣ. Все здѣсь соединилось для того, чтобы для меня минуты эти были памятнымъ. На этой квартирѣ я такъ безотчетно былъ счастливымъ милостивымъ довѣріемъ князя, вниманіемъ и ласками княгини. Тутъ стеклось все общество, составляющее кругъ князя Но-

ронцова, въ которомъ еще такъ недавно я былъ такъ хорошо припять, и которое такъ внезапно меня отвергло. Тутъ стеклось народонаселение любимыхъ мною казаковъ, которымъ я такъ охотно посвятилъ было всю мою жизнь, съ которыми я разстался навсегда. Я зналъ, что въ этой толпѣ почти всѣ соблазнуютъ обо мнѣ и смотреть на меня съ участіемъ. Не помню, что я тогда именно сказалъ князю на его шлоstinныя слова: сердце у меня разрывалось, я почти не въ силахъ былъ говорить. Мнѣ поминтся, что я еще благодарилъ князя, какъ могъ, что молилъ Бога дать мнѣ когда нибудь случай въ глазахъ его умереть въ рядахъ его солдатъ, дабы доказать ему мою охоту служить съ имъ и мою преданность ему. Князь уѣхалъ. Я помню, что я тогда, какъ въ чадѣ, скрываясь отъ толпы казаковъ, ихъ женъ и дѣтей, бросился въ первый домъ казачій и въ немъ заперся. Вскорѣ послѣ того, отправясь въ Нальчикъ, я сдать должность торжествующему надменному врагу моему, к. Эрстову. Много въ эти дни я вытерпѣлъ душевныхъ терзаній, пока не вырвался изъ Нальчика. Князь Эрстовъ не могъ, при всемъ навыкѣ своемъ, хитрить, скрывать своей кичливой гордости; утѣшеніемъ надменности его вырывалась въ порывахъ, едва для меня выносимыхъ. Верхомъ, одинъ, какъ изгнанникъ, я выѣхалъ изъ этого Нальчика, гдѣ за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ и занималъ положеніе самое видное, самое пышное, самое блестящее, какое въ моемъ чинѣ занимать только можно. Никто не посмѣлъ изъ жителей крѣпости гласно протестить со мною и проводить меня, опасаясь азіатскаго шенія князя Эрстова. Весьма немногіе друзья дерзнули ожидать меня въ нѣсколькихъ верстахъ отъ крѣпости. Мы обнялись. Я бросился въ повозку и усакажалъ. Не могу умолчать о томъ, что на пути до Ставрополя я много встрѣчалъ отъ казаковъ и даже отъ азіатъ изъясненій самаго живаго участія ко мнѣ. Эти ласки въ такое время такъ глубоко врѣзались въ сердце мое, что оно прежде превратится въ прохъ, нежели слѣды ихъ изгладятся.

Меня пожирала болѣзнь; я чувствовала ея возрастаніе. Я ужасался своего положенія и какъ будто видѣлъ спасеніе свое въ томъ, чтобы достигнуть скорѣе другой страны. Я сѣлалъ въ путешествіи своемъ, сколько силы позволили, но скоро избытокъ огорченія и страданія душевныя взяли верхъ надъ силами тѣлесными. Я прѣхалъ въ Новочеркасскъ совершенно больнои, едва вошелъ въ гостиницу, какъ со мною сдѣлался бредъ и жестокая горячка. Дня четыре я былъ безнадежно боленъ, но Богъ меня и тутъ не покинулъ. Донской атаманъ, узнавъ о моемъ отчаянномъ положеніи, прислалъ своего доктора, и его благотѣльной заботливостью я обязанъ жизнью. Едва могъ и вставать съ постели, какъ, убѣжденъ отъ всѣхъ воспоминаній, раздиравшихъ мою душу, и страшась отъ нихъ опять не слечь, я, могу сказать, едва живой, поѣхалъ далѣе. Въ Воронежѣ, на мое счастье, случился одинъ изъ моихъ знакомыхъ: князь

Барятинский, полтавский помещикъ. Идя меня въ такомъ положеніи, онъ мнѣ предложилъ погостить у него въ деревнѣ. Опасаясь самъ себя, чувствуя свою слабость, въ позднее время года, безъ хорошаго «кипяжка», почти безъ денегъ, безъ прислуги (со мною былъ одинъ мальчишка цыганъ), — я смотрѣлъ на Барятинскаго, какъ на своего спасителя, и отправился съ нимъ, въ полтавское его имѣніе. Радшіе его и очаровательной его жены скоро меня восстановили: я сталъ забывать Кавказъ, и прожилъ у нихъ недѣли три, совершенно здоровый, отправился въ Варшаву. Фельдмаршалъ принялъ меня милостиво. Но все благотѣльное дѣйствіе, которое я ожидалъ отъ чрезвычайно лестнаго обо мнѣ письма к. Воронцова, было уничтожено слѣдующимъ обстоятельствомъ. Имѣлъ приказъ по Кавказскому корпусу, коимъ князь Воронцовъ извѣщаетъ благодарностью своимъ г. Заводовскому и всѣмъ его помощникамъ по имени, въ томъ числѣ и меня, подчиненнымъ. Въ этомъ приказѣ обо мнѣ ни слова. Даже въ томъ приказѣ сказано, что на мѣсто мое назначается князь Эрстовъ. Тутъ я постигъ, какъ былъ бы для меня важенъ обѣщанный мнѣ крестъ на шею, о которомъ князь Михаилъ Семеновичъ генералъ Заводовскій широкимъ и не просилъ. Этотъ крестъ, при извѣстной щедрости князя въ наградахъ, былъ для меня необходимъ, для доказательства, что я оставилъ Кавказъ не по непріятностямъ. Хотя мнѣ этого не высказано, но я очень чувствовалъ, что фельдмаршалъ въ Варшавѣ и военный министръ въ Петербургѣ поняли, что князь Михаилъ Семеновичъ, недоумывая моею службою, выгналъ меня изъ своего корпуса за какія нибудь глупости и снабдилъ меня письмами для того только, чтобы меня оставили безъ преслѣдованія. Въ Петербургѣ судьба готовила мнѣ новое испытаніе. Я нашелъ отца моего, старика 80-лѣтняго, уже нѣсколько лѣтъ почти не встающаго съ больничнаго одра, въ крайней нуждѣ. Онъ живетъ однимъ пенсіономъ въ 2800 руб. ассигнаціями, въ старомъ загородномъ домѣ, состоявшемъ почти исключительно призваное моею сестрою. Поступилъ я въ образцовый полкъ, такъ какъ князь Михаилъ Семеновичъ отказалъ мнѣ въ просьбѣ оставить при мнѣ содержаніе, а я, состоя по кавалеріи, не занималъ никакой штатной должности; то мнѣ въ полку не могли дать никакого содержанія. Можно себѣ вообразить, какова была моя нужда. Несмотря на весьма скромную жизнь мою, я имѣлъ много долговъ дорожныхъ, для меня весьма значительныхъ. Въ Петербургѣ, гдѣ у меня много родныхъ, много знакомыхъ, много товарищей, каково было мнѣ показаться магнанникомъ, ослѣпленнымъ, опороченнымъ молвою, меня предупредившемъ, въ крайней нуждѣ, даже терпящимъ голодъ отъ безденежья. Я жилъ почти безвыѣздно въ Павловскѣ, въ образцовомъ полку, и сколько могъ, скрывался отъ свѣта. На это была еще другая причина. Никто въ Петербургѣ не зналъ обстоятельно, почему именно я оставилъ Кавказъ, но многихъ это чрезвычайно занимало. Искорѣ послѣ меня

прибылъ въ Петербургъ Ахилъ-Гирей: этотъ блявенъ счастья прѣхалъ въ столицу для того, чтобы инакъ наследиться своимъ положеніемъ въ свѣтъ, своею привлекательною наружностью, блестящими мушкетерами, своими средствами, и спѣшилъ извлечь изъ всего этого возможную пользу для будущаго, какъ временщика, который чувствуетъ всю широкость своего вліянія. Появились люди изъ общества самаго высокаго круга, изъ гулянья и изъ театровъ, олъ враждъ разглашавалъ о моихъ неистовствахъ на Кавказѣ, о справедливомъ гнѣвѣ на меня главнокомандующаго, и разумѣется, все это прикрывалъ ложью, съ нахальствомъ, свойственнымъ пылкому азіату въ чадѣ побѣды. Кромѣ того, въ военномъ министерствѣ ходило по рукамъ письмо съ Кавказа, въ которомъ говорили, что князь Михаилъ Семеновичъ меня съ Кавказа выгналъ за то, что я въ 1840 году хотѣлъ изнасилловать молодого казачка Григорта. Это письмо, какъ и по крайней мѣрѣ слышалъ, было написано Суворовымъ. Четыре мѣсяца продолжалось для меня такое тяжкое положеніе въ Павловскѣ въ образцовомъ полку. Наконецъ мнѣ предложили мѣсто командующаго Башкиро-Мещерякинскимъ полкомъ. Хотя это назначеніе удаляло меня отъ полны и строевой службы, составившихъ всегда любимую цѣль моей жизни, но я принялъ эту должность съ восхищеніемъ, потому что она становила меня опять въ рядъ штабъ-офицеровъ, хорошо служившихъ Государю, и выводила меня изъ той страшной нужды, въ которой я находился. Теперь я доволенъ, обеспеченъ содержаніемъ и продолжаю службу въ Башкирин съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ готовился командовать гусарскимъ полкомъ въ Венгрію; но совершенно спокоенъ духомъ и буду только лишь тогда, когда увижусь, что князь Воронцовъ сдѣлалъ мнѣ известны всѣ обстоятельства, имѣвшія меня того распотѣшенія, того донятія ко мнѣ его сіятельства, которымъ, подстрекая въ высшей степени мое самолюбіе, приводили меня въ состояніе столь безотчетнаго и восторженнаго усердія къ службѣ, что я не страшился никакихъ препятствій, никакихъ опасностей, истребимыхъ мною, и съ совершенною радостью приносивъ на службу тѣ способности, какія только имѣлъ, не щадилъ ни здоровья, ни жизнь свою, не цѣнилъ ничего; для меня было дорого на свѣтъ только одно: довѣріе князя Воронцова.

Г. Оренбургъ. 1840 года.

Приложеніе.

Ваше Превосходительство

Павелъ Астафьевичъ!

Спѣшу донести вашему превосходительству, что аулы Анзаровскіе съ Лескена и Шекера всѣ снялись съ мѣстъ своихъ и устраниваются на новыхъ мѣ-

ства. Съ ними продолжались толки до тѣхъ поръ, пока я не сталъ стягивать войска в Балкарскую милицію. Тогда они въ двое сутокъ подняли все свое имущество, сватили всѣ сакли и дѣйтельно приступили къ перевозкѣ всего на новыя мѣста, прося о томъ, чтобы не доводить ихъ до стыда и не допускать до нихъ войска. Самые упрямые явились ко мнѣ, утѣряя, что все это промедленіе въ исполненіи приказаній начальства произошло отъ неразумія и наговора неблагонамѣренныхъ людей. Ауль Хату Аязарова изъявляетъ совершенную готовность къ безпрекословному переселенію. Я насчетъ его ожидаю отъ генерала Заводовскаго предписанія. Его превосходительство первоначально не изволило согласиться на то, чтобы ауль этотъ былъ переведенъ на Малку, на мѣсто аула Трамова, потому что ему предполагалось отвести подъ хлѣбопашество мѣсто за Малкомъ. Его превосходительство, соглашаясь съ мнѣніемъ полковника Петрусевича, полагать Хату Аязарова перевести на одно изъ упрямленныхъ мѣстъ по Лескскому. Теперь я получилъ разрѣшеніе съ Малка снести аулы Абванские на Куму, почему я снова прошу его превосходительство дозволить ауль Хату поселить на то мѣсто, на которомъ стоялъ ауль Трамова. Такимъ образомъ вполне была бы достигнута цѣль переселенія Аязаровыхъ и удаленіе ихъ отъ Терека. На дняхъ я долженъ получить окончательное рѣшеніе, но въ переселеніи этого аула не встрѣтится никакого сопротивленія. Такимъ образомъ рѣшено спокойно дѣло, тянувшееся такъ долго, и когда его снѣтельство князь Михаилъ Семеновичъ пожалуетъ въ Кабарду, то онъ не только не будетъ въ неспрѣтной необходимости дѣлать выговоры туземцамъ, но напротивъ, можетъ имъ оказать милостивое удовольствіе за послушаніе ихъ, какъ будто не зная о происходившемъ. Даже есть двое изъ Аязаровыхъ, которыхъ я убѣдилъ позвать примѣръ переселенія, общая имъ при прѣѣздѣ князя довести о томъ до свѣдѣнія его снѣтельства. Смирненіе Аязаровыхъ водворило здѣсь совершенную тишину и спокойствіе. Всѣ аулы заняты однимъ этимъ обстоятельствомъ, и надо только желать, чтобы всегда оставалось такъ, какъ оно находится въ эту минуту.

Я вынужденнымъ нахожусь еще разъ паше превосходительство беспокоить о дѣлѣ, касающемся повлиному лично до меня, но въ сущности до службы. Вѣрите, что мнѣ трудно рѣшиться отрывать ласъ отъ занятій для сплетней, но ежели изволите прочесть письмо это самъ, изволите увидѣть, что я не могъ не написать вамъ этого.

Вашему превосходительству извѣстно, что назначеніе мое на мѣсто, мною занимаемое, весьма многимъ не нравится. Многіе видятъ въ этомъ ясный признакъ довѣренности ко мнѣ князя Михаила Семеновича, и поэтому рѣшились всѣми средствами стараться лишить меня оной. Буду говорить безъ обиняковъ. Дѣйствія князя Эрнстова ясно доказываютъ желаніе его запутать ходъ моего

управления Кабардою. Могъ бы я доказать вашему превосходительству враждебныя противъ меня дѣйствія и съ другой стороны, но уже совѣстно обременять васъ разсказами мелочныхъ анекдотовъ. У меня былъ Кодзаконъ и говорилъ, что князь интересуется знать подробности о дѣлѣ одной кабардинской женщины, которая, въ поруганіе будто бы обычаямъ народнымъ, была со мною въ связи. Это доказываетъ мнѣ, что праги мои, не находя ничего дурнаго въ ихъ службѣ моей и слѣдя за всякимъ шагомъ моимъ, сумѣли вывести на свѣтъ обстоятельство совершенно мелочное и которое не должно бы быть известнымъ никому. Несмотря на всевозможныя ухищренія, чтобы изъ простаго и бездѣльнаго случая раздуть по всему народу общее негодованіе, имъ это не удалось. Я даже подозреваю, что кляюся долложено, что даже сопротивление Аназаровыхъ есть послѣдствіе общаго негодованія на меня кабардйяцевъ, за наружаніе надъ ихъ обычаями. Я давно зналъ о томъ, что объ этомъ обстоятельстве писано въ Тифлисѣ, для доклада его сиятельству, Казим-Гирею къ Адиль-Гирею и княземъ Дристовымъ къ своимъ роднымъ. Итакъ прошу великодушно ваше превосходительство наиниить меня, что смѣю васъ утруждать подобнымъ разсказомъ, но вотъ истинная правда, насколько сами судить, до какой степени я правъ или виноватъ, и до какой степени низки тѣ, которые употребляютъ подобное оружіе, и такую гадость облекая въ формы важныя, рѣшаются занимать вниманіе его сиятельства, и до какой степени эти люди искренно преданы Россіи и успѣхамъ нашего правительства въ азіатскомъ краѣ.

На р. Аргудонѣ есть семейство уаденей Клишевыхъ, состоящее изъ вдовы, двухъ ея дочерей и двухъ сыновей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одна изъ этихъ дочерей была выдана замужъ за Кубань. Скоро мужъ ее за дурное поведеніе отослалъ назадъ къ матери. При князѣ Голицынѣ былъ переводчикомъ Моздокскаго полка казакъ Калабсковъ, изъ крещенныхъ осетинъ. Пользуясь довѣренностью князя Голицына и дружбою съ Магометъ Миразой Аназаровымъ и нѣкоторыми князьями, Калабсковъ увѣрилъ мать и дочь, что онъ мусульманинъ, и по обряду мусульманскому обвѣнчался съ Клишевой, которая была въ разводѣ съ мужемъ, — имѣлъ отъ нея сына и полтора года жилъ съ нею. Когда послѣ смуты въ Кабардѣ онъ былъ, по приказанію князя Михаила Семеновича, возвращенъ въ полкъ, тогда, забывши все пріобрѣтенное имъ въ Кабардѣ имѣніе, онъ объявилъ женѣ, что онъ христіанинъ и женатый, и бросилъ ее. Съ тѣхъ поръ начались отъ всей Кабарды гоненія на эту женщину и все ея семейство, упрекали въ преступной связи съ христіаниномъ. Одинъ разъ ко мнѣ въ Нальчикъ пріѣхали эти двѣ женщины, мать и дочь, и просили, какъ мѣстнаго начальника, войти въ положеніе дочери и помочь ей спасти сына отъ преслѣдованій кабардицъ. Она мнѣ говорила, что ей не даютъ проходу по ауламъ, что постоянно грозятъ убить сына, какъ рожденнаго

отъ христiаннина, что она сочтетъ за милость, ежели я найду средство принудить Калабекова принять его, что тогда она, успокоенная насчетъ сына, готова съ твердостью перенести все, что ей готовить судьба. И писать официально Калабекову, который мнѣ отвѣтилъ, что съ радостью приметъ мальчика, признавая его за своего сына, ежели онъ будетъ къ нему доставленъ въ домъ, но что самъ за нимъ бѣжитъ прѣхать въ Кабарду. Между тѣмъ мать Клишевой имѣла дѣло въ кабардинскомъ судѣ. Пока судъ рѣшилъ это дѣло, что продолжалось почти мѣсяцъ, обѣ женщины жили въ вольномъ аулѣ и весьма часто являлись ко мнѣ, но гласно, при всѣхъ азiатахъ. Вдовы и старухи имѣютъ право сами всюду ходить по своимъ дѣламъ, и въ этомъ никто ничего противнаго обычнымъ не находить. По окончанii дѣла, они отправились въ свой аулъ. Когда я сообщилъ Клишевой отвѣтъ Калабекова, она меня просила окончить начатое дѣло и дать ей способъ сына отвезти въ Моздокъ къ Калабекову. И это устроить слѣдующимъ образомъ: дать ей денегъ, на которыя она паняла пару лошадей въ санихъ, женщину для сопровожденiя себя въ вольномъ аулѣ и одного кабардинца изъ вольнаго аула. И тогда отправился въ Грозную, и потому Клишева просила меня позволить моему переводчику, моздокскому жителю, сопутствовать ей и помочь устроить дѣла въ Моздокѣ. На это я согласился. Она выѣхала вѣдней послѣ меня изъ Кабарды, зная сына къ Калабекову и отправилась за Терекъ, противъ станицы Голышевской, къ князю Кагерману Алхасову, когдѣ жена ой родственница. Тогда я давно уже былъ въ Грозной. Изъ это то время и было написано прошение къ князю Михаилу Семеновичу о томъ, что я увезъ кабардинскую женщину въ Грозную. Непосредствѣе кабардинцы узнали, что и отъ Черкесской, гдѣ встрѣтилъ князь Муртазали Бекичена изъ с. Юрта, съ нимъ доѣхалъ безъ okazji въ с. Юртъ, а на другой день тотъ же князь ѣхалъ съ 50 чеченцами въ Грозную, и я съ нимъ доѣхалъ безъ okazji въ Грозную; когда выѣхалъ изъ Грозной, случилось быть въ Грозной тому же князю Бекичену со многими чеченцами; онъ ѣхалъ съ нами, и я былъ въ саняхъ съ сестрою моею, которая, проводивъ меня до ст. Юрта, возвратилась съ тою okazji при нихъ въ Грозную. И остановились въ Голыгѣ. Клишева знала объ этомъ и, распростившись съ княгиней Кагермановой, съ нанятыми ею женщиной и кабардинцемъ отправилась домой. Сознавшись чистосердечно, что она прѣехала ко мнѣ на квартиру, и что я съ нею имѣлъ свиданiе. Кабардинца съ лошадьми она отпустила. На другой день, съ наступленiемъ ночи, безъ комвоя, на двухъ почтовыхъ тройкахъ, я вмѣстѣ съ нею прибылъ въ Пяктыдольскую, откуда ее съ женщиной и моимъ переводчикомъ отправилъ въ Каватериноградъ, днемъ, прямо къ князю Эрнстову. Когда смерклось, я опять отправился, съѣхавшись съ Клишевой въ карантинъ и опять на почтовыхъ, совершенно нѣмымъ, незамѣченнымъ, доставилъ ее въ аулъ матери на Арзудомъ, близъ

ст. Александровской. Семейство ее приняло, извинили мнѣ рздушную благодар-
ность. Этнхъ подробностей никто изъ Кабардѣ не знаетъ и не можетъ доказать.
Но я вашему превосходительству рассказываю со всею откровенностью, ничего
не желая отъ васъ скрывать.

Тутъ я увидѣлъ, что по всей Кабардѣ многіе стараются изъ этого обсто-
ятельства вывести общее ногодование. Все семейство Клишевыхъ еще болѣе,
нежели прежде, сдѣлалось предметомъ общей ненависти, и бѣдную женщину
эту такъ напугали, что она дѣйствительно боялась за жизнь свою; но такъ
какъ никто не могъ доказать связи ея со мною, то все ограничивалось одними
угрозами. Я ей совѣтовалъ найти себѣ жениха и обѣщалъ въ такомъ случаѣ
помочь, сколько могу, деньгами. Между тѣмъ Атажукинъ, дабы ее успокоить,
и не видя ничего во всемъ дѣлѣ атомъ противоположнаго обычаямъ народнымъ,
принялъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ она прожила недѣли двѣ. Скоро все ея се-
мейство обратилось ко мнѣ съ просьбою, чтобы я позволилъ моему переводчику
на ней жениться; она сама этого желала. Но я рѣшительно не позволилъ, от-
того что онъ христанинъ, и я былъ увѣренъ, что найдутся люди, которые ска-
жутъ, что эту женщину я насильно обратилъ въ христаники. Одинъ бабуксовскій
казакъ, бѣдный молодой человекъ, лично мнѣ известный, сосватался. Я имъ
далъ тысячу рублей серебромъ; но такъ какъ я не имѣю такого капитала, то
и имъ обѣщать некую треть давать по двѣсти цѣлковыхъ, пока не выплчу
неся суммы, а на первый случай далъ двѣсти рублей серебромъ и 150 руб.
серебромъ на свадьбу, кромѣ того, что могъ. изъ мелочей, какъ то: лошадь,
платья и тому подобное. Тогда Клишево отъ Атажукина переѣхала въ домъ
матери. Во всемъ аулѣ былъ по случаю этой свадьбы праздникъ, продолжав-
шійся около недѣли. Потомъ ее братья переехали въ Бабуксовскую станицу къ
женху, и тамъ праздникъ продолжался около мѣсяца. Теперь и эта женщина,
и этотъ казакъ, и все семейство Клишевыхъ считаютъ меня своимъ благодѣ-
телемъ. Всѣ очень счастливы, и братья, которые прежде пошаливали, такъ
что боялись въѣзжать въ крѣпость, теперь постоянно у меня толпаются въ квар-
тирѣ и несчаески стараются изъяснить мнѣ благодарность свою. Одинъ изъ нихъ
женатъ на Шардановой дочери, сдѣдовательно, онъ бы на меня смѣло косился,
если бы былъ недоволенъ. Изъ Кабардѣ давно умолкли объ атомъ и толки.
Нельзя себѣ вообразить, чего ни придумывали гнуснаго и злобнаго все тѣ,
которые огорчались хорошему обороту этого дѣла. Я не смѣю употребить во
зло терпѣнія вашего и потому ограничусь тѣмъ, что осмѣлюсь вашему прево-
сходительству доложить, что въ атомъ дѣлѣ обнаружались самыя злонамѣ-
ренныя образомъ лица, которыхъ я всегда считалъ какъ за русскихъ. Но опра-
вдываю себя, по полагаю, что тутъ нѣтъ съ моей стороны ничего весьма дур-
наго. Если и себѣ позволилъ свиданію съ женщиной, я конечно согрѣшилъ.

передъ церковью, но прикрылъ грѣхъ этотъ всѣми приличіями свѣта, и ежели бы не злоба людей, то никто не обрицалъ бы на что вниманія, и я не могу являться дерзости, подобное дѣло доводить до свѣдѣнія князя Михаила Семеновича. Я имѣю честь вашему превосходительству быть навѣстнымъ почти съ самаго начала моей службы. Вашему превосходительству хорошо извѣстны мое состояніе и домашнія обстоятельства. Вы изволите знать то ршеніе, съ коимъ я принялся за настоящую мою должность; изволите вполне оцѣнивать, до какой степени я польщенъ и счастливъ этимъ назначеніемъ. Поэтому излишне было бы мнѣ исчислять вашему превосходительству все, что бы я потерялъ, ежели бы имѣлъ несчастье содѣлаться неудобнымъ его сіятельству. Но ежели бы это несчастье меня постигло, то я долгомъ счету немедленно удалиться, и увѣряю васъ, что не увесу съ собою никакого другаго чувства, кромѣ глубокой признательности за то милостивое покровительство и вниманіе, которымъ я по сіе время пользовался отъ самого князя и отъ вашего превосходительства, и котораго я лишусь чрезъ ничтожную и грязную интригу завистниковъ и флипповъ. Я лишуся мѣста, но совѣсть моя не упрекнетъ, потому что намѣренія мои чисты были, и служба моя чиста и усердна нѣ пользу Русскаго Государя такъ, какъ далъ Богъ, чтобы она была у нѣхъ мусульманъ и туземцевъ, которые получаютъ адскія мѣста нѣкоторой важности.

Когда мнѣ Козаковъ сталъ говорить о неудовольствіи князя, я въ первую минуту хотѣлъ написать все къ его сіятельству, но не посмѣлъ, и увѣривъ, что ваше превосходительство изволите на себя принять трудъ, все это дѣло въ настоящемъ его видѣ наложить передъ его сіятельствомъ.

Милостивый Государь
Николай Петровичъ!

Вы насъ истинно обрадовали извѣстіемъ о переселеніи вдовца Анапроныхъ, и г. главнокомандующій поручилъ мнѣ изъяснить вамъ искреннюю признательность свою за благопріиіе ваше и твердость, которые дѣло это привели къ желаемому концу. Когда его сіятельство будетъ въ Кабардѣ, то вы представите ему тѣхъ лицъ, которыхъ вы считаете достойными поощренія. Что касается до вдова Анапронова, то куда бы Николай Степановичъ ни рѣшилъ переселить его, мы переселить непременно надобно еще въ настоящую весну.

Обращаясь затѣмъ къ дѣлу о женщинѣ, я могу вамъ сказать, что Козаковъ не понялъ князя Михаила Семеновича, если онъ сказалъ вамъ, что онъ недоволенъ нами. Его сіятельство сегодня еще сказалъ мнѣ, что онъ всегда смотрѣлъ на это дѣло, какъ на совершенно постороннее для службы, и всегда былъ увѣренъ, что вы не сдѣлаете и не сдѣлаете ничего такого, которое бы

могло дать кабардинцамъ поводъ жаловаться на нарушеніе религиозныхъ и народныхъ обычаевъ. Подробное описаніе выше всей этой исторіи еще болѣе убѣдило господина главнокомандующаго въ пустотѣ ея.

Затѣмъ надѣюсь, что вы совершенно успокоитесь и не обратите уже вниманія на всѣ интриги, которыя, какъ вы полагаете, вѣсть окружають.

Мы выѣхали 22 числа черезъ Шемаху и Темиръ-Ханъ-Шуру на линію.

Прощайте и не забывайте искренно преданнаго вамъ

Павла Коцебу.

Вы конечно уже знаете, что нашего Роберта Карловича фельдмаршаль требуетъ въ Варшаву въ генераль-квартирмейстры.

19 Апрѣля 1848 года.

Тифлисъ.

Ваше Превосходительство

Николай Степановичъ!

Долго не рѣшался я приняться за это письмо, опасаясь прослыть князюшникомъ и чепухомъ, увлекающимся одними сплетнями. Но наконецъ рѣшаясь подвергнуться скорѣй гиблу начальства и выгонорамъ, нежелю молчать въ дѣлѣ, которое мнѣ кажется слишкомъ опаснымъ для нашего правительства. Не стану объяснять вашему превосходительству мелкихъ дѣйствій, нить концы возбуждаетъ мое подозрѣніе на нѣкоторыя лица. Это было бы лишь повтореніе разбирательства, подобныхъ тѣмъ, которыя состоялись въ Черкасской между мною и княземъ Эрнстовымъ. Я бы молчалъ, ежели бы видѣлъ, что лично я не правлюсь. Но день ото дня я убѣждаюсь въ томъ, что дѣло тутъ не о моей особѣ, но объ Россіи. Я избралъ лишь орудіемъ, и козни нѣсколькихъ лицъ хитро облечены въ наружность сплетенъ и недоразумѣній. До чего ни коснитесь, все объясняется будто бы недоразумѣніемъ и довѣрчивостью моею къ князюшникамъ. Молчу о многомъ, доложу вашему превосходительству только о двухъ предметахъ, теперь исключительно занимающихъ здѣсь всѣ умы. Въ этомъ я вижу сѣмена безконечныхъ неудовольствій, съ умысломъ разжигаемыхъ людьми, концы цѣль есть поселить и поддержать въ туземцахъ недобѣріе и ненависть противъ нашего правительства. Я говорю о переселеніи абазинцевъ и отжогѣ кабардинцамъ земли за Малкою. Не хочу на себя взять какое либо опредѣлительное собственное о султанѣ Казн - Гирѣѣ, но долженъ прежде всего вашему превосходительству сказать, что мечта султана есть та, чтобы всѣ абазинские вулы соединить въ одинъ огромный вулъ и все это подчинить фамилии Гиреевъ. Онъ сначала предполагаетъ ихъ подчинить Маматъ-Гирею-Ноову и составить такимъ образомъ между нашей границей и непокорными племенами

сильное народонаселение подъ непосредственною властью его фамилии. Цель его въ этомъ случаѣ есть, какъ онъ объясняетъ, польза Россіи.

Наше превосходительство изволите знать, что кыбардинские абазинцы получили послѣ безопечныхъ домогательствъ разрѣшеніе переселиться на Куму выше Ахандукоевскаго поста. 5 Апрѣля было имъ это мною объявлено официально имъ сборъ всѣхъ абазинскихъ узденей, и немедленно они приступили къ переселенію. 8 Апрѣля я предписывалъ султану лично имъ указать мѣсто для селенія во избѣжаніе какого нибудь недоразумѣнія. Теперь абазинцы эти очутились на Бугунтѣ, гдѣ построили себѣ балаганы, и по сіе время, ровно два мѣсяца послѣ моего предписанія, султанъ имъ мѣста не показывалъ. Бугунта есть земля, принадлежащая станицамъ Ессентукской и Кисловодской (между станицами Бекешевской, Ессентукской и Кисловодской, верстахъ въ 35 отъ того мѣста, гдѣ имъ велѣно селиться). У казаковъ вытоптаны табунами, стадами и старыми сѣнокосныя мѣста. Султанъ принимаетъ эти безпорядки моимъ распоряженіямъ. Казаки аятся на татаръ. Абазинцы, ставше самовольно на Бугунтѣ и занявшіе по приказанію султана р. Дарію своими табунами и овцами, поютъ противъ моихъ неустойныхъ притѣвленій, которыя заключаются въ томъ, что, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, я строго предписалъ ихъ съ Бугунты выпнать.

Около Бекешевской станицы есть аулъ Лоовъ изъ племени абазинскаго. Онъ имѣетъ клочекъ земли, совершенно окруженный землями казачьими; но этотъ клочекъ примыкаетъ къ р. Дарію, гдѣ Казан-Гирей держитъ табуны и стада абазинцевъ, а Дарью примыкаетъ къ Бугунтѣ, гдѣ они стали будто бы балаганами временно. Ни дѣлъ я получилъ отъ Казан-Гирея бумаги, въ которой онъ пишетъ, что усматривая изъ моихъ распоряженій, что Лоовъ аулъ соединится въ одинъ съ переселяющимися абазинцами, то онъ хочетъ передать управленіе этимъ ауломъ приставу Мисутлову, которому поручены переселяющіеся абазинцы. Я ему отвѣтилъ, что никогда я не имѣлъ въ предметѣ соединить эти два управленія, и потому прошу его оставить управленіе Лоовымъ ауломъ попрежнему въ вѣдѣніи особаго пристава. Многие изъ абазинцевъ теперь не хотятъ переселяться на Куму. Не хочу назвать кто именно, но есть здѣсь люди, которые дѣятельно распускаютъ слухи, что переселеніе это я затѣялъ, наискипни случай притѣнять туземцевъ, что имъ были обещана земля Ессентукской станицы на Бугунтѣ. Въ дальнѣйшія подробности этого дѣла я не вхожу, чтобъ не показаться человѣкомъ, легко приходящимъ въ стрѣху отъ сплетней и ясену вѣрающимъ. Другой предметъ есть споръ о землѣ за Малку. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ. Генералъ Ермоловъ, очистивши все пространство, занимаемое нынѣ 6 бригадою казаковъ, всѣ кыбардинскіе аулы перенѣлъ за Малку, предоставивъ имъ подъ пастбища пользоваться кордонною землею,

независимыми станицами на лѣвомъ берегу Малки. Въ 1845 году депутатамъ, ѣздившимъ отъ кабардинцевъ въ Петербургъ, объявлено изъ знака особаго благопопечения государя къ народу кабардинскому, что его величество имъ жалуетъ участки земли по лѣвому берегу р. Малки, ограничивающіеся чертою отъ солиныхъ озеръ до Изнавѣстнаго Брода. Это объявлено въ изданномъ тогда положеніи о лѣсномъ казачьемъ войскѣ. Съ тѣхъ поръ кабардинцы постоянно самовольно занимаютъ земли по рѣчкамъ Золкѣ и Этокѣ гораздо ниже высочайше утвержденной черты. Всякій годъ они запахиваютъ земли у станицъ и основываютъ свои притязанія на прирѣкахъ предыдущаго года. Въ прошломъ году нашлись люди, которые подбили народъ кабардинскій требовать земли, занимаемая станицами и бригадами, какъ собственность, неправильно у нихъ отнимаемую. Члены суда изготовили объ этомъ прошение главнокомандующему, и переселение это было сочинено изъ судѣ майоромъ Давыдовскимъ. Я просилъ наше превосходительство предписать офицеру генеральнаго штаба протѣхать по этой чертѣ, дабы никто на будущее время не могъ отговариваться незнаніемъ границы. Наше превосходительство исполнило предписать комисіи надзѣленія землею казаковъ выкомандировать чиновники для нарѣзки этой черты. Землемѣръ Ларионовъ прибылъ по этому случаю въ станицу Горчневодскую. Тогда никакимъ приказаніемъ, никакимъ убѣжденіемъ съ моей стороны не въ силахъ были заставить кабардинцевъ выслать къ Ларионову нужныхъ людей со стороны ихъ. Судѣ употребилъ всевозможныя ухищренія, и даже у меня были по этому случаю весьма горячія пренія въ судѣ. Окончательно я настоялъ, чтобы два князя, Касаевъ и Дукшукинъ, и народный депутатъ съ двумя узденіями явились къ Ларионову, и далъ имъ денегъ на покупку уголья и найма подводы и плугонъ для нарѣзки, ибо они рѣшительно отказались отъ себя все это выставить. Я кабардинцамъ предоставилъ право просить главнокомандующаго о вознагражденіи имъ земли, отданной станицамъ и бригадамъ. Они прибыли къ Ларионову, на нарѣзку рѣшительно отказались, предлагали только по чертѣ пробѣжаться. Ларионовъ, разумѣется, не согласился на прогулку, ни къ чему не ведущую, по чертѣ, давно уже вѣдомой извѣстной. Такъ этотъ вопросъ не конченъ, но изъ этого дѣла раздули общее негодованіе по всей Кабардѣ; вопиютъ во всѣхъ аулахъ, что я ихъ землю отдаю казакамъ. Но повторю, мое лицо здѣсь есть только орудіе. Главная цѣль есть раздражить народъ, сколько можно, противъ правительства, убѣрять его, что постоянно изобрѣтаются для него новыя притѣсненія. Нѣсколько разъ я имѣлъ честь докладывать наказному атаману, что изъ эти споры можно было прекратить слѣдующимъ образомъ. Изъ высочайше утвержденномъ положеніи сказано, что должны быть поставлены новыя станицы на Павловскомъ посту, на Изнавѣстномъ Бродѣ и на Карамикѣ. Имѣсто того чтобы начать со станицы Павловской, слѣдовало начать съ Изнавѣстноброд-

ской. А такъ какъ на самомъ Извѣстномъ Бродѣ хрящъ неудобный для станицы, а по той же чертѣ, въ 10 верстахъ, на Золотѣ отличнѣйшая земля, то на этомъ пунктѣ слѣдовало заложить станицу, и тогда была бы исполнена высочайшая воля, и замолкли бы всѣ притягивающія кабардинцевъ на станичныя земли, и не развивалась бы мысль о тижѣ за онымъ, которая по настоящему направленно умиръ Богъ знаетъ чѣмъ кончится. Теперь, коль скоро уже приступили къ Пяловской станицѣ, остается просить ваше превосходительство, по крайней мѣрѣ на будущій годъ, имѣсто станицы на Карамыкѣ, гдѣ адекій климатъ, вовсе нѣтъ лѣса и гнилая вода, поселить прежде станицу Извѣстнобродскую и на томъ мѣстѣ, гдѣ я предлагалъ. Тутъ выполняется цѣль и поля государя. Станица селится въ самомъ прекраснѣйшемъ климатѣ, на хорошей кавказской водѣ, недалеко отъ лѣса, на самой границѣ кавказской земли, на полдорогѣ отъ Малки до Пятигорска. Кабардинцы готовятъ просьбу объ этой землѣ главнокомандующему; но это насильственное со стороны ихъ анносованіе земли въ сѣнанъ съ анносованіемъ Будунты абазинцами, и смѣю утвердить васъ, что этотъ предметъ весьма серьезный, который можетъ кончиться весьма дурно. Для ясности я прилагаю чертежъ. Въ настоящихъ неудовольствіяхъ въ Кабардѣ я вижу много князя Атажуку Атажукина, который ведетъ себя весьма сомнительно, и майора князя Кисаова. Я рѣшился оттого теперь все это писать къ вашему превосходительству, что никто Кодзиковъ объ этомъ вѣроятно теперь уже писать къ начальнику главнаго штаба. Поэтому я спѣшу вашему превосходительству представить эти два вопроса въ настоящемъ ихъ видѣ, ибо я не знаю, что объ этомъ пишетъ Кодзиковъ. Тому извѣстъ 20 лѣтъ, тетка моя Хомякова, бывши на Водахъ, вынесла изъ Москву мальчишку абазинца съ Малки, воспитала его, окрестила, и теперь этотъ перебранный абазинецъ опредѣляетъ степень преданности нашей Россіи природныхъ русскихъ дворянъ—генерала Ковалевского и меня. Онъ уже два мѣсяца здѣсь живетъ по предписанію начальства и вѣроятно пишетъ очень дѣльно, ибо подобное порученіе не дано бы человѣку, весьма молодому, неиспытанному въ опытности и благонамѣренности; но я не знаю, такъ ли онъ эти предметы видитъ, какъ я. Еще разъ повторяю вашему превосходительству, что приѣздъ вашъ въ Нальчикъ совершенно необходимъ, ибо со дня на день запутываются и приобретаютъ важность многіе вопросы, которые вы бы изволили совершенно рѣшить въ нѣсколько минутъ. Изъ пустяковъ выходятъ важныя дѣла, которыя впоследствии могутъ окончиться очень дурно. Всего невозможно мнѣ описать и всего невозможно ничъ рѣшить за глаза.

Съ глубочайшимъ почтеньемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть
вашего превосходительства
покорнѣйшимъ слугою.

Юня 1848 года.

Нальчикъ.

Подписать: Николай Беклемишевъ.

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Николай Степанович!

Но смѣю еще доносить рапортомъ, по считаю должномъ еще разъ доложить въ письмѣ, что здѣсь, то есть въ Центрѣ вообще, а въ Кабардѣ въ особенности, умы туземцевъ часть отъ часу принимаютъ худшее направленіе. По чувству преданности моеѣ къ долгу службы, я жду, какъ величайшаго блага, приказа сюда вашего превосходительства или по крайней мѣрѣ отъ васъ довѣренной особы, которая, проживши здѣсь, могла бы убѣдиться въ истинѣ всего того, что я смѣю писать къ вамъ. Всмотрѣвшись ближе, я, какъ русскій, не могу безъ сокрушенія сердечнаго видѣть, что здѣсь тлѣетъ искра пожара, и со дня на день раздувается въ туземцахъ общее противъ насъ негодованіе. Не дай Богъ малѣйшей неудачи въ военныхъ дѣйствіяхъ нашихъ, или необходимости ослабить здѣсь войска, огонь этотъ можетъ страшно вспыхнуть. Нельзя себѣ вообразить, несмотрѣвшись близко, какъ настойчиво и дѣятельно злонамѣренные люди готовятъ здѣсь пародъ (я смѣло скажу) къ бунту. Со дня на день кабардинцы становятся наглѣе и болѣе дерзкими въ поступкахъ своихъ. Всѣ дѣйствія ихъ основаны на томъ, что они будто бы доведены до отчаянія непрерывно усиливающимися притѣсненіями и несправедливостями русскаго правительства. Я нѣмалъ чести довести до свѣдѣнія вашего превосходительства о томъ положеніи, въ какомъ находится дѣло о переселеніи абазинцевъ. Султанъ Казн-Гирей дозволилъ имъ занять Бугунту, куда они жено перенесли свои сикли и стали ауломъ. Я настоялъ, чтобы султанъ ихъ оттуда выгнать на Куму, куда имъ разрѣшено поселиться. Хотя онъ мнѣ еще не доноситъ объ этомъ, но я слышу, что онъ уже приказать имъ оттуда сняться. Абазины съ Бугунты на Куму переселяются, но кланутъ меня и напомятъ приютѣство, которое ихъ въ нухъ разоряетъ. Они увѣряютъ, что будто бы имъ была обѣщана земля на Бугунтѣ, гдѣ нѣкогда жили предки ихъ; что ежели бы они знали, что ихъ обманомъ поселятъ на Кумѣ, то они не вышли бы ни за что изъ Кабарды. Они говорятъ, что такими мѣрами неистовыхъ притѣсненій можно всякій народъ довести до отчаянія, и тогда уже ни за что нельзя отвѣчать. Это мнѣ, между прочимъ, говорилъ Кодзакъ, тотъ самый, въ благонамѣренность котораго, поподпомочу, такъ вѣрять высшее начальство. Между тѣмъ народъ кругомъ слышитъ вопли и упрёки, а не всякій знаетъ сущность дѣла. Многие изъ абазинцевъ, не желая болѣе выходить изъ Кабарды, видя, что не удалось имъ обмануть правительство, обращаются ко мнѣ съ просьбами о томъ, чтобы я имъ дозволилъ оставаться изъ Кабарды. Я на это имъ отвѣтилъ, что не имѣю права, а все, что могу сдѣлать, это не выгонять ихъ силою изъ Кабарды до

пріѣзда князя Воронцова. Между тѣмъ, безпрерывно ихъ утѣряютъ, что я собираю отрядъ противъ нихъ. Султанъ Казн-Гирей однимъ ясыма хитрымъ рапортомъ, намекнулъ, мнѣ на эту мѣру. Еще въ маѣ мѣсяцѣ онъ, пріѣхавъ изъ степныхъ абзанинцевъ на Бугунтѣ, просилъ меня послать къ нему остальныхъ абзанинцевъ будто бы потому, что бразъ общаго ихъ сбора онъ не можетъ указать имъ мѣста на Кумѣ. Между тѣмъ, по рѣшѣмъ аулакъ носятся слухи, что и силою ихъ изъ Кабарды выгнать и выгоняя собственно для того, чтобы селить въ Кабардѣ русскія станицы. Насчетъ партъки земли замолкаю, я имѣлъ честь довести до свѣдѣній нашего превосходительства, что никакія убѣжденія, никакія приказанія не могли заставить кабардинцевъ принять извѣстную границу. Я писалъ къ землемѣру Ларіонову, чтобы онъ приступилъ къ партъкѣ земли безъ кабардинцевъ, ежели они будутъ настоявать въ упрямствѣ своемъ. Отъ генерала Филлисона я получилъ предписание непременно принудить кабардинцевъ выѣхать къ Ларіонову. Опять я собралъ судъ, и опять начались долгіе толки, прейи и убѣжденія; наконецъ опять я рѣшительно приказалъ депутату и двумъ князьимъ отправиться къ Ларіонову и принять границу. Три дня они спорили и наконецъ, вызывая изъ судъ многихъ владѣльцевъ, сочинили рапортъ, къ которому всѣ приложили печати. Въ рапортѣ этомъ они рѣшительно отказываются отъ принятія границы подъ разными ступными причинами. Въ этомъ дѣлѣ они всѣ упрекаютъ правительство изъ вѣроломствъ и притѣсненій. Они между прочимъ просятъ позволения немедленно отправить отъ себя депутацію къ князю Воронцову съ прошеніемъ, писаннымъ майоромъ Давыдовскимъ, о которомъ я имѣлъ честь писать вашему превосходительству. Я имъ на это отвѣтилъ, что прошеніе это могутъ подать князю, когда его сіятельство изволитъ пожаловать въ Кабарду. Между тѣмъ съ наступленіемъ весны и ихъ предубрежденіемъ, чтобы они не переходили границы. Имъ было обѣявлено, что запаханное насильно на князьей землѣ будетъ отдано въ пользу казачковъ. Билеты никому иначе не выдавались, какъ въ каждомъ билетѣ прописывалось условіе не переходить чрезъ извѣстную границу. Въ прошломъ году, когда они начали насильно запахивать землю станицы Марьевской, я немедленно возсталъ противъ этого и объ этомъ доносилъ покойному Хлюппу, который тогда, увлеченный убѣжденіями майора Диньдолскаго, принималъ сторону кабардинцевъ. Я доносилъ о томъ наклавному шаману, и наконецъ ваше превосходительство изволили рѣшить, чтобы за самовольную запашку земли у с. Марьевской кабардинцы уплатили станицѣ. По сіе время я не взыскалъ этихъ денегъ, дабы сколь можно мѣнѣе сердить кабардинцевъ. Теперь кабардинцы, съ открытія весны отказываясь отъ партъки границы, выѣхали массами, плуговъ по 40 и болѣе, и запахали землю станичную. Я всю эту запашку отдалъ казачкамъ. Нишо превосходительство изволитъ согласиться, что султанъ, зная объ важности этого

дѣла, объяснить было принять нехъ мѣры, чтобы не дать кабардинцамъ пахать на казачьей землѣ. Конфискованіе запятки теперь опять возрождаетъ строгое истребование во всей Кабардѣ. По всѣмъ ауламъ распускають дѣйтельно слухи, что я всю кабардинскую землю отдаю казакамъ. Если бы такъ, какъ я докладывалъ наказному атаману, вмѣсто Павловской станицы была поставлена станица Извѣстнобродская, давно бы все это дѣло было окончено, и не было бы повода неблагодарнымъ людямъ раздувать такое неудоовольствіе въ народѣ. Этотъ самый Коданковъ мнѣ говорилъ съ видомъ отчаянія о непосѣрныхъ притѣвленіяхъ казакоевъ, о томъ, что казакки у кабардинцевъ отнимають ежегодно землю, что у нихъ ея слишкомъ много, и что нехъ эти мѣры притѣвонія туземцевъ могутъ довести народъ до отчаянія, принести истиннѣйшіе безпорядки. Онъ мнѣ говорилъ, что онъ не можетъ еще надѣлиться необыкновенной покорности и кротости этого бѣднаго угнетеннаго народа. Многіе кабардинские князья, наблаговолѣнные кроткимъ обращеніемъ приплетелія, совершенно выходятъ изъ повиновенія и позволяютъ себѣ грабежи и поронства. Часто я нахожусь вынужденнымъ изыскивать съ нихъ. Полагаю, что мѣра изысканія строгая, но впрочемъ почетная есть арестъ; я ихъ сажалъ на гауптвахту, при этомъ соблюдая всю возможную учтивость. Призывая князя къ себѣ на квартиру, учтивыми словами представляю ему вину его и, какъ у офицера, прошу мнѣ отдать шашку и оружіе; самъ беру оное и нѣшу въ залѣ подъ значеніемъ; потомъ, обращаясь къ виновному, говорю: „изнайте слѣдовать за комендантомъ на гауптвахту.“ Случалось такъ, что на гауптвахту, гдѣ арестованный князь содержится изъ офицерской комнатѣ, я ему посылалъ обѣдъ, чай, ужинъ, позволялъ имѣть свою прислугу. Недавно экзекуторъ князь Хамурзинъ и судья князь Даншукинъ украли у меня изъ числа взятыхъ изъ штрафовъ, но еще непроданныхъ съ аукціоннаго торга, пару воловъ, и были въ этомъ уличены. Я ихъ призывалъ, упрекалъ въ стыдномъ поступкѣ ихъ и приказалъ немедленно этихъ воловъ возвратить. Они спрятали ихъ за Мылку. Нѣсколько разъ я повторялъ это приказаніе. Три недѣли не могъ дожидаться выполнения оного. Я ихъ обоихъ посадилъ на гауптвахту. Черезъ три дня представили ко мнѣ воловъ, и я ихъ выпустилъ. Князь Казіевъ уличенъ въ поровствѣ лошади у одного чеченца. По шариату ему присуждено удовлетворить чеченца. Онъ три года этого бѣднаго горца тѣнулъ не уплачивая. Я его посадилъ на гауптвахту, и онъ его удовлетворилъ немедленно. Экзекуторъ князь Пналовъ былъ поставленъ барантовать нѣсколько ауловъ. Я ему далъ своего переводчика и писаря. Онъ такъ много накралъ, что переводчику могъ подарить двухъ лошадей и 80 руб. серебромъ, а писарю лошадь съ богатой сбруей; самъ же хотѣлъ украсть шашку въ 100 руб. серебромъ. Узнавъ объ этомъ, я его позвалъ. Онъ во всемъ сознался. Я его за это посадилъ на гауптвахту на три сутокъ, переводчика и писаря тоже поса-

диль за рѣшетку съ арестантами и извѣститъ мѣхъ эти подарки. На дняхъ партія абрековъ была замѣчена въ лѣсахъ Кабарды. Я послалъ князей Даниш-кина и Хамураина въ преслѣдованіе. Они въ лѣсу собирались и принимали одинъ отъ другаго присягу въ томъ, что когда князь Воронцовъ будетъ въ Пятичехъ, то жаловаться ему на меня, что я унижаю достоинство кабардинскаго князя, и доложить ему, что я ихъ обращеніемъ своимъ довелъ до отчаянія. Тотъ, кто отъ этой присяги откажется, долженъ заплатить штрафу 100 руб. серебромъ. Присягнувшихъ было около 100 человекъ.

Всѣ эти подробности уже нельзя назвать сплетнями. Наше превосходительство лучше меня изволите умотрѣть, къ чему все это можетъ перейти. Сами изволите видѣть, какъ необходимо намъ сюда пожаловать. Теперь еще все можно остановить и поправить немногими рѣшительными словами вашими; но чѣмъ далѣе откладывать окончаніе этихъ всѣхъ мелкихъ неудовольствій, тѣмъ труднѣе будетъ для насъ.

Пишу все это къ нашему превосходительству теперь, потому что, находясь въ главной квартирѣ, намъ можно князя Воронцова и пичальника штаба приготовить анблагоразумно, такъ эти главные предметы общаго неудовольствія; имъ уже будетъ извѣстно, какой пріемъ имъ дѣлать туземцамъ при свиданіи съ ними. Тогда въ нѣсколько минутъ мнѣ невозможно будетъ имъ всего рассказать.

Юня 1848 года.

Ваше Превосходительство
Николай Степановичъ!

И имѣть честь вашему превосходительству въ двухъ частныхъ письмахъ намекнуть на двусмысленное поведеніе султана Казан-Гирей. Сейчасъ я получилъ отъ него рапортъ, который вполне обнаруживаетъ намѣренія его и подтверждаетъ все то, что я имѣть честь писать къ вашему превосходительству. Я прилагаю здѣсь копію какъ съ этого рапорта, такъ и съ отвѣта моего.

Всякій день дѣло это становится серьезнѣе. Теперь не останется другаго средства, какъ упрекнуть волю. Но я вполне постигаю, что собрать отрядъ теперь, во время курса, среди самыхъ минеральныхъ водъ, весьма затруднительно потому, что это напугаетъ мѣхъ посѣдителей и можетъ имѣть самыя дурной отголосокъ внутрь Россіи. Собственно это обстоятельство меня смущаетъ. Я не рѣшаюсь дѣйствиоовать силою, не испросивъ предварительно на это разрѣшенія нашего превосходительства. Теперь кажется ясно, что султанъ Казан-Гирей дѣйствуетъ совершенно во вредъ нашему правительству. Если вашему превосходительству невозможно самимъ пожаловать сюда, и все изволите полагать, что я увлекаюсь мнительностью своего характера, то умолю насъ, изволите прислать донфиренную особу шикнуть въ это дѣло и доложить

о немъ вашему превосходительству, только чтобъ особа эта была не изъ туземцевъ. Я, къ сожалѣнью моему, долженъ сказать, что ежедневно болѣе и болѣе убѣждаюсь въ неблагонамѣренности султана Казн-Гиремъ, который дѣйствуетъ вовсе не какъ русскій патриотъ, но какъ заклятый врагъ Россіи, одушевленный всѣмъ фанатизмомъ мусульманина.

Еще я рѣшаюсь довести до свѣдѣнія нашего превосходительства обстоятельство весьма важное. Султанъ сильно сталъ тѣснить и нападать на бабуковскихъ казаковъ, угнетая ихъ всѣми возможными мѣрами. Онъ далъ поступкамъ своимъ тотъ видъ, что хочетъ этихъ казаковъ подтянуть, находя, что я ихъ распустилъ, и притомъ хочетъ показать свое безпристрастие въ сравненіи ихъ съ русскими. Между тѣмъ, сами бабуковцы и всѣ туземцы понимаютъ это совершенно иначе. Небъ говорить, что это одинъ аулъ мусульманскій, который служить казаками, что ихъ нельзя поэтому считать мусульманами, и что султанъ имъ это хочетъ дать на всякомъ шагѣ чувствовать. Онъ даже притворно обѣщается этотъ аулъ, и туземцы говорятъ, что онъ этимъ хочетъ доказать преарбіи свое къ нимъ. Они приходятъ въ отчаяніе, и ваше превосходительство сами изволите видѣть, къ чему это можетъ повести. Самый выборъ сотеннаго командира рѣзко выказываетъ дурное намѣреніе султана. Нѣкто Павловскій, отрѣшенный изъ станичныхъ начальниковъ полковникомъ Ильинскимъ за воровство и гадости, еще теперь находящійся подъ свѣдѣніемъ, отрѣшенный мною отъ командованія Ессентукской станицей за ваятки, отрѣшенный имъ отъ командованія Ноовымъ вуломъ, что на Кумѣ, за слишкомъ дерзкое обращеніе съ азіатцами, — онъ этого человѣка сдѣлалъ начальникомъ Бабуковской сотни. Не было по сіе время примѣра, чтобы бабуковского казака тронули пальцемъ. Султанъ допустилъ русскаго урядника высѣчь бабуковского казака изъ узденей за то, что его телепокъ перешелъ черезъ черту выгона. Этотъ анекдотъ, рассказываютъ по всей Кабарлѣ. Я на Бабуковский аулъ много надѣялся, но ежели султанъ обращеніемъ своимъ доведетъ ихъ до отчаянія, они могутъ первые подать сигналъ къ общему возстанію. Сдѣлайте милость, пошлите секретно узнать объ этомъ и проверить слова мои, только не туземца, потому что бабуковцы составляютъ предметъ ненависти всѣхъ туземцевъ.

Можетъ быть, всѣ мои рассказы покажутся вашему превосходительству преувеличенными, и вы изволите сказать, что я вижу все слишкомъ дурно; но я рѣшаюсь подвергнуться этому осужденію, нежели молчать предъ моимъ начальникомъ, и въ случаѣ смуты поставить его въ такое положеніе, въ какое становятъ тѣ подчиненные, которые, желая заслуживать похвалы, скрываютъ истину отъ начальниковъ своихъ.

7-го Іюня 1848 года.

Ардонъ.

Ваше Превосходительство
Николай Степанович!

Вамъ угодно было знать о томъ, что будетъ происходить между мною и Кази-Гиреемъ по возвращении моемъ въ Кисловодскъ. Поэтому мнѣ честь уведомить ваше превосходительство, что султаны у меня былъ два раза, и всѣ мы разговоръ чисто служебный. Не было никакихъ объясненій. Онъ теперь находится въ Ессентукахъ. Тамъ былъ вчера обѣдъ продольный для Худиева отъ общества офицеровъ. И сегодня выѣзжаю въ Карачай, отсюда въ Уруслій, а оттуда въ Пальники. Болѣе подробностей писать вашему превосходительству не смѣю и ожидаю рѣшенія моей будущности отъ васъ.

Ваше Превосходительство
Николай Степанович!

Моя судьба рѣшена; я ѣду въ отпускъ въ Петербургъ и тамъ поступаю въ образцовый полкъ. Не нахожу словъ, чтобы выразить вамъ, до какой степени я признателенъ вашему превосходительству за все милостивое вниманіе ваше, коимъ я пользовался во все время служения моего подъ вашимъ начальствомъ. Теперь беру смѣлость просить васъ вступиться за двухъ человѣкъ, которыхъ вся будущность испорчена собственно за то, что они были мнѣ преданы: майоръ Полозовъ и хорунжій Кологривовъ, адъютантъ цвѣрскаго мнѣ управленія. Я знаю хорошо обоихъ и смѣло могу утѣрить ваше превосходительство, что способные, добросовѣстные, безкорыстные и усердные офицеры здѣсь у васъ имѣть 1-го рѣшились погубить султаны Азиль и Кази Гирей, и уже очерянули его въ мнѣніи князя. Второго погубить непременно князь Эристовъ, который, я полагаю, будетъ назначенъ на мое мѣсто. Этихъ двухъ офицеровъ обидѣть и выгнать будетъ, право, грѣхъ, а ежели вы не изволите ихъ принять подъ свое покровительство, это непременно будетъ. Атаманъ же за нихъ уже не заступится, потому что побоятся султановъ. Еще долгъ службы заставляетъ меня предупредить ваше превосходительство, что торжество султановъ, уже ими разглашенное еще до нашего приѣзда въ Пятигорскъ, имѣло такой страхъ на бабуконцевъ, что ежели вы не изволите очень близко посмотреть на это, то тамъ будутъ дѣлаться цѣлостовыя притѣвленія и много праведнаго народа погибнетъ.

Генералъ-майору Гоголю.

Ваше превосходительство изволили мнѣ отъ 18 Іюня за № 580 предписать, согласно волѣ г. главнокомандующаго, представить къ наградамъ Волгскаго

полка урядника Андрея за отличие, оказанное им 10 числа Мая мѣсяца. Не получая моего донесенія, отъ 14 Августа, вы исполнили повторить мнѣ это предписаніе. Я не рѣшился рапортомъ оправдать себя и обвинить гласно всю темноту этого дѣла, но предпочелъ лучше изложить въ письмѣ причины моего молчанія на предписанія ваши.

Вашему превосходительству, такъ какъ и всѣмъ здѣсь, извѣстно, что самыя изумительныя и пошлыя интриги заставили меня оставить службу на Кавказѣ. Одинъ изъ самыхъ злыхъ моихъ враговъ есть султанъ Казн-Гирей,—въ колыханіи напитанный враждою ко всему русскому и человѣку, который ничто не остановитъ въ предпріятіяхъ его, когда дѣло коснется до того, чтобы копать яму подъ врагомъ. И командовалъ бригадою волгскихъ казаковъ и знаю, что я вообще этимъ казаками любимъ. Вотъ причина, почему Казн-Гирей, вступивъ въ командованіе этою бригадою, облекая всѣ дѣйствія свои въ форму службы, и движимый личною ненавистью ко мнѣ, можетъ быть за то, что я природный русский, сталъ тѣснить казаковъ и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которые мною были отличены чѣмъ либо. Не только казаки, но и офицеры, бывшіе со мною ближе, сдѣлались предметомъ притѣсненій и гониміи султана. Урядникъ Андрей былъ дѣйствительно постоянно мною отличаемъ, но Богъ свидѣтель тому, что причина этому отличію была не что иное, какъ отличная служба Андрея, который соединилъ въ себѣ, что только отъ урядника можно желать: молодецъ собою, отличный наѣздинъ, самаго отличнаго поведенія, храбрый въ дѣлѣ, грамотный, и за всѣ эти достоинства онъ былъ постоянно отличаемъ генераломъ Гурко и наконецъ лично княземъ Воронцовымъ, при коимъ дѣлалъ двѣ экспедиціи. Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ, какъ онъ старшимъ урядникомъ въ сотнѣ. Едва султанъ Казн-Гирей принялъ бригаду, какъ начались на Андрея въ числѣ прочихъ гониміи: стали паходить его дурнаго поведенія, неисправности по службѣ, стали называть безпрерывно; раза три жестоко сѣкли, по нѣскольку мѣсяцевъ посылали въ другой полкъ служить за казакъ. Наконецъ, измысливая самыя стѣснительныя показанія въ то время, когда снѣгъ еще не сходилъ съ горъ, за два мѣсяца до занятія передовой Кисловодской линіи, и тогда когда всякій день дорогъ для хозяйства казакъ, султанъ послалъ его съ семью казаками стоять на горахъ, занимаемыхъ лѣтомъ передовой Кисловодской линіей. Тутъ ему судьба покровительствовала, онъ наткнулся на партию и отличился. Главнокомандующій, усматривая о его отличіи изъ военнаго журнала, приказалъ изволѣть его представить къ награжденію. Получивъ о томъ предписаніе вашею превосходительства, я потребовалъ отъ бригады формуляръ Андрея. Пришелъ мѣсяцъ, султанъ не высылалъ оного. Тогда полковникъ Алексинъ, въ отсутствіе мое, потребовалъ формуляръ этотъ прямо изъ полка. Полковникъ

командиръ майоръ Чорба немедленно послалъ на ния мое при рапортѣ формуляръ Андреева въ Нальчикъ и аттестовалъ его отлично. Султанъ, который, повидимому, слѣдилъ за этимъ, послалъ на почту перехватить этотъ рапортъ и, по непостижимой дерзости, которую ему даютъ усѣхи его въ интригахъ, вскрылъ конвертъ и вынулъ формуляръ (объ этомъ я имѣю официальный рапортъ отъ Чорбы). 7-го Іюля султанъ прислалъ формуляръ Андреева, подписанный имъ самимъ, въ коемъ онъ его аттестовалъ дурно. Чувствуя, что вся ния Андреева есть хорошее мое къ нему расположеніе, я медлилъ доносить вашему превосходительству, что этого урядника нельзя представить къ награждѣ, потому что формуляръ его запятнанъ, и полагалъ, что мое ходатайство имѣло добра могло бы ему болѣе повредить, потому что съ нѣкотораго времени не вѣрятъ всѣмъ моимъ представленіямъ, основаннымъ на самыхъ рѣзкихъ фактахъ, здѣшнему начальству, милостивымъ расположеніемъ коего и по сіе время пользовался, и которое еще весьма недавно признавало во мнѣ хорошаго способности, хорошую нравственность и находило не совсѣмъ глупымъ чело-вѣкомъ;—къ несчастію моему, теперь видятъ во мнѣ совершенно противное и признаютъ во мнѣ чело-вѣка, занимающагося одними сплетнями и дѣйствующаго не своимъ взглядомъ и умомъ, а слушающаго и вѣрующаго лишь всякому инушнику. Я принимаю немилость начальства моего съ сокрушеннымъ сердцемъ и переношу ее со скорбью въ душѣ, утѣшаясь только одной мыслью, что совѣсть моя чиста предъ Богомъ и государемъ такъ, какъ далъ Богъ, чтобы она была чиста у каждаго русскаго дворянина. Теперь вашему превосходительству извѣстно, почему я по сіе время не дѣлалъ представленія объ Андреевѣ. Меня отпустили какъ ненужнаго офицера, князь Эристовъ добился моего мѣста; но ежели изволите въ отсутствіи моемъ повторить предписание ваше, можетъ быть изволите получить формуляръ этого несчастнаго урядника, написанный добросовѣстно.

29 Августа 1845 года.

Нальчикъ.

Ваше Превосходительство
Павелъ Астафьевичъ!

Не нахожу словъ, чтобы благодарить ваше превосходительство за благо-склонное письмо отъ 14 Февраля. Вѣрьте, что лестное вниманіе ваше и князя Михаила Семеновича ко мнѣ есть сильнѣйшій двигатель въ усердіи моемъ къ службѣ. Къ чему послужило бы это усердіе при затрудненіяхъ, мною встрѣчаемыхъ, ежели бы я не имѣлъ счастья пользоваться милостивымъ покрови-тельствомъ вашего превосходительства. Я успѣлъ Анзоровыхъ остановить до выѣзда ихъ въ Тифлисъ и получилъ чрезъ командующаго войсками запрещеніе

впредь кабардинцев пускать от Тифлиса без предварительного разрешения главнокомандующаго, что дало мнѣ теперь возможность имъ отказывать въ подобныхъ просьбахъ. Къ переселенію Анзаровыхъ я приступилъ. Собирая ихъ всѣхъ нѣсколько разъ къ себѣ и наконецъ въ судѣ, гдѣ окончательно объявилъ, что если они не будутъ переселяться, то я вынужденъ буду переселить ихъ силою. Много было преній и толковъ, и они обѣщались непременно приступить къ переселенію немедленно. Я возложилъ наблюдение за ятмъ переселеніемъ на князей Мисостова и Хамураина, ихъ владѣльцевъ. Переселение же ауловъ Селима и Хату Анзаровыхъ, по случаю отсутствія ихъ обоихъ, я возложилъ на родственника ихъ Батыръ-Бека Тамбиева. Несмотря на всѣ обѣщанія Анзаровыхъ, они по сіе время не приступаютъ къ переселенію. Ежедневно являются ко мнѣ депутаты отъ нихъ съ изложеніемъ новыхъ жалобъ на несправедливое будто бы въ этомъ дѣлѣ распоряженіе начальства и новыхъ препятствій къ переселенію. Нѣсколько разъ я имъ давалъ отсрочку, но 1-е Апрѣля назначилъ окончательнымъ срокомъ, и кажется, что необходимо будетъ устранить ихъ, подводя къ нимъ войска. Хотя въ Кабардѣ постоянно говорятъ, что они всѣ присягнули не сходить съ мѣстъ своихъ и драться до послѣдней крайности, но я почти навѣрное думаю, что появленіе войскъ заставитъ ихъ безъ сопротивленія переселиться. Я сейчасъ выѣзжаю въ Ставрополь, откуда позавтракаю возвратиться дня чрезъ четыре и тогда придвинуть къ аулу Тембота Анзарова на Лескенѣ изъ Ардона 1 батальонъ Тенгисскій и два пѣшія гарнизонныя орудія чрезъ Ермоловскій просѣкъ, два конныя кавказскія орудія изъ Уруха съ 2 сотнями линейныхъ казаковъ, одну роту и 1 сотню казачковъ изъ Пальчика. Мнѣ кажется, что видя такую массу войскъ, стягивающихся со всѣхъ сторонъ, они немедленно станутъ накладывать имущество на арбы. Я поставлю отрядъ верстахъ въ полтора отъ ауловъ, когда они вывезутъ все свое добро, я сваяю сакли, но не полагаю даже нужнымъ предавать ихъ огню. Если бы, чего я не думаю, они рѣшились долѣе оказывать неповиновеніе, то я полагаю объявить вольность холоднымъ, которые немедленно выйдутъ. Тогда и предложить имъ вывести женъ и дѣтей и послѣ этого уже открыть огонь изъ артиллеріи. Я долженъ доложить вашему превосходительству, что во всѣхъ переговорахъ съ Анзаровыми мнѣ много содѣйствовалъ Батыръ-Бекъ-Тамбиевъ. Вашему превосходительству извѣстно, что онъ подавалъ мнѣ рапортъ объ увольнении его отъ должности судьи. Онъ, повидимому, полагалъ, что я его буду упрашивать оставаться. Но я предписалъ суду, согласно его желанію, избрать другаго на его мѣсто и распустилъ судъ на одинъ мѣсяць. Все это время Батыръ-Бекъ употребилъ на угощеніе князей и узденей его фамилии (то есть фамиліи Мисостовыхъ), для того чтобы они просили меня его оставить въ судѣ, говоря, что достойнѣе его не находятъ; судъ объ

итомъ мнѣ донесъ рапортомъ, который и препроводилъ Батыръ-Бекъ въ доказательство того, что я исполнилъ его желаніе, и просилъ его донести мнѣ, останется ли онъ и засѣмъ въ прежнемъ намѣреніи. На это онъ откликнулъ, что желіесть остаться въ судѣ. Теперь онъ очень хорошо себя ведетъ, усердно дѣлствуетъ въ мою пользу, и мы съ нимъ большіе друзья. О степени взаимной нашей довѣренности мы одни можемъ судить. Но все дѣлствуетъ хорошо и болѣе этого нечего желать.

И имѣлъ честь доводить до свѣдѣнія вашего превосходительства дѣлствія князя Эристова, клонящихся къ тому, чтобы отнять у меня вѣсь въ адъшнемъ народѣ. Желалъ бы ошибаться, но, къ сожалѣнію, онъ поступаетъ такъ открыто, такъ дерзко, что много мнѣ портитъ. Въ прошломъ октябрѣ были пойманы въ Малой Кабардѣ два абрека изъ жителей Большой Кабарды. Князь Эристовъ отдалъ оружіе ихъ поимщикамъ, и имъ дозволилъ жить въ своихъ аулахъ на порукахъ у одного Анзарова, подѣ секретъ отъ меня. Въ декабрѣ я узналъ объ этомъ, писалъ объ нихъ къ князю Эристову, онъ не отвѣчалъ. Я предписывалъ Анзарову мнѣ ихъ доставить; тотъ донесъ мнѣ, что онъ ихъ передать, по приказанію князя Эристова, приставу Малой Кабарды. Я опять пишу къ князю Эристову; онъ ухажалъ въ Тифлисъ, и за отсутствіемъ его мнѣ отвѣтилъ подполковникъ Кулаковъ, что это дѣлствительно было сдѣлано по приказанію князя Эристова. Я сталъ требовать отъ Кулакова, чтобы онъ мнѣ этихъ людей представилъ, потому что я имѣю руководство, какъ поступать съ абреками, и спрашивалъ у князя Эристова, почему онъ не уяѣдомляетъ меня о подобныхъ проишествіяхъ. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что, не состоя въ вѣдѣніи моемъ, такъ, какъ начальникъ Малой Кабарды, онъ не считаетъ себя обязаннымъ отдавать мнѣ отчетъ въ томъ, что случается въ Малой Кабардѣ. Я донесъ объ этомъ генералу Завадовскому. Его превосходительство предписалъ князю Эристову немедленно абрековъ этихъ мнѣ представить. Тогда онъ ихъ отправилъ въ имирную Чечню и донесъ генералу Завадовскому, что они отправлены для выкупа плѣннаго моздокскаго армянина и немедленно по возвращеніи будутъ доставлены. Вотъ уже мѣсяць, какъ одинъ изъ этихъ опять живетъ въ своемъ аулѣ въ Большой Кабардѣ, по приказанію князя Эристова, безъ вѣдома моего. Я его сталъ требовать отъ князя Эристова, на что онъ мнѣ доноситъ, что одинъ изъ нихъ еще не возвратился изъ Чечни, а другой выкупилъ одного казака Горскаго полка, почему онъ вошелъ съ представленіемъ прямо отъ себя къ командующему войсками о своевременномъ освобожденіи его отъ взысканія. На дняхъ я получилъ предписаніе отъ превосходительства о возвращеніи абрека этого на жительство въ аулъ, для того чтобы познаты вѣрныиъ слову русскаго полковника.

Ваше превосходительство изволите согласиться, что князю Эристову не было

никакого сѣдѣя явѣшваться въ это дѣло, и что онъ, обвиняющійся противозаконно, сдержалъ свое слово, а я, не отступая отъ провинт. службы, себя передъ кабардинцами скомпрометировалъ. Одинъ кабардинецъ Березговъ бѣжалъ и былъ объявленъ абрекомъ еще предѣстникомъ мнѣ. Одинъ изъ почетныхъ кабардинцевъ, явивъ ко мнѣ, объявлялъ, что Березговъ при побѣдѣ увелъ у него лошадь, и теперь живеть безнаказанно въ Малой Кабардѣ. И его пустилъ къ Березгову на лошадь. Кабардинецъ возвращается ко мнѣ съ отвѣтомъ, что Березговъ обѣщалъ ему привести лошадь его изъ непокорной Чечни, на что хотѣлъ просить билетъ у князя Эрнстова. Тогда я пишу къ князю Эрнстову объ этомъ и предписываю Березгова доставить ко мнѣ и меня уведомить, почему онъ опять держитъ въ Малой Кабардѣ четыре мѣсяца абрека, не уведомляя меня объ этомъ. Князь Эрнстовъ отвѣчалъ, что онъ не обязанъ мнѣ отдавать отчета въ дѣйствіяхъ своихъ по Малой Кабардѣ, что ежели бы нашелъ нужнымъ послать Березгова въ Чечню, то пошлетъ, ни у кого не спрашивая на то разрѣшенія, что впрочемъ Березговъ изъявилъ желаніе поселиться въ Малой Кабардѣ. Я допесъ объ этомъ генералу Заводошскому. Теперь князь Эрнстовъ мнѣ доноситъ, что хотя по приказанію командующаго войсками генералъ Нестеровъ и предписывалъ ему Березгова представить ко мнѣ, но онъ вошелъ объ немъ съ особымъ представителемъ къ генералу Заводошскому прямо отъ себя, о прощени Березгова, потому что онъ выкупилъ плѣнннго князя. Я еще не получилъ на это разрѣшенія, но Березгова имѣни давно уже описано, и холопямъ объявлена вольность. Ежели мнѣ вѣрно будетъ опять этихъ холопей ему отдать, то ваше превосходительство сами изволите видѣть, до какой степени это уничтожить ко мнѣ довѣренность кабардинцевъ и усилить здѣсь увѣреніе, что во всѣхъ трудныхъ случаяхъ они должны обращаться мимо меня къ князю Эрнстову.

Я имѣлъ честь писать вашему превосходительству, что назначеніе мое многимъ здѣсь не нравится. Ежели бы недовольные ограничивались личнымъ негодованіемъ, тутъ не было бы бѣды, но, по несчастію, отъ этого терпитъ служба, какъ изволите усмотрѣть изъ слѣдующихъ случаевъ. Въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ я прибылъ въ г. Пятигорскъ, гдѣ была тогда княгиня Воронцова; остаются тамъ двое сутокъ. Никто изъ тѣхъ, которые обязаны ко мнѣ были явиться съ рапортомъ о состояніи частей своихъ, не показались мнѣ, ни командиръ полубаталіона линейнаго, ни командиры рабочей и инвалидной роты, ни смотритель госпиталя, и никто изъ управленія пятигорскаго коменданта. Выѣхавъ тогда изъ города, я просилъ полковника принца отношеніемъ предписать на будущее время всѣмъ начальникамъ частей, въ вѣдѣніи моемъ состоящимъ, въ случай моего пріѣзда непременно ко мнѣ являться съ рапортомъ. Съ тѣхъ поръ, набѣгая этихъ встрѣчъ, я проѣзжалъ черезъ Пятигорскъ всегда

ночью. На днях, я должен был инспектировать питигорский госпиталь, и предупредить о своем приезде, был потрачен командиром казачьей бригады и Донецкого полка и смотрителем госпиталя; прибыв в город с вечера, я точно так же устроился о прибытии своем командантское управление, и окончив смотреть на другой день уже поздно вечером, выехал, но не дождался никого из начальников частей с рапортами.

1-го Октября прошлого года я сдвинул распоряжение о прикрытии Георгиевской ярмарки, назначив два орудия и 80 человек линейного № 5 батальона. Прибыв на ярмарку, где полками командовал подполковник Илювский, я был крайне встревожен, увидав орудия без прикрытия среди ярмарки. Илювский объяснил мне, что к нему из батальона адъютант не явился, и на многократные его требования последовал один только ответ, что в батальон идти людей. Желая выиграть время, пока куда-нибудь недостаток в людях объяснится, и послать нарочного в ст. Горячеводскую, чтобы оттуда форсированным маршем рота линейного № 5 батальона прибыла в Георгиевск, а вместо нея из Ессентуков пришла бы рота Кубинского егерского полка. Егеря пришли, а линейная рота не выступила. В то же время командир батальона, подполковник Сулимовский, прямо от себя просил командующего войсками усилить Георгиевский гарнизон одною ротой. Получив об этом предписание от командующего войсками, который представлял мне назначение этой роты, я немедленно предписал роту егерей, прибывшей из Ессентуков, оставаться в Горячеводск для содержания карлунов в Питигорск, а линейной роты приказал оставаться в Георгиевск. Через две недели я был крайне удивлен, узнав, что линейный батальон этого передвижения не исполнил. Я повторил предписание роту выступить из Горячеводской станции, на что мне ротный командир, доносил рапортом, что подполковник Сулимовский ему предписал не выступать. Прошло еще две недели. В станции стояли три роты. Несмотря на многократные мои подтверждения, Сулимовский не высылал роты, не объяснил мне даже причины такого отсутствия. Я возвратил егерей в Ессентуки и доносил формально об этом генералу Завадскому. Между тем Сулимовский прямо от себя сдвинул представление, и велю мне, по случаю прибывших из разных мест в Георгиевск людей, линейного батальона оставить роты на прежних местах. Во время ярмарки и прожить три суток в Георгиевск и никого не мог дождаться с рапортами: ни полкового начальника, ни командира батальона, ни даже его адъютанта или вестового от него. При выезде я за это сдвинул выговор войсковому начальнику и подполковнику Сулимовскому из приказ по Центру. На днях я прибыл в Георгиевск для инспектирования госпиталя, накануне предупредил о прибытии своем войскового начальника чрез

нарочнаго. Ко мнѣ явился плацъ-адъютантъ безъ рапорта, объяснивъ, что воинскій начальникъ боленъ. И его послалъ къ подполковнику Сулимовскому съ приказаніемъ пожаловать ко мнѣ лично или прислать адъютанта своего и кромѣ того прислать ординарца и мѣстоваго. Подполковникъ Сулимовскій подписалъ строевой рапортъ и приславъ его съ штабъ-капитаномъ своего баталіона, запрегъ лошадей и уѣхалъ въ Пятигорскъ въ моихъ глазахъ. Адъютантъ выѣсто себя прислалъ другаго офицера. О всѣхъ этихъ безпорядкахъ я официально доношу командиру войскамъ, и получить отъ его превосходительства разрѣшеніе, сейчасъ ѣду въ Ставрополь лично обо всемъ доложить.

И утомляю ваше превосходительство подробностями, которыя походятъ на сплетни, но считаю долгомъ довести обо всемъ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства. Рапортъ былъ бы можетъ быть непрятекъ вашему превосходительству, и было бы это отступленіемъ отъ порядка службы. Ваше превосходительство сами изволите согласиться, что усердіе мое ничего не значить среди господствующей здѣсь анархіи. Если начальству не угодно будетъ сильными мѣрами положить безпорядкамъ конецъ, то въ случаѣ несчастія весь отъ вѣтъ падеть на меня, но я не о себѣ боюсь: совѣсть моя чиста; а я для приведенія всего въ порядокъ дѣлалъ все то, что умѣлъ. Малѣйшее возстаніе въ гузмачахъ погубитъ весь край, потому что нѣтъ никакой возможности начальнику дѣйствовать успѣшно тамъ, гдѣ никто не хочетъ повиноваться, а ежели уже войска выйдутъ изъ повиновенія, то я не знаю, къ чему прибѣгнуть въ случаѣ крайности. Меня могутъ судить и справедливо на меня обрушить все дурное, я пропаду, по правдоу вѣрно ничего не выиграешь, потому что тѣ же безпорядки будутъ продолжаться.

Милостивый Государь
Николай Петровичъ!

Я не отвѣчалъ вамъ чрезъ нарочнаго вашего, потому что имѣлъ въ виду скорый отъѣздъ въ Кабарду г. Кодазкова, съ которымъ посылавъ это письмо. Съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о переселеніи ауловъ Аназаровскихъ. Дай Боже, чтобы вамъ не нужно было прибѣгнуть къ вооруженной силѣ и къ мѣрамъ строгости. Я надѣюсь съ вами, что, видя массу людей, кабардинцы опомнятся, и что все обойдется благополучно. Во всякомъ случаѣ намъ уступитъ невозможно.

Весьма радъ, что Батырь-Бекъ сошелся съ вами по крайней мѣрѣ по паружности, болѣе требовать нельзя.

Все, что вы пишете насчетъ дѣйствій князя Эристова, крайне меня заушило. Я привыкъ видѣть въ немъ человѣка благонамѣреннаго и добросовѣст-

наго, и мнѣ весьма жаль, если долженъ буду переимѣнить свое мнѣніе. Что же касается до неповиновенія, встрѣченнаго вами въ командирѣ № 5 батальона и въ Пятигорскѣ, то я не понимаю, какъ оно могло имѣть мѣсто, и конечно генералъ Завадовскій, упавши объ этомъ, приметъ строжайшія мѣры, чтобы оно впредь не случилось, высклать вмѣстѣ съ тѣмъ съ виновныхъ. Искъ распоряженій по Центру должны идти чрезъ васъ, и если кто позволитъ себѣ дѣйствовать иначе, то онъ подвергнется строгой отвѣтственности; отъ васъ это зависитъ, вы начальникъ.

Г. Кодазковъ ѣдетъ для свиданія съ отцомъ, передъ выѣздомъ сего послѣдняго въ Мекку; г. главнокомандующій воспользовался этимъ, чтобы дать Кодазкову поручение дѣйствовать въ своемъ кругу на кабардинцевъ, такъ какъ молодой человѣкъ этотъ весьма хорошо видитъ вещи и притомъ весьма неглупый. Онъ можетъ быть полезенъ и вамъ, тѣмъ болѣе, что онъ уже и прежде былъ вамъ навѣстенъ, какъ онъ мнѣ сказалъ.

Желаю вамъ отъ души успѣха и здоровья; остаюсь навсегда преданный вамъ Павелъ Коцебу.

4-го Апрѣля 1848 года.

Тифлисъ.